

Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

СКРЮЧЕННЫЙ ДОМИШКО

Помните английскую песенку в переводе Корнея Чуковского: «А за скрюченной рекой / В скрюченном домишке / Жили летом и зимой/ Скрюченные мышки»? Для жителей особняка «Три фронтона» эта песенка весьма актуальна – разросшийся пристройками коттедж, населенный большой шумной семьей, действительно напоминает тот самый «скрюченный домишко». В таком доме просто обязана парить веселая кутерьма. Но однажды там стали совершаться убийства...

- [Агата Кристи](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Агата Кристи

Скрюченный домишко

Я познакомился с Софией Леонидис в Египте в конце войны. Она занимала там довольно высокую административную должность в одном из департаментов Министерства иностранных дел. Мне ее довелось узнать сначала как официальное лицо, и очень скоро я оценил ту необычайную толковость, которая и привела ее на этот пост, несмотря на крайнюю молодость (всего двадцать два года).

Смотреть на нее было очень приятно, а сверх того она обладала ясным умом и суховатым юмором, который я находил восхитительным. Мы подружились. Разговаривать с нею было удивительно легко, и мы частенько с большим удовольствием вместе обедали и иногда танцевали.

Все это я ясно сознавал, но лишь в самом конце войны, когда меня решили перевести на Восток, я уразумел и кое-что другое – что я люблю Софию и хочу на ней жениться.

Я сделал это открытие в то время, как мы обедали в «Шепарде». Я не испытал при этом потрясения, открытие пришло скорее как осознание факта, с которым я давно свыкся. Я взглянул на нее новыми глазами, но увидел то же, что видел раньше и что мне так нравилось: темные курчавые волосы, гордо поднимающиеся надо лбом, яркие голубые глаза, небольшой, воинственно выдвинутый вперед подбородок, прямой нос. Мне нравился ее элегантный светло-серый костюм и сверкающе-белая блузка. В Софии было что-то подкупающе английское, и мне, три года не выдавшему родины, это казалось необычайно привлекательным. «Англичанка до мозга костей, – подумал я, и в ту же минуту мне вдруг пришло в голову: – А так ли это, возможно ли такое на самом деле? Может ли реальность обладать совершенством театрального воплощения?»

Я припомнил, что во время всех наших долгих и непринужденных разговоров, когда мы обменивались мнениями, обсуждали наши симпатии и антипатии, а также будущее, близких друзей и знакомых, София ни словом не обмолвилась о своем доме или семье. Обо мне она знала все (как я уже упоминал, она была хорошей слушательницей), но о ней самой я не знал ничего. Скорее всего, у нее, как и у всех людей, где-то был дом, была семья, и тем не менее она никогда о них не упоминала. И до этой минуты я как-то не осознавал этого.

София спросила, о чем я думаю.

– О вас, – сознался я.

– Понимаю, – сказала она.

И кажется, она действительно все поняла.

– Может быть, мы не увидимся ближайший год или даже два, – продолжал я. – Не знаю, когда я попаду в Англию, но, как только вернусь, я сразу же явлюсь к вам и попрошу вас стать моей женой.

Она словно и не слыхала – просто продолжала сидеть и курить, не глядя на меня.

Я испугался, что она меня не поняла.

– Знаете, София, – сказал я, – для себя я решил твердо – не делать вам предложения сейчас. Во-первых, сейчас вы мне можете отказать, я уеду и с горя свяжусь с какой-нибудь ужасной особой, просто чтобы облегчить себе муки самолюбия. А если и не откажете, то что нам делать? Пожениться и сразу расстаться? Или обручиться и приступить к долгому ожиданию? На это я не пойду из-за вас. Вдруг вы кого-то встретите, но будете считать себя связанной обещанием со мной. Мы живем в странной лихорадочной атмосфере, девиз которой «спеши успеть». Вокруг заключаются и распадаются браки, расстраиваются романы. Мне приятнее, если вы вернетесь домой свободная, независимая, оглядитесь и разберетесь в этом новом послевоенном мире и

решите сами, чего вы хотите. То, что существует между нами, София, должно быть прочным. Иного брака я не мыслю.

– Я тоже, – отозвалась София.

– И в то же время, – заключил я, – мне думается, я имею право дать вам понять, как... я к вам отношусь.

– Но без излишних лирических излияний, – тихонько добавила София.

– Сокровище мое! Неужели вы не понимаете? Я изо всех сил старался не сказать, что люблю вас!..

Она остановила меня:

– Понимаю, Чарльз. Мне нравится ваша забавная манера подходить к вещам. Вы можете прийти ко мне, когда вернетесь, – конечно, если вам еще захочется...

На этот раз прервал ее я:

– Вот уж тут сомнений быть не может.

– Сомнения всегда найдутся. Всегда может возникнуть непредвиденное обстоятельство, которое спутает карты. Начать с того, что вы не очень-то много про меня знаете, правда?

– Я даже не знаю, где вы живете в Англии.

– В Суинли Дин.

Я кивнул – это был фешенебельный дальний лондонский пригород, славящийся тремя превосходными площадками для гольфа, предназначенными для лондонских толстосумов из Сити.

– В скрюченном домишке, – добавила она тихонько с задумчивым видом.

Должно быть, у меня сделался оторопелый вид, во всяком случае, она улыбнулась и процитировала полнее:

– «А за скрюченной рекой в скрюченном домишке жили летом и зимой скрюченные мышки». Это про нас. Дом, правда, домишком не назовешь, но весь косо-кривой – это точно. Сплошные фронтоны и кирпич с деревом.

– У вас большая семья? Братья, сестры?

– Брат, сестра, мать, отец, дядя, тетка, дед, двоюродная бабушка и вторая жена деда.

– Ничего себе! – вырвалось у меня.

Я был несколько ошеломлен.

Она засмеялась:

– Вообще-то мы, как правило, не живем все вместе. Нас свела война, бомбежки... Но, мне кажется, – она задумчиво нахмурила брови, – внутренне семья не расставалась и всегда жила под присмотром и под крылом у деда. Мой дедушка – личность. Ему за восемьдесят, ростом он не выше полутора метров, но рядом с ним все остальные как-то тускнеют.

– По вашему описанию, фигура любопытная.

– Так оно и есть. Он – грек из Смирны, Аристид Леонидис. – И с лукавым огоньком в глазах она добавила: – Несметно богат.

– Сохранит ли кто-нибудь свои богатства, когда война окончится?

– Мой дед, – с уверенностью ответила София. – Никакая политика выкачивания денег из богачей его не проймает. Он сам выкачает деньги из кого угодно. Интересно, – прибавила она, – понравится ли он вам?

– А вам он нравится?

– Больше всех на свете, – ответила София.

Прошло два с лишним года, прежде чем я снова попал в Англию. Прожить их оказалось нелегко. Мы переписывались с Софией довольно часто. Ее письма, как и мои, не были любовными. Скорее переписка двух близких друзей – обмен мыслями и мнениями, соображения по поводу каждодневных событий. И все же, что касается меня, да, по-моему, и Софии тоже, чувство наше друг к другу становилось все глубже и сильнее.

Я возвратился в Англию пасмурным теплым сентябрьским днем. Листья на деревьях в вечернем свете отсвечивали золотом. Порывами налетал шаловливый ветерок. Прямо из аэропорта я послал телеграмму Софии:

«Только что прибыл тчк Согласно ли пообедать сегодня вечером Марио девять тчк Чарльз».

Часа два спустя, когда я просматривал «Таймс», в колонке «Рождения, браки, смерти» мне бросилась в глаза фамилия Леонидис:

«19 сентября в „Трех фронтонах“, Суинли Дин, в возрасте 87 лет скончался Аристид Леонидис, возлюбленный супруг Бренды Леонидис. Она скорбит о нем».

Ниже, непосредственно под этим объявлением, стояло:

«Семья Леонидис. У себя дома в „Трех фронтонах“, Суинли Дин, скоропостижно скончался Аристид Леонидис. Любящие дети и внуки искренне оплакивают его. Цветы посылать в церковь Св. Эдред, Суинли Дин».

Два эти объявления меня весьма удивили. По-видимому, произошла какая-то редакционная ошибка, приведшая к повторному сообщению. Я в первую очередь подумал с тревогой о Софии и немедленно отправил вторую телеграмму:

«Только что прочел известие смерти вашего деда. Глубоко сочувствую. Дайте знать, когда смогу вас увидеть. Чарльз».

Телеграмма от Софии застала меня в шесть часов в доме моего отца:

«Буду Марио девять. София».

Перспектива встречи с Софией привела меня в нервное возбуждение. Время ползло со сводящей с ума медлительностью. В «Марио» я заявился на двадцать минут раньше назначенного часа. София опоздала всего на пять минут.

Встреча с тем, кого не видел очень давно, но кто все время занимал твои мысли, всегда потрясение. И когда наконец София показалась в вертящихся дверях, все дальнейшее приобрело нереальный характер. Она была в черном, и это меня почему-то неприятно поразило. Многие женщины вокруг были в черном, но я решил, что это траур, а я не ожидал, чтобы София вообще стала надевать траур даже ради близкого родственника.

Мы стоя выпили по коктейлю, потом отыскали свой столик. Мы говорили быстро и лихорадочно, расспрашивая друг друга о прежних каирских знакомых. Разговор был какой-то

ненатуральный, но он помог нам преодолеть первоначальную неловкость. Я выразил свои соболезнования по поводу смерти ее деда, София ответила спокойным тоном, что произошло это несколько неожиданно. Затем мы опять пустились в воспоминания. Меня охватило беспокойство – что-то идет не так, и дело совсем не в неловкости, которая вполне естественна после стольких лет разлуки. Нет, определенно что-то неладное творилось с самой Софией. Быть может, она собирается с духом и сейчас сообщит мне, что встретила другого, кто ближе ей, чем был я? Что ее чувство ко мне «просто ошибка»?

И все-таки я почему-то сомневался, что причина в этом. Но в чем – я не знал. А между тем наша натянутая беседа продолжалась.

И только когда официант, поставив на стол кофе, с поклоном отошел в сторону, все вдруг стало на свои места. Вот снова София и я, мы сидим за столиком ресторана, как сживали много раз. Словно и не было всех этих лет разлуки.

– София! – сказал я.

Она сразу же откликнулась:

– Чарльз!

Я с облегчением вздохнул:

– Ну, слава богу. Что на нас нашло?

– Наверное, это моя вина. Я вела себя глупо.

– Но теперь все в порядке?

– Да, все в порядке.

Мы улыбнулись друг другу.

– Любовь моя! – сказал я. И сразу же: – Когда ты выйдешь за меня замуж?

Улыбка ее погасла. Нечто непонятное, не имеющее определения, вернулось назад.

– Сама не знаю, – ответила она. – Я не уверена, Чарльз, что вообще смогу выйти за тебя.

– Как, София? Почему? Я кажусь тебе чужим? Тебе нужно время, чтобы опять ко мне привыкнуть? Или же появился кто-то другой? Нет... – оборвал я себя. – Я олух. Причина не в этом.

– Не в этом. – Она покачала головой.

Я ждал. Она понизила голос:

– Причина в дедушкиной смерти.

– В смерти деда? При чем тут это? Какая разница? Не в том же дело... не думаешь же ты... неужели дело в деньгах? Он тебе ничего не оставил? Уверяю тебя, моя радость...

– Нет, деньги ни при чем. – Она еле заметно улыбнулась. – Я уверена, что ты охотно взял бы меня замуж и «в одной сорочке», как говорили в старину. Да и дедушка никогда в жизни не понес ни малейшего убытка.

– Так в чем же дело?

– Именно в его смерти. Понимаешь, Чарльз, он не просто... умер. Я думаю... его убили.

Я уставился на нее во все глаза:

– Что за фантастическая идея! Откуда эта выдумка?

– Это не выдумка. Во-первых, доктор повел себя очень странно. Отказался выдать свидетельство о смерти. Будет вскрытие. Совершенно ясно, что они подозревают что-то неладное.

Я не стал спорить. София была умница, и на ее выводы можно было положиться. Но я с горячностью сказал другое:

– Возможно, их подозрения неоправданны, но, даже если ты права и они оправданны, какое отношение это имеет к нам с тобой?

– При некоторых обстоятельствах – имеет. Ты на дипломатической службе. К женам там

предъявляются немалые требования. Нет, пожалуйста, не произноси слов, которые тебе не терпится сказать. Ты чувствуешь себя обязанным сказать их и, не сомневаюсь, действительно искренне так думаешь, и я теоретически с тобой согласна. Но я горда, дьявольски горда. Я хочу, чтобы наш брак был удачным для обоих, и поэтому не хочу быть половинкой жертвы во имя любви. Но, может, все еще образуется...

– То есть, может быть, доктор... ошибся?

– Даже если и не ошибся, неважно. Важно, чтобы убийца был тот, кто и требуется...

– Что ты такое говоришь, София?

– Безобразно такое говорить, но, в конце концов, я предпочитаю быть честной. – Она предугадала мой вопрос: – Нет, Чарльз. Больше я ничего не скажу. Я и так уже сказала слишком много. Но я решила непременно повидать тебя и сама все объяснить. Мы ничего не будем решать, пока все не прояснится.

– Но хотя бы расскажи мне, как и что.

Она покачала головой:

– Не хочу.

– София...

– Нет, Чарльз, не надо, чтобы ты увидел нас под моим углом зрения. Я хочу, чтобы ты взглянул непредубежденным взглядом со стороны.

– И каким образом мне это удастся?

В ее ярких голубых глазах, глядящих на меня, зажегся странный огонек.

– С помощью твоего отца, – ответила она.

Тогда, в Каире, я рассказал Софии, что мой отец – помощник комиссара в Скотленд-Ярде. Он и сейчас еще занимал эту должность. При ее словах холод сдавил мне грудь.

– Значит, дело настолько худо?

– Думаю, что да. Видишь, за тем столиком у входа сидит одинокий человек, вполне симпатичный, похож на отставного военного?

– Да.

– Он стоял на платформе в Суинли Дин, когда я садилась недавно в поезд.

– Ты хочешь сказать – он следит за тобой?

– Да. Думаю, вся наша семья находится... – как это называется? – под наблюдением. Нам, в сущности, намекнули, чтобы мы не покидали дом. Но я решила повидать тебя во что бы то ни стало. – Она с воинственным видом выставила твердо очерченный подбородок. – Я вылезла из окна ванной и соскользнула вниз по водосточной трубе.

– Любовь моя!

– Но полиция хорошо знает свое дело. Кроме того, я же послала тебе телеграмму... Словом... неважно, зато мы здесь вместе... Но дальше мы должны действовать в одиночку. – Она помолчала, потом добавила: – К сожалению... нет никаких сомнений в том, что мы любим друг друга.

– Никаких, – повторил я. – И не говори «к сожалению». Мы с тобой пережили мировую войну, чудом избежали смерти – так почему же смерть очень старого человека... Сколько, кстати, было ему лет?

– Восемьдесят семь.

– Да, конечно. Это было написано в «Таймс». Если хочешь знать мое мнение, то он просто умер от старости, и любой уважающий себя терапевт признал бы этот факт.

– Если бы ты был знаком с дедом, – проговорила София, – ты бы удивился, что он вообще мог умереть.

Я всегда в какой-то мере питал интерес к полицейской работе отца, но мог ли я предположить, что когда-нибудь мне доведется испытать самую непосредственную, личную заинтересованность.

Моего старика (как я называл отца) я еще не успел повидать. Когда я приехал из аэропорта, его не было дома, а приняв ванну, побрившись и переодевшись, я поторопился на свидание с Софией. Но теперь, когда я вернулся домой, Гловер доложил, что отец у себя в кабинете.

Он сидел за письменным столом и хмуро взирал на лежавший перед ним ворох бумаг. Когда я вошел, он вскочил:

– Чарльз! Давненько мы с тобой не виделись!

Свидание наше, после пяти лет военной разлуки, разочаровало бы француза. На самом же деле радость встречи была искренней и глубокой. Мы со стариком очень любим и неплохо понимаем друг друга.

– Есть немного виски, – предложил он. – Скажешь, когда хватит. Прости, что меня не было дома, когда ты приехал. Я по макушку в работе. Тут одно чертовски сложное дело раскручивается.

Я откинулся на спинку кресла и закурил.

– Аристид Леонидис? – спросил я.

Брови его сдвинулись к переносице. Он кинул на меня зоркий взгляд. Голос его прозвучал вежливо, но сурово:

– Кто тебе сказал, Чарльз?

– Стало быть, я прав?

– Откуда у тебя такие сведения?

– Получена информация.

Старик выжидательно молчал.

– Информация, можно сказать, прямо из первых рук.

– Давай, Чарльз, объяснись.

– Тебе это может не понравиться, – начал я наконец. – Там, в Каире, я встретил Софию Леонидис. Влюбился в нее. И собираюсь жениться. Я видел ее сегодня. Мы недавно обедали в ресторане.

– Она с тобой обедала? В Лондоне? Интересно знать, как она ухитрилась туда попасть? Все семейство просили – разумеется, вполне деликатно – не покидать дом.

– Совершенно верно. Она спустилась по трубе из окна ванной.

Губы старика дрогнули в усмешке.

– Судя по всему, – заметил он, – весьма находчивая молодая особа.

– Ничего, не огорчайся, твои полицейские тоже ребята расторопные, – утешил я его. – За ней до самого ресторана «Марио» следовал симпатичный парень армейского типа. Я буду фигурировать в отчете, который он тебе представит: рост сто семьдесят пять сантиметров, волосы каштановые, глаза карие, костюм темно-синий в узкую полоску и так далее.

Старик пристально на меня смотрел.

– Это... серьезно? – спросил он.

– Да, серьезно, папа.

Последовало недолгое молчание.

– Ты против? – спросил я.

– Я не был бы против еще неделю назад. Семья с хорошим положением, девушка с

деньгами... да и я знаю тебя. Ты, как правило, не так легко теряешь голову. Но сейчас...

– Что, папа?

– Все, может быть, еще обойдется, если...

– Что если?

– Если убийство совершил тот, кто и требуется.

Вот уже второй раз за вечер я слышал эту фразу. Во мне проснулось любопытство:

– И кто же это такой?

Отец бросил на меня острый взгляд:

– А что тебе вообще известно?

– Ничего.

– Ничего? – удивился он. – Разве девушка тебе не рассказала?

– Нет... Она сказала, что пусть лучше я увижу все со стороны.

– Интересно, почему так?

– Разве это не ясно?

– Нет, Чарльз. По-моему, не ясно.

Он прошелся взад-вперед по кабинету, хмуря брови. Какое-то время назад он раскурил сигару, но она успела потухнуть – до такой степени старина был встревожен.

– Что ты вообще знаешь об этой семье? – выпалил он.

– Пропать! Знаю, что был старик и куча сыновей, внуков и родня жены. Всех ответвлений я не усвоил. – Я помолчал. – Придется тебе, отец, обрисовать обстановку.

– Хорошо. – Он уселся на место. – Значит, так, начну с начала – с Аристида Леонидиса. Он приехал в Англию, когда ему было двадцать четыре года.

– Грек из Смирны.

– И это тебе известно?

– Да, но это, в общем, и все.

Дверь отворилась, Гловер возвестил, что пришел старший инспектор Тавернер.

– Он ведет это дело, – пояснил отец. – Его полезно повидать. Он изучал их семью вплотную. Знает про них куда больше меня.

Я спросил, взялся ли Скотленд-Ярд за это дело по просьбе местной полиции.

– Суинли Дин относится к Большому Лондону, они подпадают под нашу юрисдикцию.

Я кивнул. В комнату уже входил старший инспектор Тавернер. Я знал его с довоенных времен. Он горячо приветствовал меня и поздравил с благополучным возвращением.

– Я знакомлю Чарльза с общей картиной дела, – объяснил старик. – Поправьте меня, Тавернер, если я собоюсь. Леонидис приехал в Лондон в тысяча восемьсот восемьдесят четвертом. Открыл ресторанчик в Сохо. Ресторанчик стал приносить доход. Леонидис открыл второй. Скоро ему принадлежало семь или восемь ресторанов. И все окупались с лихвой.

– Никогда не сделал ни одной ошибки, за что бы ни брался, – вставил старший инспектор.

– Он обладал природным чутьем, – продолжал отец. – В результате он стоял почти за всеми модными лондонскими ресторанами. Дальше он занялся ресторанным делом по-крупному.

– Он стоял и за многими другими предприятиями, – добавил Тавернер. – Торговля подержанной одеждой, магазин дешевых ювелирных изделий и масса всего другого. Разумеется, – добавил он задумчиво, – он всегда был пройдохой.

– То есть мошенником? – спросил я.

Тавернер покачал головой:

– Нет, я не это имею в виду. Бестия – да, но не мошенник. Закона никогда не нарушал. Но ухитрялся придумать тысячи уловок, чтобы закон обойти. Он урвал большой куш даже во время войны, а уж на что был стар. Никогда ничего противозаконного, но уж если он за что-то взялся –

значит, сочиняй скорей новый закон. Но пока вы сочиняли новый закон, он успевал затеять следующий бизнес.

– Не слишком обаятельный субъект, – заметил я.

– То-то и оно, что очень обаятельный. Понимаете, он обладал индивидуальностью. И смотреть-то, кажется, не на что, прямо гном какой-то – маленький, уродливый, но в нем чувствовался магнетизм. Женщины в него так и влюблялись.

– Выбор первой жены всех удивил, – вмешался отец. – Он женился на дочери сельского сквайра, главы охотничьего общества.

Я удивленно поднял брови:

– Деньги?

Старик покачал головой:

– Нет, брак по любви. Она познакомилась с ним, когда заказывала свадебный ужин для своей подруги, и влюбилась в него. Повторяю, он был очень обаятельный. Его экзотичность, энергия – вот что ее, наверное, привлекло. Ей до смерти надоело ее сельское окружение.

– И брак получился счастливым?

– Как ни странно, очень. Конечно, ее и его друзья не сочетались – еще не наступили те времена, когда деньги смели все классовые различия, – но это их не смущало. Они стали обходиться без друзей. Аристид построил свой несуразный дом в Суинли Дин, они поселились там и родили восьмерых детей.

– Вот уж поистине семейная хроника.

– Старый Леонидис поступил весьма умно, выбрав Суинли Дин. Тогда этот пригород только начинал входить в моду. Вторую и третью площадку для гольфа еще не сделали. Суинли Дин населяли старожилы, страстно привязанные к своим садикам и полюбившие миссис Леонидис, и дельцы из Сити, которые мечтали завязать деловые отношения с самим Леонидисом, так что выбор знакомых у них был богатый. Так они и жили, наслаждаясь счастьем, пока она не умерла от пневмонии в тысяча девятьсот пятом году.

– Оставив ему восьмерых детей?

– Один умер в младенчестве. Двоих сыновей убили во время этой войны. Одна дочь вышла замуж, уехала в Австралию и там умерла. Незамужняя дочь погибла в автокатастрофе. Еще одна умерла года два назад. В живых осталось двое – старший сын Роджер, женатый, но бездетный, и Филип, женатый на известной актрисе. У них трое детей – твоя София, Юстас и Жозефина.

– И все они живут в этих... как там? В «Трех фронтах»?

– Да. У Роджера Леонидиса квартиру разбомбило в самом начале войны. Филип с семьей поселился там в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. И еще имеется пожилая тетка, мисс де Хевиленд, сестра первой миссис Леонидис. Она всегда терпеть не могла своего зятя, однако, когда сестра умерла, она сочла своим долгом принять его приглашение и остаться воспитывать детей.

– И она с большим рвением выполняет свой долг, – заметил инспектор Тавернер. – Но она не из тех, кто склонен менять свое мнение о том или ином человеке. Она всегда неодобрительно относилась к Леонидису и его способам ведения дел.

– Словом, народу полон дом, – сказал я. – И кто же, по-вашему, убил?

Тавернер покачал головой.

– Рано, – сказал он, – рано отвечать на этот вопрос.

– Оставьте, Тавернер, я уверен, вы кого-то подозреваете. Мы ведь с вами не в суде.

– Это верно, – мрачно отозвался Тавернер. – Но до суда дело и вообще может не дойти.

– Вы хотите сказать, что это не убийство?

– Нет, тут сомневаться не приходится. Его отравили. Но, сами знаете, какая морока с этими

отравлениями. Доказательства добыть не так-то просто – дело деликатное. Все факты могут указывать в одном направлении.

– Вот это я и хочу от вас узнать. Вы уже, наверное, составили себе определенное мнение?

– Да, есть одна очень убедительная версия. Знаете, как бывает: все сходится, улики как нарочно подбираются. Но я почему-то не уверен. Дело мудреное.

Я обратил умоляющий взор на старика. Он медленно проговорил:

– Как ты знаешь, Чарльз, когда речь идет об убийстве, очевидное решение обычно и есть правильное. Старый Леонидис женился вторично десять лет назад.

– В семьдесят семь?

– Да, на молодой двадцатичетырехлетней женщине.

Я присвистнул:

– Что за молодая женщина?

– Работала в кафе. Вполне приличная особа, красивая, но несколько вялого, анемичного вида.

– Это и есть ваша убедительная версия?

– А как бы вы думали, сэр? – проговорил Тавернер. – Сейчас ей всего тридцать четыре, возраст опасный. Она уже привыкла к роскошному образу жизни. К тому же в доме живет молодой человек. Учитель внуков. На войне не был – то ли сердце неважное, то ли еще что. Дружба у них – водой не разольешь.

Я задумался, глядя на него. Старая знакомая песня. По испытанному образцу. Вторая миссис Леонидис, как подчеркнул отец, особа в высшей степени порядочная. Но сколько убийств совершалось именем порядочности!

– Чем его отравили? – любопытно спросил я. – Мышьяком?

– Нет. Результаты анализа мы еще не получили, но доктор считает, что это эзерин.

– Несколько необычно, правда? Наверняка нетрудно проследить, кто покупал.

– Нет, не тот случай. Лекарство-то его собственное. Глазные капли.

– Леонидис страдал диабетом, – пояснил отец. – Ему делали регулярные уколы инсулина. Инсулин продается в пузырьках с резиновой крышечкой. Игла для подкожных инъекций вводится через крышечку внутрь пузырька, и содержимое набирается в шприц.

Я догадался, что последует дальше.

– И в пузырьке оказался не инсулин, а эзерин?

– Совершенно верно.

– И кто делал укол? – спросил я.

– Жена.

Теперь я понял, что подразумевала София, говоря «убил тот, кто требуется». Я задал еще один вопрос:

– Семья в хороших отношениях со второй женой?

– Нет. Кажется, в ссоре.

Все становилось яснее и яснее. И все-таки инспектор Тавернер был явно неудовлетворен.

– Что вам тут не нравится? – настаивал я.

– Если убила она, мистер Чарльз, ей было так просто вернуть потом на место пузырек с инсулином. Вот чего я в толк не возьму: почему она этого не сделала.

– Да, казалось бы, чего естественнее. И много в доме инсулина?

– О да, полные пузырьки, пустые пузырьки... Подмени она пузырек, и доктор нипочем не заподозрил бы, что дело нечисто. Ведь очень мало известно о признаках отравления эзеринном. И поэтому доктор, думая, что дело в неправильной дозировке, сделал проверку на инсулин и таким образом обнаружил, что это вовсе не инсулин.

– Стало быть, – задумчиво проговорил я, – миссис Леонидис либо очень глупа, либо очень хитра.

– То есть...

– Она, может быть, и рассчитывала на то, что уж за такую дуру вы ее не примете. Какие есть варианты? Есть еще подозреваемые?

– Фактически любой из домашних мог это сделать, – ответил старик невозмутимо. – В доме всегда был большой запас инсулина, по крайней мере на две недели вперед. С одним из пузырьков можно было произвести нужные манипуляции, а потом незаметно подсунуть обратно, зная, что рано или поздно до него дойдет очередь.

– Насколько я понимаю, любой имел доступ к инсулину?

– Его никто не запирает, пузырьки стояли в ванной на половине Леонидиса – на определенной полке в аптечке. Все передвигались по дому свободно, когда и куда хотели.

– Веский мотив?

Отец вздохнул:

– Милый Чарльз, Аристид Леонидис был сказочно богат! Он, правда, перевел изрядную часть денег на своих близких при жизни, но, возможно, кому-то захотелось иметь еще больше.

– И больше всех захотелось нынешней жене. А у ее молодого дружка есть деньги?

– Нет. Беден, как церковная мышь.

И тут меня осенило. Я вспомнил строчку, которую приводила София. Вспомнил почти весь детский стишок:

Жил на свете человек
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.

А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки.^[1]

– А как вам миссис Леонидис? – спросил я Тавернера. – Что вы о ней думаете?

Он ответил с расстановкой:

– Трудно сказать... очень трудно. Ее не сразу раскусишь. Тихая такая, молчаливая, не знаешь, что она думает. Но она привыкла жить в роскоши, это точно. Напоминает мне кошку, пушистую, ленивую, мурлыкающую кошку... Я, правда, ничего против кошек не имею. Они животные симпатичные. – Он вздохнул: – Доказательства – вот что нам нужно.

«Да, – подумал я, – нам всем нужны доказательства того, что миссис Леонидис отравила своего мужа – нужны Софии, нужны мне, нужны старшему инспектору Тавернеру».

И тогда все будет как нельзя лучше. Но София не была ни в чем уверена, я не был уверен, и, думаю, инспектор Тавернер тоже не был уверен...

На следующий день я вместе с Тавернером отправился в «Три фронтона».

Положение мое было довольно щекотливым. Мягко говоря, его нельзя было назвать общепринятым. Но и мой старик никогда не был сторонником общепринятого.

Кое-какое основание для сотрудничества с полицией у меня имелось. В самом начале войны я работал в Особом подразделении Скотленд-Ярда.

Конечно, случай здесь был совсем не тот, но все же моя прежняя деятельность давала мне, как бы это сказать, определенный официальный статус.

Отец объявил:

– Если хотим так или иначе распутать это дело, нужен источник информации в самом доме. Нам необходимо знать все, что только можно, про людей, живущих в доме. И знать изнутри, а не извне. Вот в этом и будет твоя работа.

Мне это не понравилось. Я бросил окурок в камин и сказал:

– Значит, я становлюсь полицейским шпиоком? Так? Я должен добывать информацию через Софию, которую люблю и которая тоже, как мне хочется думать, любит меня и доверяет мне.

Старик просто взбеленился:

– Ради бога, оставь эту банальную точку зрения. Прежде всего ты, надеюсь, не думаешь, что твоя девушка убила своего деда?

– Нет, естественно. Какой абсурд!

– Отлично, мы тоже так не думаем. Она несколько лет отсутствовала, отношения с дедом у нее были всегда самые дружеские. Доход у нее солидный, дед, скорее всего, отнесся бы к вашей помолвке одобрительно, а возможно, сделал бы по поводу свадьбы еще какое-нибудь щедрое распоряжение. Нет, она стоит вне подозрений. Да и с чего бы нам ее подозревать? Но ты можешь быть уверен в одном. Если загадка не прояснится, девушка за тебя не выйдет. Я сужу по тому, что ты мне о ней рассказывал. Причем, заметь, преступление такого типа может остаться нераскрытым. Допустим, мы убедимся, что между женой и молодым человеком существовал сговор, но это еще надо доказать. Пока что даже нет оснований передать дело заместителю прокурора. И если мы не добудем настоящих улик против жены, нехорошие подозрения всегда останутся. Ты это понимаешь?

Да, я понимал.

– Почему бы тебе все это не объяснить твоей девушке? – продолжал уже спокойно отец.

– То есть спросить Софию, могу ли я?... – Я запнулся.

Старик энергично закивал:

– Вот-вот. Я же не прошу тебя втираться туда и шпионить без ее ведома. Послушаешь, что она тебе на это скажет.

Вот как получилось, что на следующий день я покатыл со старшим инспектором Тавернером и сержантом Лэмом в Суинли Дин.

Проехав чуть подальше площадки для гольфа, мы очутились у въезда в поместье, где, как мне казалось, до войны красовались внушительного вида ворота. Патриотизм или безжалостная реквизиция смели их долой. Мы проехали по длинной извилистой аллее, обсаженной рододендронами, и оказались на гравийной площадке перед домом.

Дом являл собой невероятное зрелище! Почему его называли «Три фронтона»? «Одиннадцать фронтонов» подошло бы ему гораздо больше! Вид у него был какой-то странный, я бы сказал, перекошенный, и я быстро догадался – почему. Построен он был как загородный коттедж, но коттедж, несоразмерно разбухший и поэтому утративший правильные пропорции.

Перед нами был типичный старинный дом, с косыми планками и выступающими фронтонами, но только страшно разросшийся. Мы словно смотрели на загородный домик сквозь гигантское увеличительное стекло – скрюченный домишко, выросший, как гриб за ночь!

Мне кое-что стало яснее: дом воплощал представление грека-ресторатора о типично английском. Он был задуман как дом англичанина. Но только размером с замок! У меня промелькнула мысль – а как относилась к нему первая миссис Леонидис. С ней, скорее всего, не советовались и чертежей не показывали. Вероятнее всего, это был маленький сюрприз ее экзотического супруга. Интересно, содрогнулась она при виде этого дома или улыбнулась?

Но жилось ей тут, во всяком случае, счастливо.

– Немного угнетает, правда? – произнес инспектор Тавернер. – Хозяин достраивал его постепенно и, по существу, сделал из него три самостоятельных дома – с кухнями и со всем прочим. Внутри все на высшем уровне – как в роскошном отеле.

Из парадной двери вышла София. Без шляпы, в зеленой блузке, в твидовой юбке. Увидев меня, она остановилась как вкопанная.

– Ты? – воскликнула она.

– София, мне надо с тобой поговорить. Куда бы нам пойти?

На миг мне показалось, что она сейчас откажется, но она сказала: «Сюда», и мы пошли с ней через лужайку. С площадки для гольфа номер один открывался дивный вид – поросший соснами склон холма и дальше – сельский ландшафт в неясной дымке.

София привела меня в садик с альпийскими горками, выглядевший несколько заброшенным, и мы уселись на очень неудобную, грубую деревянную скамью.

– Ну? – спросила она.

Тон не обнадеживал. Но я все-таки изложил идею до конца.

Она слушала внимательно. Лицо ее почти ничего не выражало, но когда я наконец закончил, она вздохнула. Глубоко вздохнула.

– Твой отец, – сказала она, – очень умный человек.

– Да, мой старик не лишен достоинств. Идея, конечно, никудышная.

– Нет, нет, – прервала она меня, – совсем не никудышная. Пожалуй, это единственное, что может сработать. Твой отец, Чарльз, очень точно угадал, о чем думаю я. Он лучше понимает меня, чем ты.

И с неожиданной, какой-то отчаянной горячностью она ударила кулаком одной руки по ладони другой.

– Мне нужна правда. Я хочу знать!

– Из-за нас с тобой? Но, любовь моя, ведь...

– Не только из-за нас, Чарльз. Речь идет еще о моем душевном спокойствии. Видишь ли, Чарльз, я вчера вечером не сказала главного... Я боюсь.

– Боишься?

– Да, боюсь, боюсь, боюсь. Полиция считает, твой отец считает, все считают... что это Бренда.

– Но вероятность...

– Да, да, это вполне вероятно. Вполне правдоподобно. Но когда я говорю: «Наверное, его убила Бренда», то сознаю, что я хочу, чтобы это было так. Но, понимаешь, на самом деле я так не думаю.

– Не думаешь? – медленно переспросил я.

– Я не знаю, что думать. Ты услышал нашу историю со стороны, как я и хотела. Теперь я покажу тебе все изнутри. Мне просто кажется, что Бренда не тот тип человека, что она не способна на поступок, который может навлечь на нее опасность. Она для этого слишком

заботится о себе.

– А как насчет ее молодого человека? Лоуренса Брауна?

– Лоуренс настоящая овца. У него не хватило бы пороху.

– Неизвестно.

– Вот именно. Мы ведь ничего не знаем наверняка. Я хочу сказать, люди способны на любые неожиданные поступки. Ты составил о ком-то определенное мнение, и вдруг оно оказывается абсолютно неверным. Не всегда – но не так уж и редко. И все-таки Бренда... – София тряхнула головой. – Она всегда вела себя в соответствии со своей натурой, а это было бы так не похоже на нее. Она то, что я называю: женщина гаремного типа. Любит сидеть и ничего не делать, любит сладкое, красивые платья, драгоценности, любит читать дешевые романы и ходить в кино. И, как ни странно это может показаться, если вспомнить, что деду было восемьдесят семь лет, она, по-моему, была от него без ума. В нем ощущалась сила, энергия. Мне кажется, он давал женщине почувствовать себя королевой... фавориткой султана. Я думаю и всегда думала, что благодаря ему Бренда почувствовала себя волнующей романтической особой. Всю свою жизнь он умел обращаться с женщинами, а это своего рода искусство, и с возрастом оно не утрачивается.

Я оставил на время тему Бренды и вернулся к встревожившей меня фразе Софии:

– Почему ты сказала, что боишься?

София слегка передернулась и сжала руки.

– Потому что так оно и есть, – тихо ответила она. – Очень важно, Чарльз, чтобы ты меня понял. Видишь ли, мы очень странная семья... В каждом из нас сидит жестокость... причем совершенно разного свойства. Вот это и вызывает тревогу: то, что она разная.

Должно быть, на моем лице она прочла непонимание. Она продолжала более настойчиво:

– Сейчас я постараюсь выразить свою мысль яснее. Возьмем, например, дедушку. Один раз он рассказывал нам про свое детство в Смирне и мимоходом, как будто так и надо, помянул, что пырнул ножом двоих. Какая-то уличная ссора, кто-то его смертельно оскорбил – точно не знаю, но все, что произошло, для него было совершенно естественно. И он, в сущности, забыл про ту историю. Но, согласись, услышать о таком поступке в Англии и совершенно между прочим – довольно дико.

Я кивнул.

– Это один вид жестокости, – продолжала София. – Затем бабушка. Я ее едва помню, но слышала про нее много. У нее жестокость, я думаю, шла от отсутствия воображения. Все ее предки – охотники на лис, генералы, эдакие грубые бурбоны, исполненные прямооты и высокомерия. Такие, нимало не сомневаясь, с легкостью распорядятся чужой жизнью и смертью.

– Не слишком ли это притянута за уши?

– Может быть, и притянута, но меня всегда пугал этот тип людей – жестоких в своей прямооте. Дальше – моя мама, она – актриса и прелесть, но абсолютно лишена чувства меры. Она из тех бессознательных эгоцентриков, которые видят происходящее лишь постольку, поскольку это касается их самих. Иногда, знаешь, это пугает. Затем – Клеменси, жена дяди Роджера. Она – ученая, проводит какие-то важные исследования. Тоже безжалостна в своем безлико-хладнокровном стиле. Дядя Роджер – тот полная ей противоположность, добрейшая и милейшая личность, но вспылчив до ужаса. Любая мелочь способна вывести его из себя, и тогда он буквально теряет над собой власть. Отец...

Последовала долгая пауза.

– Отец, – медленно продолжала она, – слишком хорошо владеет собой. Никогда не угадать, что он думает. Он никогда не проявляет ни малейших эмоций. Возможно, это какая-то

бессознательная самозащита против маминого разгула эмоций, но все же... иногда это меня немного тревожит.

– Дорогая моя, – сказал я, – ты напрасно так себя взвинчиваешь. Дело сводится к тому, что любой человек в принципе способен на убийство.

– Думаю, что да. Даже я.

– Только не ты!

– Нет, Чарльз, я не исключение. Мне кажется, я могла бы убить... – Она умолкла, потом добавила: – Убить из-за чего-то очень важного!

Я рассмеялся. Просто не мог удержаться. София тоже улыбнулась.

– Может, все это глупости, но мы обязаны узнать правду о смерти дедушки. Просто обязаны. Если бы только это оказалась Бренда...

Мне вдруг стало очень жаль Бренду Леонидис.

По дорожке навстречу нам быстрыми шагами двигалась высокая фигура в старой мятой фетровой шляпе, бесформенной юбке и какой-то громоздкой вязаной кофте.

– Тетя Эдит, – сказала София.

Фигура раза два нагнулась над цветочными бордюрами, затем стала приближаться к нам. Я встал со скамьи.

– Это Чарльз Хейворд, тетя Эдит. Моя тетя, мисс де Хевиленд.

Эдит де Хевиленд было около семидесяти. Копна седых растрепанных волос, обветренное лицо, острый пронизательный взгляд.

– Здравствуйте, – проговорила она. – Слыхала про вас. Вернулись с Востока? Как поживает ваш отец?

Я с удивлением ответил, что хорошо.

– Я его знала еще мальчиком, – пояснила она. – Была знакома с его матерью. Вы на нее похожи. Хотите нам помочь или наоборот?

– Надеюсь помочь. – Я почувствовал себя не в своей тарелке.

– Помощь нам не помешает. В доме кишмя кишат полицейские. То и дело на них натыкаешься. Некоторые мне не нравятся. Если мальчик ходил в приличную школу, он не должен служить в полиции. Я тут на днях видела сынка Мойры Киноул – стоит регулировщиком около Мраморной арки. Иногда не знаешь, на каком ты свете. – Она повернулась к Софии: – Няня тебя искала, София. Надо распорядиться насчет рыбы.

– Ах ты, черт, забыла! – воскликнула София. – Пойду позвоню в лавку.

Она заторопилась к дому. Мисс де Хевиленд медленно двинулась в том же направлении. Я пошел рядом с ней.

– Не знаю, что бы мы делали без нянюшек, – проговорила мисс де Хевиленд. – Почти у всех бывают старые няни. Они остаются в доме, стирают, гладят, готовят, прибирают комнаты. Они верные и преданные. Нашу я сама нашла много лет назад.

Она нагнулась и со злобой выдернула вьющийся перекрученный зеленый стебелек.

– Мерзкий вьюн. Хуже сорняка нет! Обвивает, душит и добраться-то до него как следует нельзя – идет под землей.

Она в сердцах раздавила каблуком выдранную кучку зелени.

– Скверное дело, Чарльз Хейворд, – сказала она, глядя в сторону дома. – А что думает полиция? Нет, наверное, мне не следует задавать вам такой вопрос. В голове не укладывается, что Аристида отравили. Да и вообще чудно думать о нем как о мертвом. Он мне никогда не нравился – никогда! Но привыкнуть к тому, что он умер, не могу... Дом без него какой-то... пустой.

Я молчал. Несмотря на отрывистость речи, Эдит де Хевиленд, очевидно, погрузилась в воспоминания.

– Я утром думала: прожила я тут долго. Больше сорока лет. Переехала сюда, когда умерла сестра. Он меня пригласил. Семеро детей, младшему год. Не могла же я предоставить их воспитание какому-то даго.^[2] Брак, разумеется, немислимый. Мне всегда казалось, что Марсию околдовали. Уродливый, вульгарный иностранщик! Но, должна сказать, он предоставил мне полную самостоятельность. Няньки, гувернантки, школа – всем распорядилась я. И настоящая здоровая детская пища. Не всякие там острые блюда из риса, которые он ел сам.

– И вы так и живете здесь с тех пор?

– Да. Даже странно... Я ведь могла уехать, когда дети выросли и женились... Но я, видимо,

увлеклась цветами, садом. К тому же меня беспокоил Филип. Когда мужчина женится на актрисе, домашнего уюта не жди. Не знаю, к чему актрисам дети? Как только рождается ребенок, они тут же сломя голову мчатся играть в Эдинбург или еще куда-нибудь, лишь бы подальше. Филип правильно сделал, что поселился здесь со всеми своими книжками.

– А чем занимается Филип Леонидис?

– Пишет книги. Зачем – не знаю. Никто их не читает. И все о третьестепенных исторических эпизодах. Вы ведь тоже наверняка про его книги слыхом не слыхивали?

Я подтвердил это.

– Слишком богат, вот что, – продолжала мисс де Хевиленд. – Когда приходится зарабатывать деньги, чудить некогда.

– А книги его не окупают себя?

– Разумеется, нет. Он считается большим авторитетом по определенным периодам. Но ему незачем и стараться, чтобы книги его окупались. Аристид закрепил за ним тысяч сто фунтов – нечто фантастическое! Чтобы избежать налога на наследство, Аристид всех их сделал финансово независимыми. Роджер заведует фирмой ресторанных услуг, София тоже щедро обеспечена. Деньги младших – под солидной опекой.

– Стало быть, никто в особенности от его смерти не выигрывает?

Она бросила на меня непонятный взгляд.

– Почему же? Все получают еще больше денег. Но они могли бы их получить и так, стоило попросить у отца.

– А у вас есть догадка, кто отравил его, мисс де Хевиленд?

Ответ был вполне в ее характере:

– Ни малейшей. И мне это очень не нравится. Не слишком приятно думать, что по дому шатается Борджиа.^[3] Полагаю, полиция припишет убийство бедной Бренде.

– А вы считаете, что они будут не правы?

– Ничего не могу сказать. Мне лично она всегда казалась удивительно глупой заурядной особой и весьма склонной к соблюдению условностей. На отравительницу, с моей точки зрения, не похожа. Но в конце концов, если двадцатичетырехлетняя женщина выходит замуж за старика под восемьдесят, всякому ясно, что вышла она ради денег. В другом случае она могла рассчитывать на то, что очень скоро станет богатой вдовой. Но Аристид был поразительно живуч. Диабет его не усиливался. Он свободно мог прожить до ста. Вероятно, она устала ждать...

– И в этом случае... – начал я и остановился.

– В этом случае, – живо подхватила мисс де Хевиленд, – все было бы более или менее спокойно. Огласка, конечно, вещь неприятная... Но, в конце концов, она не из нашей семьи.

– И других предположений у вас нет?

– Какие могут быть другие предположения?

Я задумался. У меня родилось подозрение, что в голове под мятой фетровой шляпой скрываются недоступные мне мысли. И что, несмотря на отрывистую, почти бессвязную манеру говорить, ясно, что там совершается работа весьма проницательного ума. На мгновение мне даже подумалось, не отравила ли Аристида Леонидиса она сама...

Что ж, ничего невозможного в этом не было. Я никак не мог забыть, с какой мстительностью она вдавила каблуком в землю вьюнок.

Мне вспомнилось слово, которое употребила София: *жестокость*.

Я украдкой бросил взгляд на Эдит де Хевиленд.

Будь у нее основательная причина... Но какую причину Эдит де Хевиленд могла бы счесть основательной? Чтобы ответить на этот вопрос, я должен был знать ее лучше.

Парадная дверь была не заперта. Мы прошли в на редкость просторный холл. Обставлен он был почти строго: полированный темный дуб и сверкающая медь. В дальней части холла, где полагалось быть лестнице, мы вместо этого увидели белую стену, обшитую панелью с дверью посередине.

– Там часть дома, принадлежащая моему зятю, – пояснила мисс де Хевиленд. – В нижнем этаже живут Филип с Магдой.

Мы вошли в дверь слева и оказались в большой гостиной. Бледно-голубые стены с панелями, мебель, обитая тяжелой парчой, буквально на каждом столике и по стенам стояли и висели фотографии и рисованные портреты актеров, балерин, сцены из спектаклей и эскизы декораций. Над камином висели «Балерины» Дега. Комната утопала в цветах, повсюду стояли гигантские коричневые хризантемы и громадные вазы с гвоздиками.

– Вы, вероятно, хотите видеть Филипа? – сказала мисс де Хевиленд.

Хотел ли я? Не знаю. Когда я ехал сюда, я хотел видеть только Софию, и я ее повидал. Она решительно одобрила план старика, но теперь она пропала из виду и, наверное, звонит по телефону насчет рыбы, не дав мне никаких указаний – как себя вести. В каком качестве предстать перед Филипом Леонидисом? Как молодой человек, ищущий руки его дочери, или просто как знакомый, зашедший в дом случайно (и именно в такой неподходящий момент!), или же как сотрудник полиции?

Мисс де Хевиленд не дала мне времени на размышление. Да это и не был вопрос, скорее, утверждение. Мисс де Хевиленд, судя по всему, больше была склонна утверждать, а не вопрошать.

– Пойдем к нему в библиотеку, – распорядилась она.

Она вывела меня из гостиной, мы прошли коридором еще до одной двери и очутились в большом, сплошь заставленном книгами кабинете. Книги не только заполняли полки, доходившие до потолка, но лежали на стульях и столах и даже на полу. И несмотря на это, впечатления беспорядка не оставалось.

В комнате царил холод. И отсутствовал какой-то запах – какой, я не мог сразу определить, хотя почему-то ждал его. Здесь пахло книжной пылью и немного воском. Через минуту я понял, чего мне тут не хватало – табачного запаха. Филип Леонидис не курил.

При нашем появлении он встал из-за стола – высокий, удивительно красивый мужчина лет пятидесяти. До сих пор все так подчеркивали уродливость Аристиды Леонидиса, что я почему-то ожидал увидеть уродливого сына. И уж во всяком случае, я никак не был готов к такому совершенству черт: прямой нос, безупречный контур лица, светлые тронутые сединой волосы, откинутае назад с прекрасного лба.

– Это Чарльз Хейворд, Филип, – сказала Эдит де Хевиленд.

– Здравствуйте.

Невозможно было догадаться, слышал он уже обо мне или нет. Протянутая рука была холодна как лед. На лице читалось полное безразличие. Я занервничал. Он стоял и терпеливо, безучастно ждал.

– Где эти кошмарные полицейские? – требовательным тоном спросила мисс де Хевиленд. – Заходили они сюда?

– Старший инспектор... – Филип взглянул на лежавшую перед ним на столе карточку, – Тавернер, очевидно, скоро зайдет побеседовать.

– Где он сейчас?

– Не имею представления, тетя Эдит. Наверное, наверху.

– У Брендды.

– Право, не знаю.

Глядя на Филипа Леонидиса, трудно было себе представить, что где-то неподалеку произошло убийство.

– Магда встала?

– Не знаю. Обычно она раньше одиннадцати не встает.

– Очень похоже на нее, – проворчала Эдит де Хевиленд.

Похоже было также, что именно миссис Магде Леонидис принадлежал высокий голос, который что-то быстро тараторил и по мере приближения становился все громче. Дверь за моей спиной распахнулась, и в кабинет вошла женщина. Не знаю уж, каким образом, но создалось впечатление, будто в комнату вошла не одна, а три женщины.

Она курила сигарету в длинном мундштуке, другой рукой подбирая длинное атласное неглиже персикового цвета. Золотисто-каштановые волосы каскадом ниспадали ей на спину. Лицо казалось ошеломляюще голым – такое впечатление производят в наши дни лица женщин без косметики. Глаза были голубые, огромные. Она буквально сыпала словами, произнося их с отличной дикцией очень приятным с хрипотцой голосом.

– Миленький, я этого не вынесу, просто не вынесу, одни извещения чего стоят, в газетах об убийстве еще не объявили, но, конечно, объявят, а я просто ну никак не могу решить, что мне надеть на дознание – что-то очень приглушенное? Не черное, нет, может быть, лиловое? Но у меня не осталось ни одного купона, а я потеряла адрес того ужасного человека, который мне их продает – ну, ты знаешь, гараж где-то около Шафтсбери-авеню. Если я поеду на машине, полиция последует за мной, они способны задать самые бестактные вопросы, верно? И что тут можно ответить? Филип, до чего ты невозмутим! Как ты можешь быть таким спокойным? Неужели ты не понимаешь – теперь у нас есть возможность уехать из этого ужасного дома! Свобода! Свобода! Нет, какая я недобрая... бедный, старенький – мы, конечно, ни за что не покинули бы его, пока он был жив. Он просто обожал нас, правда? Хотя эта женщина там, наверху, изо всех сил старалась нас посорить. Я уверена – если бы мы уехали и оставили его наедине с ней, он лишил бы нас всего. Отвратительное существо! В конце концов, бедному душе-дедусе почти уже стукнуло девяносто, никакие семейные чувства не устояли бы против этой ужасной женщины, которая караулила бы его. По-моему, Филип, нам представляется чудесный случай поставить пьесу «Эдит Томпсон». Убийство создало бы нам рекламу. Билденштейн говорит, он мог бы получить для меня главную роль. Та унылая пьеса в стихах про шахтеров вот-вот должна сойти. Роль изумительная, изумительная. Считается, что я должна играть только в комедиях – из-за моего носа, – но, знаешь, из Эдит Томпсон можно извлечь сколько угодно комедийного. Автор, по-моему, сам этого не сознавал. Но комедия всегда усиливает зловещий колорит. Я знаю точно, как надо сыграть эту роль: банальная, глупая, притворщица до последней минуты, и вдруг...

Она выбросила вперед руку – сигарета вывалилась из мундштука на полированный письменный стол красного дерева и погасла. Филип бесстрастно взял ее и бросил в мусорную корзину.

– И вдруг, – прошептала Магда Леонидис, глаза ее расширились, лицо окаменело, – *страх...*

Выражение отчаянного страха сохранялось на ее лице секунд двадцать, потом лицо разгладилось, но тут же сморщилось, и перед нами появился растерянный ребенок, готовый расплакаться.

Неожиданно все эмоции исчезли с ее лица, словно стертые губкой, она повернулась ко мне

и спросила деловитым тоном:

– Как вы думаете, так надо играть Эдит Томпсон?

Я ответил, что именно так. Я весьма смутно представлял себе, кто такая Эдит Томпсон, но мне очень хотелось произвести благоприятное впечатление на мать Софии.

– Очень похоже на Бренду, не правда ли? – осведомилась Магда. – А знаете, я до этой минуты об этом не думала. Очень интересно. Не указать ли мне на это сходство инспектору?

Человек за письменным столом едва заметно нахмурился.

– Право, Магда, тебе вообще незачем встречаться с инспектором. Я могу ответить на все интересующие его вопросы.

– Незачем? – Голос ее зазвучал пронзительно. – Разумеется, я *должна* с ним встретиться! Миленький, ты совершенно лишен воображения! Ты не ощущаешь, насколько важны детали. Он захочет знать точно, как и когда все произошло, все мелочи, которые тогда запомнились и не могли не удивить...

– Мама, – София появилась в дверях, – ты не должна пичкать инспектора выдумками.

– София... голубка...

– Ненаглядная, я знаю, у тебя уже все выстроено и ты готова дать прекрасный спектакль. Но поставила ты его неправильно. Абсолютно неправильно.

– Глупости. Ты просто не знаешь...

– Знаю. Радость моя, играть надо совсем по-другому. Притушенно, говорить мало, побольше скрывать, быть настороже и оберегать семью.

На лице Магды Леонидис выразилось откровенное, как у ребенка, замешательство.

– Голубка, – сказала она, – ты и вправду считаешь...

– Да, считаю. Играть под сурдинку. Вот в чем смысл. – И София, увидев, как на лице матери появляется довольная улыбка, прибавила: – Я тебе приготовила шоколаду. В гостиную.

– Дивно! Умираю от голода...

Она помедлила в дверях.

– Вы не знаете, – сказала она, обращая свои слова то ли ко мне, то ли к полке за моей головой, – как чудесно иметь дочь.

И с этой репликой под занавес она покинула сцену.

– Один бог ведает, что она наговорит полиции, – сказала мисс де Хевиленд.

– Все будет в порядке, – успокоила ее София.

– Она может сказать что угодно.

– Не волнуйся, она сыграет так, как того требует режиссер. А режиссер – это я.

Она направилась было за нею вслед, но в дверях обернулась:

– Здесь к тебе инспектор Тавернер, отец. Ты не против, если Чарльз останется?

Мне почудилось, будто по лицу Филипа Леонидиса скользнуло легкое недоумение. И немудрено. Но привычка соблюдать невозмутимость сослужила мне добрую службу. Он пробормотал: «Да, конечно, конечно» – несколько неуверенным тоном.

Инспектор Тавернер, солидный, надежный, вошел с той деловитой стремительностью, которая почему-то действовала на людей успокаивающе.

«Несколько неприятных минут, – словно говорила его манера, – и мы навсегда уберемся из вашего дома, и больше всех доволен буду я. Поверьте, мы не собираемся околачиваться тут вечно».

Не знаю уж, как ему удалось дать это понять без единого слова, а только придвинув стул к письменному столу, но факт тот, что удалось. Я скромно уселся немного поодаль.

– Я вас слушаю, инспектор, – проговорил Филип.

– Я не нужна, инспектор? – отрывисто произнесла мисс де Хевиленд.

– Пока нет, мисс де Хевиленд. Вот если позволите позднее...

– Да, конечно. Я буду наверху.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

– Итак, инспектор? – повторил Филип.

– Я знаю, вы человек занятой, я вас долго не задержу. Скажу вам только строго конфиденциально, что наши подозрения подтвердились – ваш отец умер не своей смертью, а от чрезмерной дозы физостигмина, чаще известного как эзерин.

Филип наклонил голову, но никаких признаков волнения не обнаружил.

– Есть ли у вас какие-нибудь догадки?

– Какие же могут быть у меня догадки? На мой взгляд, отец принял яд по ошибке.

– Вы действительно так думаете, мистер Леонидис?

– Да, по-моему, это вполне допустимое объяснение. Ему, не забывайте, было уже под девяносто, и видел он неважно.

– И поэтому сумел перелить содержимое пузырька с глазными каплями в пузырек из-под инсулина. Вам действительно это кажется правдоподобным, мистер Леонидис?

Филип не ответил. Лицо его окончательно превратилось в непроницаемую маску.

Тавернер продолжал:

– Пустой пузырек из-под глазных капель мы нашли в мусорном ящике. Никаких отпечатков пальцев, что уже само по себе любопытно. Они должны были быть – вашего отца, либо жены, либо слуги...

Филип поднял глаза:

– Слуги? В самом деле, а это не может быть Джонсон?

– Вы предлагаете Джонсона в качестве преступника? Конечно, у него была благоприятная возможность. Но что касается мотива, то тут дело обстоит совсем не так просто. Отец ваш имел обыкновение выплачивать ему ежегодно премию, и с каждым годом премия возрастала. Ваш отец четко объяснил ему, что делает это взамен суммы, которую иначе оставил бы по завещанию. Сейчас, после семилетней службы, премия достигла уже солидной суммы и возросла бы еще. Так что интересы Джонсона требовали, чтобы ваш отец жил как можно дольше. Более того, они были в прекрасных отношениях, прежний послужной список Джонсона безупречен – квалифицированный преданный камердинер. – Старший инспектор помолчал. – Нет, мы не подозреваем Джонсона.

Филип ответил невыразительным «понимаю».

– А теперь, мистер Леонидис, может быть, вы дадите мне подробный отчет о своих передвижениях в день смерти вашего отца?

– Безусловно, инспектор. Весь тот день я провел в этой комнате, исключая, естественно, время принятия пищи.

– Виделись ли вы в тот день с отцом?

– Я зашел к нему, как обычно, поздороваться после завтрака.

– Вы были с ним наедине?

– В комнате находилась моя... э-э-э... мачеха.

– Он вел себя как обычно?

В тоне Филипа на этот раз просквозила ирония:

– По-моему, непохоже было, что он предвидел свою смерть от руки убийцы.

– Часть дома, занимаемая вашим отцом, полностью отделена от этих помещений?

– Да, попасть туда можно только одним путем – через дверь в холле.

– Дверь обычно заперта?

– Нет.

– И никогда не запирается?

– Я никогда не видел ее запертой.

– Любой может передвигаться по дому, переходя из одной части в другую?

– Конечно. Они были разделены только с точки зрения удобства домашних.

– Как вы узнали о смерти отца?

– Мой брат Роджер, занимающий западное крыло верхнего этажа, прибежал с известием, что у отца сердечный приступ, он задыхается, ему явно плохо.

– И как вы поступили?

– Я позвонил доктору, чего до меня никто не подумал сделать. Доктора не было, и я попросил передать ему, чтобы он приехал как можно скорее. Затем я поднялся наверх.

– А дальше?

– Отец очень плохо себя чувствовал. Он умер до приезда врача.

В голосе не слышалось волнения. Филип просто констатировал факт.

– Где находились в то время остальные члены семьи?

– Жена была в Лондоне. Она вскоре вернулась. София, мне кажется, тоже отсутствовала.

Младшие, Юстас и Жозефина, были дома.

– Надеюсь, вы поймете меня правильно, мистер Леонидис, если я спрошу – каким образом смерть отца повлияет на ваше финансовое положение?

– Я понимаю ваше желание знать все детали. Отец сделал нас независимыми в финансовом отношении много лет назад. Брата он утвердил председателем и главным пайщиком фирмы ресторанных услуг – своей самой крупной компании. Он поручил управление целиком брату. Мне он дал то, что считал равной долей. Реально, думаю, примерно сто пятьдесят тысяч фунтов в ценных бумагах и займах – с тем чтобы я мог распоряжаться капиталом по своему усмотрению. Он положил также очень щедрые суммы на имя моих двух сестер. Обе они уже умерли.

– Но сам он оставался так же богат?

– Нет, за собой он сохранил сравнительно скромный доход. Он говорил, что это будет для него стимулом к жизни, но с тех пор, – впервые слабая улыбка тронула губы Филипа, – в результате различных операций отец сделался еще богаче, чем прежде.

– Вы с братом поселились в его доме. Это не было следствием каких-либо... финансовых затруднений?

– Нет, конечно. Просто так было удобнее. Отец не раз говорил, что мы в любой момент можем поселиться вместе с ним. По разным семейным обстоятельствам так было удобнее. Кроме того, – добавил Филип, подумав, – я был очень привязан к отцу. Я переехал сюда с семьей в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. Арендной платы я не вношу, но плачу свою долю налогов.

– А ваш брат?

– Брат переехал сюда после того, как его дом в Лондоне разбомбило в тысяча девятьсот сорок третьем году.

– Хорошо, мистер Леонидис, а имеете ли вы представление о том, каковы завещательные распоряжения вашего отца?

– Совершенно четкое представление. Отец сделал новое завещание в тысяча девятьсот сорок шестом году. Скрытность не была ему свойственна. У него было обостренное чувство семьи. Он собрал семейный совет, на котором также присутствовал его нотариус, по просьбе отца объявивший условия завещания. Вам, вероятно, они известны. А если нет, мистер Гейтскил вас, без сомнения, с ними ознакомит. Приблизительно так: сумма в сто тысяч, не подлежащая налогу, отходила моей мачехе, в дополнение к весьма щедрой сумме в соответствии с брачным

договором. Остальное поделено на три части: одна мне, одна брату, третья – под опекой – троим внукам. Состояние огромное, но и налог на наследство, разумеется, будет велик.

– Завещано ли что-нибудь слугам или на благотворительные цели?

– Ничего не завещано. Жалованье прислуге увеличивалось ежегодно, пока они оставались в его услужении.

– А вы... извините мой вопрос... вы сами не нуждаетесь в наличных деньгах, мистер Леонидис?

– Подходящий налог, как вы знаете, инспектор, весьма внушительен, но моего дохода вполне хватает на наши с женой нужды. Более того, отец часто делал нам всем очень щедрые подарки, и, возникни какая-нибудь экстренная необходимость, он немедленно пришел бы на помощь. Заверяю вас, инспектор, – заключил он холодным тоном, отчеканивая слова, – у меня не было финансовой причины желать смерти моему отцу.

– Очень сожалею, мистер Леонидис, что я своими расспросами подал вам мысль, что подозреваю вас в чем-то подобном. Нам приходится докапываться до мельчайших деталей. А теперь, боюсь, мне придется задать вам еще кое-какие щекотливые вопросы. Они относятся к взаимоотношениям между вашим отцом и его женой. Были ли их отношения благополучными?

– Насколько мне известно, да.

– Никаких ссор?

– Думаю, нет.

– Была ведь большая разница в возрасте?

– Да.

– А вы – извините меня, – вы с одобрением отнеслись к женитьбе вашего отца?

– Моего одобрения никто не спрашивал.

– Это не ответ, мистер Леонидис.

– Ну, раз вы настаиваете – я считал брак... неблагоприятным.

– Высказали ли вы свои возражения?

– Я узнал о женитьбе как о свершившемся факте.

– Наверное, это для вас был удар?

Филип не ответил.

– У вас не возникло обиды?

– Отец волен был поступать, как ему вздумается.

– Можно ли считать ваши отношения с миссис Леонидис дружелюбными?

– Вполне.

– Вы дружите с ней?

– Мы очень редко встречаемся.

Старший инспектор переменял тему:

– Можете ли вы мне что-нибудь рассказать о мистере Лоуренсе Брауне?

– Боюсь, что нет. Его нанимал мой отец.

– Да, но чтобы учить ваших детей, мистер Леонидис.

– Резонно. Сын мой перенес детский паралич, к счастью, в легкой форме, и мы решили не отдавать его в школу. Отец предложил, чтобы сына и мою младшую дочь Жозефину обучал домашний учитель. Выбор был в то время весьма ограничен, учитель должен был не подлежать военной службе. Рекомендации у этого молодого человека оказались удовлетворительными, отец и моя тетушка, на которой лежала забота о детях, были довольны, и я дал согласие. Хочу добавить, что не могу предъявить никаких претензий к преподаванию – учитель он добросовестный и компетентный.

– Комната у него в той части дома, которая принадлежит вашему отцу?

– Да, там больше места.

– Не замечали ли вы когда-нибудь... мне неприятно об этом спрашивать... каких-либо знаков близости между ним и вашей мачехой?

– Я не имел случая заметить что-либо подобное.

– Не доходили ли до вас слухи и сплетни на эту тему?

– Я не имею обыкновения слушать сплетни, инспектор.

– Похвально, – отозвался инспектор Тавернер. – Стало быть, вы не видели ничего плохого, не слышали ничего плохого и ничего плохого не скажете.

– Если угодно, так, инспектор.

Старший инспектор Тавернер встал.

– Ну что ж, – сказал он, – благодарю вас, мистер Леонидис.

Я незаметно вышел из комнаты вслед за ним.

– Уф, – проговорил Тавернер, – треска мороженая.

– А теперь, – продолжал он, – пойдём перемолвимся с миссис Филип. Магда Уэст – её театральный псевдоним.

– Она хорошая актриса? – поинтересовался я. – Имя знакомое, как будто я видел её в каких-то представлениях, но когда и где – не помню.

– Она из этих почти-звезд, – ответил Тавернер. – Выступала пару раз в главных ролях в Вест-энде, составила себе имя в театрах с постоянным репертуаром, много играет в небольших интеллектуальных театриках и воскресных клубах. Мне думается, ей помешало отсутствие необходимости зарабатывать себе на жизнь. Она имеет возможность проявлять разборчивость, переходить с места на место, порой она финансирует спектакли, в которых её привлекает определенная роль, как правило, самая неподходящая. В результате она очутилась скорее в любительском, чем в профессиональном классе. Не думайте, она играет превосходно, особенно в комедиях, но директора не очень её жалуют – по их мнению, слишком независима, да и склонна к интригам. Любит раздуть ссору, подлить масла в огонь. Не знаю уж, насколько тут много правды, но, во всяком случае, среди своих коллег-актеров она не пользуется большой симпатией.

Из гостиной вышла София:

– Мама вас ждет, инспектор.

Я последовал за Тавернером в большую гостиную. И не сразу узнал женщину, сидевшую на парчовом диванчике. Золотисто-каштановые волосы башней вздымались вверх в стиле эпохи Эдуарда, элегантного покроя темно-серый костюм, бледно-сиреневая в узкую складочку блузка, застегнутая на горле небольшой камеей. Только сейчас я заметил очарование вздернутого носика. Она слегка напомнила мне Атену Сайлер, и невозможно было поверить, что это то же самое бурное существо в персиковом неглиже.

– Инспектор Тавернер? – произнесла она. – Входите и, прошу вас, садитесь. Вы курите? Какое ужасное событие. Я пока никак не могу с ним свыкнуться.

Голос звучал тихо, ровно – голос человека, решившего во что бы то ни стало держать себя в руках.

– Скажите, пожалуйста, могу я чем-нибудь помочь?

– Спасибо, миссис Леонидис. Где вы находились во время случившейся трагедии?

– Я, должно быть, как раз ехала сюда из Лондона. Днем я завтракала с приятельницей в «Иве». Затем мы поехали на показ мод. Выпили с друзьями в Беркли, и я отправилась домой. Тут я застала страшную суматоху. Как оказалось, у моего свекра случился припадок, и он... умер. – Голос слегка дрогнул.

– Вы были привязаны к вашему свекру?

– Я его просто обо... – Голос зазвучал громче и пронзительнее. София чуть поправила уголок картины Дега. Голос Магды на несколько тонов упал. – Я очень любила его, – ответила она просто. – Мы все его любили. Он был так... добр к нам.

– Как вы ладили с миссис Леонидис?

– Мы редко виделись с Брендой.

– Отчего?

– Ну, у нас мало общего. Бедняжка Бренда. Ей, вероятно, иногда приходилось нелегко.

София опять коснулась Дега.

– Да? В каком отношении?

– Ну, не знаю. – Магда с грустной улыбкой покачала головой.

– Была ли миссис Леонидис счастлива с мужем?

– О да, я думаю, да.

– Ссоры бывали?

Опять улыбка и покачивание головой.

– Право, не знаю, инспектор. Их часть дома полностью отделена от нашей.

– Она была очень дружна с мистером Лоуренсом Брауном, не так ли?

Магда Леонидис приняла холодный вид. Широко раскрытые глаза ее с упреком уставились на Тавернера.

– Я не думаю, – проговорила она с достоинством, – что вы вправе задавать мне подобные вопросы. Бренда дружески относилась ко всем. Она вообще дружелюбно настроена к людям.

– Нравится вам мистер Лоуренс Браун?

– Он очень тихий. Очень милый, но его почти не замечаешь. Я его вообще редко вижу.

– Он преподает хорошо?

– По-видимому. Меня это мало касается. Филип, по-моему, вполне доволен.

Тавернер прибегнул к тактике внезапного нападения:

– Мне неприятно вас об этом спрашивать, но как по-вашему – существовали между ним и миссис Брендой Леонидис любовные отношения?

Магда с величественным видом поднялась:

– Я никогда не замечала ничего подобного. Мне кажется, инспектор, такого рода вопросы вы не должны задавать мне. Все-таки она была женой моего свекра.

Я чуть не заплодировал.

Старший инспектор тоже поднялся.

– Скорее вопрос к слугам? – заметил он вопросительно.

Магда промолчала.

Сказав: «Спасибо, миссис Леонидис», – инспектор удалился.

– Радость моя, ты была великолепна, – горячо похвалила мать София.

Магда задумчиво покрутила завиток за правым ухом и посмотрелась в зеркало.

– Д-да, – согласилась она. – Пожалуй, сыграно верно.

София перевела взгляд на меня:

– А вам разве не надо идти с инспектором?

– Послушай, София, как мне себя...

Я запнулся. Не мог же я спросить ее прямо так, при ее матери, какая мне отводится роль. Магда Леонидис до сей поры не проявила ни малейшего любопытства к моей персоне – пока что я ей пригодился только как свидетель ее эффектной реплики под занавес о дочерях. Я мог быть репортером, женихом ее дочери, или незаметным сотрудником полиции, или даже гробовщиком – для Магды Леонидис все эти люди составляли публику.

Поглядев вниз, себе на ноги, миссис Леонидис с неудовольствием сказала:

– Эти туфли сюда не подходят. Они легкомысленны.

Повинуясь повелительному кивку Софии, я поспешил вслед за Тавернером. Я нагнал его в большом холле, как раз когда он взялся за ручку двери, ведущей к лестнице.

– Иду к старшему брату, – пояснил он.

Я без дальнейших околичностей изложил ему свои проблемы:

– Послушайте, Тавернер, в конце концов – кто я *такой*?

– Что вы имеете в виду? – удивился он.

– Что я тут делаю? Предположим, меня спросят, и что я отвечу?

– А-а, понятно. – Он подумал. Потом улыбнулся: – А вас кто-нибудь уже спрашивал?

– Н-нет.

– Ну так и оставьте все как есть. «Не объясняй ничего» – отличный девиз. Особенно в доме, где такая неразбериха. У всех полно своих забот и опасений, им не до расспросов. Ваше присутствие будет восприниматься как должное постольку, поскольку вы уверены в себе. Говорить, когда тебя не спрашивают, большая ошибка. Так, а теперь откроем дверь и поднимемся по лестнице. Ничего не заперто. Вы, конечно, понимаете, что вопросы, которые я им задаю, – сплошная чепуха. Да наплевать мне, кто из них был дома, а кого не было и кто где в тот день находился...

– Так зачем же...

– Затем, что это мне позволяет взглянуть на них, составить о каждом мнение, послушать, что они скажут, – а вдруг кто-то ненароком даст мне ключ. – Он на секунду замолчал, потом понизил голос: – Голову даю на отсечение, миссис Магда Леонидис могла бы сболтнуть что-нибудь важное.

– Да, но насколько это было бы надежно?

– Совсем ненадежно, но могло бы дать толчок к расследованию в новом направлении. У всех в этом проклятом доме было сколько угодно удобных случаев и способов это сделать. Мне не хватает мотива.

Наверху доступ в правое крыло преградила запертая дверь. На ней висел медный молоток, и инспектор послушно постучал.

В то же мгновение дверь с силой распахнулась. Мужчина, который открыл ее, очевидно, как раз собирался выйти. Это был неуклюжий широкоплечий гигант, волосы у него были темные, взъерошенные, лицо донельзя уродливое и в то же время приятное. При виде нас он тут же со смущенным видом отвел глаза – привычка, нередко свойственная честным, но застенчивым людям.

– Ох, боже мой, – пробормотал он, – заходите. Сделайте одолжение. Я как раз уходил... но неважно. Проходите в гостиную. Сейчас приведу Клеменси... ах, ты уже здесь, дорогая. Это старший инспектор Тавернер. Он... Где же сигареты? Погодите минутку. С вашего разрешения... – Он налетел на ширму, нервно пробормотал: «Прощу прощения» – и выскочил из комнаты. Словно вылетел огромный шмель, оставив позади себя тишину.

Миссис Роджер Леонидис продолжала стоять у окна. Меня сразу же заинтриговала ее личность и атмосфера комнаты. В том, что это была ее комната, у меня не возникло никаких сомнений.

Стены были выкрашены в белый цвет, настоящий белый, а не тот цвет слоновой кости или бледно-кремовый, какой обычно подразумевается под словом «белый», когда речь идет об отделке дома. Картины отсутствовали, лишь над камином висела одна – геометрическая фантазия из темно-серых и темно-синих треугольников. Минимум мебели, только самое необходимое, три-четыре стула, столик со стеклянным верхом, небольшая книжная полка. Никаких украшений. Свет, простор, воздух. Комната являла собой полную противоположность нижней гостиной, сплошь заставленной парчовой мебелью и цветами. И миссис Роджер Леонидис разительно отличалась от миссис Филип Леонидис. Чувствовалось, что в Магде Леонидис заключается несколько женщин одновременно и в любой момент может проявиться любая из них. Но Клеменси Леонидис, убежден, неизменно оставалась сама собой. Женщина с ярко выраженной индивидуальностью. На вид ей было около пятидесяти. Седые, очень коротко подстриженные на итонский манер волосы так красиво росли на ее изящной голове, что эта стрижка, всегда казавшаяся мне уродливой, не безобразила ее. Умное, тонкое лицо, какой-то особенно пылкий взгляд светло-серых глаз. Простое темно-красное шерстяное платье изящно облегало ее стройную фигуру.

Вот женщина, внушающая тревогу, мелькнуло у меня... потому что критерии, по которым

она живет, явно не те, по которым живут обыкновенные женщины. Я сразу понял, почему София употребила слово «безжалостность» в применении к ней. Комната отдавала холодом, и я даже поежился.

Клеменси Леонидис произнесла спокойным тоном хорошо воспитанной женщины:

– Садитесь, пожалуйста, старший инспектор. Есть ли какие-нибудь новости?

– Причиной смерти был эзерин, миссис Леонидис.

Она задумчиво проговорила:

– Значит, это убийство. Несчастный случай, как я понимаю, исключается?

– Да, миссис Леонидис.

– Будьте, пожалуйста, помягче с моим мужем, старший инспектор. На него эта новость очень сильно подействует. Он боготворил отца и вообще переживает все очень остро. Он человек эмоциональный.

– Вы были в хороших отношениях со свекром, миссис Леонидис?

– Да, вполне хороших. – И спокойно добавила: – Мне он не очень нравился.

– Почему?

– Мне не нравились его жизненные установки и его методы.

– А как вам нравится миссис Бренда Леонидис?

– Бренда? Я редко ее вижу.

– Не думаете ли вы, что между нею и мистером Лоуренсом Брауном что-то было?

– Вы хотите сказать – что-то вроде романа? Не думаю. Да мне, собственно, и неоткуда это знать.

Голос ее звучал равнодушно.

В комнату ворвался Роджер Леонидис, и снова возникло впечатление, что влетел огромный шмель.

– Меня задержали, – выпалил он. – Телефон. Ну что, инспектор, есть новости? Что послужило причиной смерти отца?

– Смерть вызвана отравлением эзеринном.

– Что вы говорите! Боже мой! Значит, все-таки это она! Не захотела ждать! Он ее подобрал, можно сказать, из грязи, и вот награда. Она его хладнокровно убивает! Боже мой, как подумаю, все во мне закипает.

– У вас есть конкретные основания так думать? – спросил Тавернер.

Роджер заходил по комнате, ероша волосы обеими руками.

– Основания? А кто же еще мог? Я ей никогда не доверял, она всегда мне не нравилась! Никому не нравилась. Мы с Филипом в ужас пришли, когда отец однажды явился домой и сообщил о своей женитьбе. В его возрасте! Безумие, чистое безумие! Отец был человеком поразительным, инспектор. Живой ум, как у сорокалетнего. Всем, что у меня есть, я обязан ему. Он все для меня сделал, ни разу не подвел. Это я его подвел... как подумаю...

Он тяжело опустился в кресло. Жена спокойно подошла к нему:

– Хватит, Роджер, хватит. Не взвинчивай себя так.

– Да, душа моя, знаю. – Он взял ее за руку. – Но как я могу оставаться спокойным... Как могу не испытывать...

– И все-таки мы все должны сохранять спокойствие. Старший инспектор нуждается в нашей помощи.

– Это верно, миссис Леонидис.

– Знаете, чего мне хочется? – закричал Роджер. – Мне хочется задушить эту женщину своими руками. Отнять у бедного старика несколько лет жизни! Будь она сейчас здесь... – он вскочил, его трясло от ярости. Он протянул вперед руки, скрючив пальцы, – ...я задушил бы ее,

задушил...

– Роджер! – одернула его Клеменси.

Он смущенно взглянул на нее:

– Прости, душа моя. – Он обернулся к нам: – Извините меня. Я не владею собой. Я...

Простите...

И он опять вышел из комнаты.

Клеменси Леонидис с едва заметной улыбкой проговорила:

– На самом деле Роджер мухи не обидит.

Тавернер вежливо улыбнулся. А затем начал задавать свои обычные рутинные вопросы.

Клеменси Леонидис отвечала кратко и точно. Роджер Леонидис был в день смерти отца в Лондоне, в Боксхаузе, у себя в управлении. Вернулся он засветло и какое-то время, как обычно, провел с отцом. Сама она, как всегда, находилась в Институте Ламберта на Гауэр-стрит, где она работает. Вернулась домой почти в шесть вечера.

– Видели ли вы свекра?

– Нет. В последний раз я его видела накануне, мы пили с ним послеобеденный кофе.

– А в день смерти вы его видели?

– Нет. Я, правда, ходила на его половину, Роджеру показалось, что он оставил там свою трубку – очень ценную вещь. Но, как выяснилось, он оставил ее на столике в коридоре, так что мне не пришлось беспокоить свекра. Он часто ложился около шести вздремнуть.

– Когда вы услышали о том, что он заболел?

– Бренда прибежала и сказала. Примерно в половине седьмого.

Вопросы эти, как я знал, ничего не значили, но я видел, с каким пристальным вниманием изучает инспектор Тавернер эту женщину. Он задал ей несколько вопросов о характере ее работы в институте. Она объяснила, что работа связана с радиационным эффектом атомного распада.

– Значит, вы работаете над атомной бомбой?

– Нет, в моей работе нет ничего разрушительного. Институт проводит эксперименты по терапевтическому действию.

Тавернер наконец встал и изъявил желание познакомиться с этой частью дома. Она как будто слегка удивилась, но вполне охотно провела их по всей квартире. Спальня с двумя односпальными кроватями под белыми покрывалами и лишь самые необходимые туалетные принадлежности снова напомнили мне больницу или монашескую келью. Ванная тоже выглядела аскетично – не было тут ни роскошного оборудования, ни общепринятой коллекции косметики. Пустая кухня блистала чистотой и содержала лишь множество полезных приспособлений, экономящих хозяйский труд. Наконец мы подошли к двери, которую Клеменси отворила со словами: «Это личная комната мужа».

– Входите, – окликнул нас Роджер. – Входите.

Я с облегчением перевел дух. Что-то в суровой чистоте квартиры действовало на меня угнетающе. Зато эта комната была сугубо индивидуальна. Большое бюро с деревянной шторкой, беспорядочно набросанные на нем бумаги, старые трубки и табачный пепел. Большие вытертые кресла. Персидские ковры на полу. На стенах выцветшие фотографии: школьники, игроки в крикет, военные; акварельные наброски пустынь, минаретов, а также парусники и морская тематика, морские закаты. Словом, приятная комната, принадлежащая славному, дружелюбному, компанейскому человеку.

Роджер неловкими руками достал из стеклянного шкафчика и разлил по стаканам что-то, при этом скинув мимоходом с одного из стульев книги и бумаги.

– У меня тут полный ералаш. Я начал разбирать завалы. Уничтожаю старые бумаги.

Скажите, когда хватит.

Инспектор от выпивки отказался.

– Вы должны меня извинить, – продолжал Роджер. Он принес мне стакан и, наливая, говорил с Тавернером, повернув назад голову: – Я не мог совладать с собой.

Он с виноватым видом оглянулся на дверь, но Клеменси Леонидис в комнате не было.

– Редкая женщина, – сказал он. – Я имею в виду мою жену. Все это время она держится великолепно – *великолепно!* Не могу выразить, как я восхищаюсь ею. Она пережила тяжелый период – ужасающий. Еще до того, как мы поженились. Ее первый муж был прекрасный человек – прекрасной души, я имею в виду. Но очень хрупкого здоровья, туберкулез, сами понимаете. Он занимался важной исследовательской работой по кристаллографии, если не ошибаюсь. Работой, мало оплачиваемой и требующей большой затраты сил. Но он не хотел отступаться. Она работала как вол, фактически содержала его и все это время знала, что он умирает. И ни одной жалобы, ни намек на усталость. Она всегда повторяла, что счастлива. Потом он умер, и она очень тяжело переживала его смерть. В конце концов она согласилась выйти за меня замуж. Я был так рад дать ей немного покоя и счастья. Мне хотелось, чтобы она оставила институт, но она, разумеется, считала своим долгом продолжать работать – еще шла война. Но и сейчас она испытывает потребность в работе. И она чудесная жена, о лучшей и мечтать нельзя. Господи, как мне повезло! Я на все для нее готов.

Тавернер ответил что-то приличествующее. Затем принялся за свои обычные расспросы: когда он услышал, что отцу плохо?

– За мной прибежала Бренда. Отцу стало плохо, она сказала, что у него какой-то приступ. Всего полчаса назад я сидел с моим дорогим отцом. И все было в порядке. Я бросился к нему. Лицо у него посинело, он задыхался. Я кинулся вниз, к Филипу. Филип позвонил доктору. Я... мы ничего не могли поделать. Я, конечно, тогда и думать не думал, что тут какие-то фокусы. Фокусы? Я сказал – фокусы? Господи, ну и слово выбрал.

С некоторым трудом мы с Тавернером выбрались наконец из насыщенной эмоциями атмосферы роджеровской комнаты и очутились опять на площадке лестницы.

– Уф! – с облегчением вздохнул Тавернер. – Какой контраст по сравнению с другим братцем. – И добавил без особой последовательности: – Занятно, как комнаты много говорят об их обитателях.

Я согласился с ним, и он продолжал:

– И еще занятно, как люди подбирают себе партнеров.

Я не совсем понял, кого он имел в виду – Клеменси и Роджера или Филипа и Магду. Его слова были равно применимы к обоим парам. И тем не менее оба брака можно было отнести к разряду счастливых. Во всяком случае, брак Роджера и Клеменси.

– Я бы не сказал, что он похож на отравителя, а вы как считаете? – сказал Тавернер. – Так сразу на него не подумаешь. А впрочем, никогда не угадаешь. Вот она больше подходит на эту роль. Она безжалостная. Может, даже немного сумасшедшая.

И опять я согласился с ним.

– Правда, не думаю, – добавил я, – что она способна убить только из-за того, что не одобряет чьих-то жизненных позиций. Но может быть, если она ненавидела старика... Впрочем, не знаю, совершаются ли убийства просто из одной только ненависти?

– Крайне редко, – отозвался Тавернер. – Сам я никогда с такими случаями не сталкивался. Нет, думаю, нам надо держаться миссис Бренды. Хотя, бог знает, найдем ли мы когда-нибудь доказательства.

Горничная отворила нам дверь в противоположное крыло. При виде Тавернера у нее сделалось испуганное и в то же время слегка презрительное выражение лица.

– Хотите видеть хозяйку?

– Да, пожалуйста.

Она провела нас в большую гостиную и оставила одних.

Размеры комнаты были те же, что и у гостиной под ней. Мебель была обита плотным кретоном веселой расцветки, на окнах висели полосатые шелковые портьеры. Над камином я увидел портрет, который буквально приковал мой взгляд – и не только из-за мастерства художника, но также из-за притягательности изображенного лица. Это был портрет старика в черной бархатной скуфейке, с темными пронзительными глазами и головой, глубоко ушедшей в плечи. Холст, казалось, излучал жизненную силу и энергию, исходившую от старика. Сверкающие глаза глядели прямо в мои.

– Это он самый и есть, – проговорил инспектор Тавернер. – Писал художник Огастес Джон. Личность, ничего не скажешь.

– Да, – согласился я, сознавая, что этот односложный ответ не отражает моих впечатлений.

Теперь я понял, что имела в виду Эдит де Хевиленд, говоря, что в доме без него пусто. Это был тот самый человек, который построил скрюченный домишко, и теперь без него домишко утратил свой смысл.

– А вон его первая жена, портрет кисти Сарджента.

Я взгляделся в картину, висевшую в простенке между окнами. Сарджент, как и на многих своих портретах, обошелся с оригиналом довольно жестоко. Удлиненное лицо было, на мой взгляд, чрезмерно вытянутым и даже немного, что называется, лошадиным, хотя и чувствовалось, что художник при этом соблюдал верность натуре. Красивое лицо, но безжизненное. Неподходящая жена для маленького энергичного деспота, ухмыляющегося с портрета над камином.

Дверь открылась, и вошел сержант Лэм.

– Слуг я опросил, как мог, сэр, – доложил он. – Но без успеха.

Тавернер вздохнул.

Сержант Лэм достал записную книжку и уселся в дальнем конце комнаты, чтобы не мешать.

Дверь снова отворилась, и появилась вторая жена Аристида Леонидиса.

Черное, из очень дорогой ткани, просторное платье с закрытым воротом и длинными, до запястий, рукавами окутывало ее всю. Она двигалась с ленивой грацией, и траур ей, безусловно, шел. Лицо было хорошенькое, но пресное. Довольно густые каштановые волосы были уложены чересчур затейливо. Она напудрила и нарумянила лицо и накрасила губы, но видно было, что она недавно плакала. На шее у нее была нитка очень крупного жемчуга, на одной руке – кольцо с большим изумрудом, на другой – кольцо с громадным рубином.

И еще одно я заметил: она выглядела испуганной.

– Доброе утро, миссис Леонидис, – непринужденным тоном приветствовал ее Тавернер. – Простите, что опять беспокою вас.

Она ответила невыразительным голосом:

– Наверное, этого не избежать.

– Должен вам сказать, миссис Леонидис, что, если вы хотите пригласить вашего поверенного, это в порядке вещей.

Не знаю, дошло ли до нее все значение этих слов. По-видимому, нет. Она надулась и сказала капризным тоном:

– Мне не нравится мистер Гейтскил. Не надо его мне.

– Вы можете пригласить собственного адвоката, миссис Леонидис.

– Да? Не люблю я этих адвокатов. Только голову задуривают.

– Вы вольны решать сами, – Тавернер изобразил механическую улыбку. – В таком случае приступим?

Сержант Лэм послюнил карандаш. Бренда Леонидис села на диван лицом к Тавернеру.

– Вы что-нибудь выяснили? – спросила она.

Я заметил, что пальцы ее нервно скручивают и раскручивают складку шифонового платья.

– Сейчас мы уже со всей определенностью можем утверждать, что ваш муж умер в результате отравления эзерином.

– То есть он умер от глазных капель?

– У нас нет сомнения в том, что, когда вы делали последний раз укол мистеру Леонидису, вы ввели эзерин, а не инсулин.

– Но я же не знала. Я-то ни при чем. Поверьте мне, инспектор.

– Значит, кто-то умышленно подменил инсулин глазными каплями.

– Какая подлость!

– Да, миссис Леонидис.

– Как вы думаете – кто-то сделал это нарочно? Или нечаянно? А может, кто-то хотел подшутить?

Тавернер ответил вкрадчивым голосом:

– Мы не думаем, что это была шутка, миссис Леонидис.

– Наверное, это кто-то из слуг.

Тавернер не ответил.

– Наверняка. Больше некому.

– Вы уверены? Подумайте, миссис Леонидис. Больше ничего не приходит вам в голову? Может быть, с кем-то у него возникли дурные отношения? С кем-то он поссорился? Кого-то обидел?

Она по-прежнему смотрела на него с вызовом в широко раскрытых глазах.

– Понятия ни о чем таком не имею, – сказала она.

– Вы говорили, что днем ходили в кино?

– Да, я вернулась в половине седьмого, как раз пора было делать укол инсулина... Я сделала укол, как всегда, и вдруг он... ему стало нехорошо... Я перепугалась, побежала к Роджеру... Я уже все вам рассказывала. Что ж, мне десять раз рассказывать одно и то же? – В голосе появилась визгливая истерическая нотка.

– Прошу прощения, миссис Леонидис. А сейчас могу я поговорить с мистером Брауном?

– С Лоуренсом? Зачем? Ему ничего не известно.

– И все-таки я хотел бы с ним побеседовать.

Она бросила на Тавернера недоверчивый взгляд:

– Он сейчас в классной комнате, занимается латынью с Юстасом. Ему зайти сюда?

– Нет, мы сами туда пойдем.

Тавернер быстрыми шагами вышел из комнаты. Мы с сержантом последовали за ним.

– Вы на нее нагнали страху, сэр, – заметил сержант.

Тавернер что-то проворчал. Поднявшись еще на несколько ступенек и пройдя коридором, он привел нас в просторную комнату, выходящую окнами в сад. За столом сидели молодой блондин лет тридцати и красивый темноволосый мальчик лет шестнадцати.

При нашем появлении они подняли головы. Брат Софии Юстас уставился на меня, Лоуренс Браун устремил отчаянный взгляд на старшего инспектора.

Мне еще не приходилось видеть человека, до такой степени парализованного страхом. Он встал, потом сел. Потом буквально пискнул:

– Доброе... утро, инспектор.

– Доброе утро, – резко ответил Тавернер. – Могу я с вами побеседовать?

– Да, конечно. С удовольствием. Если, конечно...

Юстас поднялся:

– Мне уйти, старший инспектор? – Голос был приятный, тон слегка надменный.

– Мы... мы продолжим занятия позже, – пролепетал учитель.

Юстас с небрежным видом направился к двери. Я заметил какую-то напряженность в его походке. Выходя, он поймал мой взгляд и, проведя пальцем себе по горлу, ухмыльнулся. Затем закрыл за собой дверь.

– Итак, мистер Браун, – начал Тавернер, – анализ все расставил на места. Причина смерти мистера Леонидиса – эзерин.

– Я... Вы хотите сказать... значит, мистера Леонидиса действительно отравили? Я все надеялся...

– Его отравили, – резко проговорил Тавернер. – Кто-то подменил инсулин глазными каплями.

– Не могу поверить... Невероятно.

– Вопрос в том, у кого была причина для этого.

– Ни у кого. Абсолютно ни у кого! – Молодой человек возбужденно повысил голос.

– Вы не хотите, чтобы присутствовал ваш адвокат?

– У меня нет адвоката. Он мне не нужен. Мне нечего скрывать... нечего.

– Вы отдадите себе отчет в том, что все ваши заявления записываются?

– Я невиновен... уверяю вас, невиновен.

– Ничего другого я и не предполагал. – Тавернер помолчал. – Миссис Леонидис как будто много моложе своего мужа?

– Да... кажется... да, это так.

– Ей, вероятно, бывало иногда скучновато?

Лоуренс Браун ничего не ответил, только облизнул пересохшие губы.

– Должно быть, ей было приятно иметь компаньона своего возраста, живущего тут же?

– Я... нет, вовсе нет... то есть... не знаю.

– Мне кажется вполне естественным, чтобы между вами зародилась привязанность...

Молодой человек бурно запротестовал:

– Нет, нет, никакой привязанности! Ничего похожего! Я знаю, что у вас на уме, но это не так! Миссис Леонидис всегда была ко мне добра... Я испытываю к ней величайшее... величайшее уважение... но ничего больше, ничего, уверяю вас. Просто чудовищно предполагать такие вещи! Чудовищно! Я бы не мог *никого* убить... или подменить пузырьки... или сделать еще что-нибудь такое ужасное. Я человек чувствительный, у меня слабые нервы. Меня сама мысль кого-то убить приводит в *содрогание*... и все это поняли... Я против убийства по религиозным соображениям... Поэтому в войну я работал в госпитале, поддерживал огонь под котлами... Невыносимо тяжелая работа... Долго я там не проработал... и тогда мне разрешили преподавать. Я вкладывал все силы в занятия с Юстасом и Жозефиной – она очень умна, но трудный ребенок. Все ко мне были так добры – и мистер Леонидис, и миссис Леонидис, и мисс де Хевиленд. И вот теперь такой ужас... И вы подозреваете в убийстве меня... меня!

Инспектор Тавернер наблюдал за ним с медленно возрастающим интересом.

– Я этого не говорил, – заметил он.

– Но вы так думаете! Я знаю! Все они так думают! Они так смотрят на меня... Я... я больше не могу с вами разговаривать. Мне нехорошо. – И он бросился вон из комнаты.

Тавернер медленно обернулся ко мне:

– Ну, что вы о нем думаете?

– Он смертельно напуган.

– Да, я вижу. Но убийца ли он?

– Если хотите знать мое мнение, – вмешался сержант Лэм, – у него бы пороху не хватило.

– Да, голову он никому бы не разможил и из пистолета не выстрелил, – согласился старший инспектор. – Но в данном случае – много ли было нужно? Всего-то переставить две бутылочки... и помочь очень старому джентльмену покинуть этот свет сравнительно безболезненным способом.

– Можно сказать, легкая смерть, – вставил сержант.

– А дальше, возможно, через пристойный промежуток времени его ждет женитьба на вдове, которая унаследует сто тысяч не обложенных налогом фунтов, за которой и так уже закреплено примерно столько же, и к тому же она обладательница жемчугов, рубинов и изумрудов величиной чуть не со страусиное яйцо! Ну, ладно. – Тавернер вздохнул. – Все это из области гипотез и предположений. Я его припугнул как следует, но страх еще ничего не доказывает. Он бы испугался, даже если он и невиновен. Да и в любом случае вряд ли он главное действующее лицо. Скорее уж дамочка... Только какого дьявола она в таком случае не выбросила пузырек из-под инсулина или не вымыла его? – Инспектор повернулся к сержанту: – Что говорит прислуга? Были между ними шашни?

– Горничная говорит, что они влюблены друг в друга.

– Основания?

– Взгляд, каким он на нее смотрит, когда она наливает ему кофе.

– Да, ценное свидетельство, большой от этого прок в суде! А что-нибудь более определенное?

– Никто ничего не замечал.

– А уж они бы заметили, будьте уверены! Знаете, я начинаю думать, что между этими двумя действительно ничего нет. – Он взглянул на меня. – Пойдите-ка поболтайте с ней. Меня интересует ваше впечатление.

Я отправился не очень охотно, но с некоторой долей любопытства.

Бренда Леонидис сидела в той же позе, в какой мы ее оставили. Она вскинула на меня острый взгляд:

– А где инспектор Тавернер? Он еще зайдет?

– Пока нет.

– Кто вы такой?

Наконец-то мне задали вопрос, которого я ждал все утро.

Я ответил с умеренной правдивостью:

– Я имею некоторое отношение к полиции. Я также друг семьи.

– Семья! Свиньи они! Ненавижу их всех!

Она глядела на меня расширенными глазами, губы ее подергивались. Вид у нее был хмурый, испуганный и сердитый.

– Они всегда ко мне относились по-свински, всегда. С первого дня. Почему это мне нельзя было выйти за их драгоценного отца? Им-то что за дело? У них у всех горы денег. И все это им дал он. У них самих ума бы не хватило их заработать! Почему мужчине и не жениться еще раз? Пусть он даже старый? Да он и не был старый – внутренне. Я очень к нему привязалась. Очень. – Она с вызовом взглянула на меня.

– Понимаю, – сказал я, – понимаю.

– Наверное, вы мне не верите, но я говорю правду. Мужчины мне до смерти надоели. Мне хотелось иметь свой дом, хотелось, чтобы обо мне кто-то заботился, говорил приятные вещи. Аристид говорил мне замечательные слова... умел рассмешить... и был очень умный. Он придумывал разные хитрые штуки, чтобы обойти все эти дурацкие правила. Он был очень, очень умный. Я нисколько не рада, что он умер. Мне так его жалко.

Она откинулась на спинку дивана. Ее довольно большой рот как-то странно кривился на сторону, придавая ее улыбке сонливое выражение.

– Я была здесь счастлива. Чувствовала себя надежно. Ходила по самым шикарным дамским салонам, про которые только читала. Одевалась ничуть не хуже других. Аристид дарил мне разные красивые вещицы. – Она вытянула руку, любуясь рубином на пальце.

На миг ее рука представилась мне кошачьей лапой с растопыренными когтями, а голос – кошачьим мурлыканьем. Она все еще улыбалась своим мыслям.

– Что тут дурного? – спросила она с вызовом. – Я была к нему внимательна. Ему со мной было хорошо. – Она пригнулась вперед. – Знаете, как я с ним познакомилась?

И она продолжала, не дожидаясь ответа:

– Это было в «Веселом трилистнике». Он заказал яичницу с гренками, а когда я принесла заказ, я плакала. «Сядьте, – сказал он, – расскажите, что случилось». – «Ой, нет, мне нельзя, – ответила я, – меня за это уволят». – «Не уволят, – сказал он. – Это мой ресторан». Тогда я к нему присмотрелась. «Забавный старикашка», – подумала я сначала. Но он был такой властный, и я ему все рассказала... Вы про это еще услышите от них, они будут говорить, что я была гулящая. Ничего подобного. Меня воспитывали как следует. У родителей была мастерская, классная мастерская художественного рукоделия. Я не из тех девиц, у которых полно дружков и они себя не соблюдают. Но Терри – дело другое. Терри был ирландец и уезжал за море... Он мне ни разу не написал... Словом, я вела себя как дура. Вот почему я плакала – попалась точно какая-то посудомойка.

В голосе ее послышалось презрение, порожденное сознанием собственного превосходства.

– Аристид повел себя потрясающе. Сказал, что все будет в порядке. Сказал, что ему

одинок. Что мы сразу поженимся. Все было как сон. Оказалось, что он и есть великий мистер Леонидис. Владелец уймы лавок, и ресторанов, и ночных клубов. Прямо как в сказке, правда?

– Сказка с плохим концом, – напомнил я сухо.

– Мы обвенчались в маленькой церкви в Сити – и уехали за границу.

– А ребенок?

По ее глазам я видел, что мысли ее возвращаются откуда-то издалека.

– Ребенка, как выяснилось, не было. Произошла ошибка. – Она улыбнулась своей кривой, на одну сторону, улыбкой. – Я поклялась себе, что буду ему хорошей женой, и сдержала слово. Я заказывала всякие блюда, которые он любил, носила цвета, которые ему нравились, и старалась угодить во всем. И он был счастлив. Только нам никак было не избавиться от его семейства. Приезжали, нахлебничали, жили за его счет. А старая мисс де Хевиленд – уж она-то должна была уехать, когда он женился. Я так и сказала. Но Аристид заявил: «Она тут так давно живет, это теперь ее дом». По правде говоря, ему нравилось, чтобы они все тут жили у него под боком, а он ими распорядился. Ко мне они относились по-свински, но он будто и не замечал, во всяком случае, не обращал внимания. Роджер – тот меня просто ненавидит. Вы его уже видели? Он всегда меня ненавидел. А Филип вечно такой надутый, он вообще со мной не разговаривает. Они все делают вид, будто это я его убила, но я не убивала, *не убивала!* – Она наклонилась вперед. – Ну поверьте мне!

Мне стало ее жаль. Презрение, с каким семья Леонидис говорила о ней, их старание убедить себя, что убийство – дело ее рук, все их поведение показалось мне сейчас просто бесчеловечным. Одинокая, незащищенная, затравленная женщина...

– А если не я, так они думают на Лоуренса, – продолжала она.

– Да, а что насчет Лоуренса?

– Мне ужасно жалко его. Он такой хрупкий. На войну он идти не мог. И не потому, что он трус, а потому, что чувствительный. Я старалась подбадривать его, старалась, чтобы ему у нас было хорошо. Ему приходится учить этих ужасных детей. Юстас вечно над ним насмешничает, а Жозефина... Ну, вы ее видели. Сами знаете, что это такое.

Я признался, что еще не видел Жозефины.

– Мне иногда кажется, что у девчонки не все винтики на месте. Вечно подкрадывается, подслушивает, и вид у нее такой странный... У меня от нее мурашки по спине бегают.

Мне вовсе не хотелось обсуждать Жозефину. Я вернулся к Лоуренсу Брауну.

– Кто он такой? – спросил я. – Откуда он взялся?

Вышло это у меня грубовато. Она покраснела.

– Он, собственно, ничего собой не представляет. Как я... Куда же нам против них всех!

– Вам не кажется, что вы впадаете в излишнюю панику?

– Нет, не кажется. Они хотят представить все так, будто это Лоуренс убил или я. И главный полицейский на их стороне. Куда уж мне.

– Не надо взвинчивать себя, – посоветовал я.

– А что, если это кто-то из них убил? Или кто-то чужой? Или кто-нибудь из слуг?

– Пока не находится мотива.

– Ах, мотива! А у меня какой мотив? Или у Лоуренса?

Чувствуя себя не очень ловко, я пробормотал:

– Они могут, как я понимаю, предполагать, что вы и Лоуренс... э-э-э... влюблены друг в друга... и хотите пожениться.

Она выпрямилась на диване:

– Как бессовестно предполагать такое! И это неправда! Мы никогда друг другу ни словечка про это не сказали. Мне было его жаль, и я старалась его подбодрить. Мы просто друзья, вот и

все. Вы мне верите, скажите, верите?

Я ей верил. То есть я верил, что они с Лоуренсом действительно, как она говорит, просто друзья. Но я также полагал, что, быть может, сама того не сознавая, она любит молодого человека.

Обдумывая эту мысль, я спустился вниз с намерением найти Софию. Как раз когда я собрался заглянуть в гостиную, из дверей в конце коридора высунулась ее голова.

– Привет, – сказала София. – Я помогаю няне готовить ленч.

Я уже двинулся в ее сторону, но она вышла в коридор, закрыла за собой дверь и, взяв меня за руку, завела в пустую гостиную.

– Ну, – произнесла она, – ты видел Бренду? Что ты о ней думаешь?

– Откровенно говоря, мне жаль ее.

София иронически подняла брови.

– Понятно, – проронила она. – Значит, ты поймался на ее удочку.

Я почувствовал досаду.

– Просто я способен взглянуть на все под ее углом зрения, а ты, очевидно, нет.

– На что – на все?

– Положа руку на сердце, София, кто-нибудь в семье вел себя с нею любезно или хотя бы корректно за все ее пребывание здесь?

– Нет, разумеется. С какой стати?

– Да хотя бы из обыкновенного христианского человеколюбия.

– Боже, какой высокоморальный тон! Видно, Бренда неплохо сыграла свою роль.

– Право, София, ты как-то... не знаю, что на тебя нашло.

– Просто я веду себя честно и не притворяюсь. Ты, по твоим словам, можешь встать на ее точку зрения. Ну а теперь встань на мою. Мне не нравятся молодые женщины, которые сочиняют историю обманутой любви и, пользуясь этим, выходят замуж за очень богатого старика. Я имею полное право не любить этот тип молодых женщин, и не существует ни малейших причин, почему я должна делать вид, что они мне нравятся. И если бы эту историю изложить объективно на бумаге, то и тебе такая молодая особа не понравилась бы.

– А она сочинила историю?

– Какую? О ребенке? Не знаю. Я лично думаю, что да.

– И тебя возмущает, что деда твоего провели и он попался на эту историю?

– Ох нет, дед не попался, – засмеялась София. – Дедушку никто не мог провести. Бренда ему была нужна. Ему хотелось изобразить Кофетуа и жениться на нищенке.^[4] Он отлично знал, что делает, и замысел его удался как нельзя лучше. С точки зрения деда, его брак полностью оправдал себя – как и прочие его деловые операции.

– А идея нанять в качестве домашнего учителя Лоуренса Брауна тоже оправдала себя? – иронически осведомился я.

София сосредоточенно свела брови:

– Ты знаешь, я не уверена, что это не было сделано с умыслом. Ему хотелось, чтобы Бренда была счастлива и не скучала. Возможно, он догадывался, что драгоценности и платья – еще не все. Он подозревал, что ей может не хватать чего-то нежно-романтического. Возможно, по его расчетам, кто-то вроде Лоуренса Брауна, кто-то абсолютно, так сказать, ручной, и есть то, что надо. Нежная дружба двух душ, окрашенная меланхолией, должна была помешать Бренде завести настоящий роман с кем-то на стороне. Да, я не исключаю такого варианта, дед вполне был способен изобрести нечто в таком духе. Он, должна тебе сказать, был дьявольски хитер.

– Судя по всему, да, – согласился я.

– Он, очевидно, не мог предвидеть, что это приведет к убийству... И именно поэтому, –

София заговорила с неожиданной страстностью, – именно по этой причине я не думаю, как бы мне этого ни хотелось, что она пошла на убийство. Если бы она задумала убить деда – или они замыслили это вместе с Лоуренсом, – дед знал бы об этом. Тебе, наверное, кажется это надуманным...

– Признаюсь, да.

– Ты не был с ним знаком. Уж он бы не стал способствовать собственной смерти! Но таким образом – мы наталкиваемся на стену.

– Она напугана, София, – сказал я, – очень напугана.

– Старший инспектор Тавернер и его веселые молодцы? Да, эти могут нагнать страху.

Лоуренс, я полагаю, в истерике?

– В самой натуральной. Отвратительное зрелище. Не понимаю, чем такой мужчина может понравиться женщине.

– Не понимаешь, Чарльз? А между тем у Лоуренса есть свой мужской шарм.

Я не поверил своим ушам:

– У этого хилого типа?

– Почему мужчины считают, что для противоположного пола привлекателен только пещерный человек? У Лоуренса своя привлекательность, только тебе этого не понять. – Она бросила на меня пытливый взгляд. – Я вижу, Бренда глубоко запустила в тебя коготки.

– Не говори пустяков. Она, в сущности, даже не хороша собой. И вовсе она не...

– Не обольщала тебя? Нет, но была на жалость. Ее нельзя назвать красивой, она, безусловно, не отличается умом, но у нее есть одно выдающееся свойство: она умеет сеять смуту. Она уже посеяла смуту между нами.

– София! – Я пришел в ужас.

София направилась к двери:

– Забудь, Чарльз. Ленч не ждет.

– Я пойду с тобой, помогу.

– Нет, ты останешься здесь. Джентльмен на кухне?! Представляю, что было бы с няней!

– София! – окликнул я ее, когда она уже выходила.

– Ну что?

– Кстати о прислуге. Почему в доме ни внизу, ни наверху никого нет? Какой-нибудь особы в переднике и наколке, которая открывала бы дверь?

– У дедушки была кухарка, две горничные и камердинер. Он любил, чтобы были слуги. Он, естественно, платил им уйму денег, поэтому находил их всегда с легкостью. Роджер и Клеменси держат только приходящую прислугу для уборки, живущую они не любят, вернее, Клеменси не любит. Если бы Роджер не подкреплялся как следует ежедневно в Сити, он бы умер с голоду. Для Клеменси пища – это салат, помидоры и сырая морковь. У нас время от времени появляются слуги, но потом мама закатывает очередную сцену, и они отказываются от места. После чего начинается период приходящей прислуги, а потом все начинается сначала. Сейчас у нас приходящая. Няня – явление постоянное и выручает в критических ситуациях. Ну вот, теперь ты в курсе.

София ушла. А я опустился в одно из больших обитых парчой кресел и предался размышлениям.

Там, наверху, я видел события под углом зрения Бренды. Сейчас, здесь, мне стала ясна позиция Софии. Я всецело признавал справедливость точки зрения Софии, иначе говоря, семьи Леонидис. Их приводило в негодование присутствие в доме чужой, которая проникла туда с помощью нечестных, как они считали, средств. На такое отношение к ней они имели полное право. Как выразилась София, на бумаге история выглядела бы некрасивой...

Но у нее была еще и чисто человеческая сторона – и мне она была понятна, а семье Леонидис нет. Они и сейчас, и всегда были богаты и хорошо устроены в жизни. Они не имели представления о соблазнах, искушающих обездоленного. Бренда Леонидис мечтала о богатстве, о красивых вещах и защищенности – и о своем доме. Она утверждала, что в обмен на все это она сделала счастливым своего старого мужа. Я сочувствовал ей. Во всяком случае, сочувствовал, пока говорил с ней... А сейчас? Осталась ли мера сочувствия прежней?

Две стороны проблемы – разные точки зрения, какая из них правильна, какая...

Предыдущей ночью я спал очень мало. Встал я рано, чтобы сопровождать Тавернера. И теперь в теплой, пропитанной ароматом цветов гостиной Магды Леонидис тело мое расслабилось, утонуло в мягких объятиях большого кресла, глаза закрылись...

Я размышлял о Бренде, о Софии, о портрете старика, мысли мои подернулись приятной дымкой...

Я уснул.

Пробуждение происходило так постепенно, что я не сразу понял, что спал.

Сперва я ощутил аромат цветов. Перед моими глазами маячило какое-то белесое пятно. Лишь по прошествии нескольких секунд я сообразил, что смотрю на чье-то лицо – лицо висело в воздухе на расстоянии полуметра от меня. По мере того как ко мне возвращалось сознание, зрение тоже прояснялось. Висящее перед моими глазами лицо не утратило своих гоблинских черт – круглое, выпуклый лоб, зачесанные назад волосы, маленькие, как бусинки, черные глазки. Но теперь оно соединялось с телом – маленьким и тощеньким. Бусинки пристально разглядывали меня.

– Привет, – сказала существо.

– Привет, – ответил я, моргая.

– Я – Жозефина.

Я и сам уже пришел к этому заключению. Сестре Софии, Жозефине, было, как я решил, лет одиннадцать-двенадцать. Невероятно уродливая девочка и очень похожая на своего деда. Не исключено также, что она унаследовала и его умственные способности.

– Вы – жених Софии.

Я признал правильность этого утверждения.

– Но явились вы сюда вместе со старшим инспектором Тавернером. Почему?

– Он мой знакомый.

– Да? Мне он не нравится. Я ему ничего не расскажу.

– Не расскажешь – чего?

– Того, что знаю. Я много чего знаю. Я люблю разузнавать про людей.

Она уселась на ручку кресла, продолжая меня разглядывать. Мне стало не по себе.

– Дедушку ведь убили. Это вам уже известно?

– Да, – кивнул я. – Известно.

– Его отравили. Э-зе-рином. – Она старательно выговорила слово. – Интересно, правда?

– Можно сказать и так.

– Нам с Юстасом очень интересно. Мы любим детективные истории. Мне всегда хотелось быть сыщиком. Теперь я сыщик. Я собираю улики.

В этом ребенке было и впрямь что-то дьявольское.

Она возобновила атаку:

– Человек, который пришел со старшим инспектором, тоже ведь сыщик? В книгах пишут, что переодетого сыщика всегда можно узнать по сапогам. А этот носит замшевые ботинки.

– Старые порядки меняются.

Жозефина истолковала мое замечание по-своему.

– Да, – сказала она, – теперь нас ждут большие перемены. Мы переедем в Лондон, будем жить на набережной Виктории. Маме давно этого хотелось. Она будет довольна. Папа тоже, я думаю, не будет возражать, раз книги переедут вместе с ним. Раньше он не мог себе этого позволить. Он потерял кучу денег на «Иезавели».

– На Иезавели? – переспросил я.

– Да. Вы ее не видели?

– А-а, это пьеса? Нет, не видел. Я жил за границей.

– Она недолго шла. Честно говоря, она полностью провалилась. По-моему, маме абсолютно не подходит роль Иезавели, а вы как думаете?

Я подвел итог своим впечатлениям о Магде. Ни в персикового цвета negligee, ни в шитом

на заказ дорогим костюме она не вызывала ассоциации с Иезавелью, но я готов был поверить, что существуют и другие Магды, которых я еще не видел.

– Возможно, и не очень подходит, – осторожно ответил я.

– Дедушка с самого начала говорил, что пьеса провалится. Он говорил, что не станет вкладывать деньги в постановку всяких исторических религиозных пьес. Он говорил, что кассового успеха она иметь не будет. Но мама ужасно была увлечена. Мне-то пьеса, в общем, не очень понравилась. Совсем не похоже на ту историю, которая в Библии. У мамы Иезавель была совсем не такая скверная. Горячая патриотка и даже симпатичная. Скучища несусветная. В конце, правда, все исправилось – ее выбросили из окна. Но псов не было, и ее не сожрали. Жалко, правда? Мне как раз больше всего нравится место, где ее сжирают псы. Мама говорит, что на сцену собак не выпустишь, а мне все-таки непонятно – почему. Можно ведь взять дрессированных собак. – Жозефина с чувством продекламировала: – «...И не нашли от нее ничего, кроме кистей рук».^[5] А отчего они не съели кисти рук?

– Понятия не имею.

– Кто бы подумал, что собаки так разборчивы. Наши так совсем неразборчивы. Едят все, что попало.

Жозефина еще несколько минут размышляла над этой библейской загадкой.

– Жалко, что пьеса провалилась, – заметил я.

– Да, мама жутко расстроилась. Рецензии в газетах были просто кошмарные. Когда она их прочитала, она стала плакать, плакала весь день и бросила поднос с завтраком в Гледис. Гледис отказалась от места. Очень было весело.

– Я вижу, ты любишь драму, Жозефина, – заметил я.

– Вскрытие делали, – продолжала Жозефина, – чтобы узнать, из-за чего дедушка умер. Для полиции это ЧП, но, по-моему, от этих букв только путаница. ЧП еще значит «член парламента», правда? И еще «чистопородный поросенок», – добавила она задумчиво.

– Тебе жаль дедушку? – спросил я.

– Не особенно. Я его не очень любила. Он мне не позволил учиться на балерину.

– А тебе хотелось стать балериной?

– Да, и мама тоже хотела, чтобы я занималась, и папа был не против, но дедушка сказал, что из меня проку не будет.

Она соскочила с ручки кресла на пол, скинула туфли и попыталась встать на носки, или, как это говорится на профессиональном языке, – на пуанты.

– Надевают, конечно, специальные туфли, – объяснила она, – и все равно на концах пальцев иногда бывают жуткие нарывы. – Она снова влезла в туфли и спросила небрежным тоном: – Нравится вам наш дом?

– Скорее нет.

– Наверное, его теперь продадут. Если только Бренда не останется в нем жить. Да и дядя Роджер с тетей Клеменси теперь, наверное, не уедут.

– А они собирались уехать? – Во мне проснулось любопытство.

– Да, они должны были уехать во вторник. Куда-то за границу. На самолете. Тетя Клеменси купила новый чемодан, знаете – такие легкие, как пух.

– А я и не слыхал, что они хотели ехать за границу.

– Да, никто не знал. Это был секрет. Они договорились никому до отъезда не говорить и собирались оставить дедушке записку. Но, конечно, не прикалывать к подушечке для иголок. Так только в старомодных романах делают жены, когда уходят от мужей. Сейчас это выглядело бы глупо, ни у кого теперь нет подушечек для иголок.

– Да, разумеется. Жозефина, а ты не знаешь, почему дядя Роджер хотел... уехать?

Девочка бросила на меня искоса хитрый взгляд:

– Знаю. Это имеет отношение к фирме дяди Роджера в Лондоне. Я не уверена, но думаю, он что-то прикарманил.

– Откуда ты это взяла?

Жозефина подошла поближе и засопела мне прямо в лицо:

– В тот день, когда дедушку отравили, дядя Роджер долго-предолго сидел с ним взаперти. Они говорили, говорили... Дядя Роджер все повторял, что он всегда был никчемный, и подвел дедушку, и что дело не в самих деньгах, а в сознании, что он оказался недостоин дедушкиного доверия. Он был в жутком состоянии.

Я глядел на Жозефину, и меня обуревали смешанные чувства.

– Жозефина, – сказал я, – тебе никогда не говорили, что подслушивать под дверью нехорошо?

Жозефина энергично закивала:

– Конечно, говорили. Но ведь если хочешь что-то узнать, приходится подслушивать. Спорим, что старший инспектор Тавернер тоже подслушивает. Вы не думаете?

Я представил себе эту картину. Жозефина запальчиво продолжала:

– И во всяком случае, тот, который в замшевых ботинках, точно подслушивает. Они роются в чужих столах, читают чужие письма и разузнают чужие секреты. Но только они очень глупые! Они не знают, где искать!

Жозефина говорила все это с чувством превосходства. А я был так недогадлив, что пропустил намек мимо ушей. Малоприятная девочка продолжала:

– Мы с Юстасом много чего знаем, но я знаю больше, чем он. И ему не скажу. Он говорит, будто женщина не может стать сыщиком. А я говорю, может. Я все запишу в записную книжку, а потом, когда полиция окончательно станет в тупик, я явлюсь и скажу: «Я вам открою, кто убийца».

– Ты читаешь много детективов, Жозефина?

– Горы.

– Ты, очевидно, думаешь, что знаешь, кто убил дедушку?

– Да, думаю. Но мне не хватает еще нескольких улик. – Помолчав, она добавила: – Старший инспектор Тавернер считает, что убила дедушку Бренда, верно? Или Бренда с Лоуренсом вместе, потому что они влюблены друг в друга.

– Ты не должна говорить таких вещей, Жозефина.

– Почему? Они же влюблены.

– Не тебе об этом судить.

– Почему? Они пишут друг другу любовные письма.

– Жозефина! Откуда ты это знаешь?

– Я читала. Ужас какие сентиментальные. Но Лоуренс такой и есть. Струсил и на войну не пошел. Сидел в подвалах и топил котлы. Когда над нами пролетали всякие самолеты-снаряды, он весь зеленел, прямо зеленый делался. Нас с Юстасом это очень смешило.

Не знаю, что бы я на это сказал, но в эту минуту к дому подъехала машина. В мгновение ока Жозефина очутилась у окна и прижала курносый нос к стеклу.

– Кто там? – спросил я.

– Мистер Гейтскил, дедушкин адвокат. Наверное, насчет завещания.

И она в возбуждении выбежала из комнаты, очевидно, чтобы возобновить свою сыщицкую деятельность.

В гостиную вошла Магда и, к моему великому изумлению, направилась прямо ко мне и взяла обе мои руки в свои.

– Мой дорогой, – проворковала она, – какое счастье, что вы еще здесь. Присутствие мужчины так успокаивает.

Она отпустила мои руки, подошла к стулу с высокой спинкой, чуть подвинула его, погляделась в зеркало, взяла со столика маленькую коробочку с эмалью и задумчиво стала открывать и закрывать крышку.

Поза была красивая.

В дверь заглянула София и наставительным тоном прошептала:

– Гейтскил!

– Знаю, – ответила Магда.

Через несколько минут София вошла в комнату в сопровождении невысокого пожилого господина. Магда поставила коробочку на место и сделала шаг ему навстречу.

– Доброе утро, миссис Филип. Я поднимаюсь наверх. Ваш супруг написал мне письмо, будучи в уверенности, что завещание хранится у меня. У меня же из слов покойного мистера Леонидиса создалось впечатление, что оно у него в сейфе. Вам об этом, вероятно, ничего не известно?

– О завещании бедненького дуси-дедуси? – Глаза Магды удивленно расширились. – Нет, конечно. Не говорите мне, что эта негодная женщина там, наверху, уничтожила его.

– Ну-ну, миссис Филип, – он погрозил ей пальцем, – никаких необоснованных обвинений. Вопрос лишь в том – где ваш свекор держал свое завещание?

– Как – где? Он отослал его вам – в этом нет сомнений. После того как подписал его. Он сам так сказал.

– Полиция, как я понимаю, просматривает сейчас личные бумаги мистера Леонидиса. Я хочу поговорить с инспектором Тавернером.

Как только адвокат вышел, Магда вскричала:

– Вот! Значит, она его уничтожила! Я знаю, что я права.

– Пустяки, мама, она не совершила бы такой глупости.

– Совсем это не глупость. Если завещания нет, она получит все.

– Ш-ш, Гейтскил возвращается.

Появился адвокат, с ним Тавернер, а за ними Филип.

– Я понял со слов мистера Леонидиса, – Гейтскил говорил на ходу, – что он поместил завещание в сейф Английского банка.

Тавернер покачал головой:

– Я связался с банком. У них нет никаких личных документов мистера Леонидиса, за исключением некоторых хранившихся у них ценных бумаг.

Филип предложил:

– Но может быть, Роджер... или тетя Эдит... София, будь добра, пригласи их сюда.

Вызванный на совещание Роджер, однако, не пролил света на эту загадку.

– Абсурд, полнейший абсурд, – повторял он, – отец подписал завещание и ясно и четко сказал, что пошлет его на следующий день по почте мистеру Гейтскилу.

– Если память мне не изменяет, – мистер Гейтскил откинулся на спинку стула и прикрыл глаза, – двадцать четвертого ноября прошлого года я представил мистеру Леонидису проект завещания, составленного согласно его указаниям. Он одобрил проект, вернул мне, и я в свое время послал ему завещание на подпись. По истечении недели я отважился напомнить ему, что еще не получил подписанного и заверенного завещания, и спросил, не хочет ли он что-то в нем изменить. Он ответил, что завещание полностью его устраивает, и добавил, что подписал его и отправил в банк.

– Совершенно верно, – с жаром подхватил Роджер. – Как раз тогда это и было, примерно в

конце ноября прошлого года, помнишь, Филип? Как-то вечером отец собрал нас всех и прочитал завещание вслух.

Тавернер повернулся к Филипу:

– Это совпадает с вашими впечатлениями, мистер Леонидис?

– Да, – ответил Филип.

– Очень похоже на «Наследство Войси»,^[6] – заметила Магда. Она удовлетворенно вздохнула. – Мне всегда казалось, что в завещании есть что-то драматическое.

– А вы, мисс София?

– Все происходило именно так, – отозвалась София. – Я прекрасно помню.

– И каковы же были условия завещания? – спросил Тавернер.

Мистер Гейтскил собрался было ответить со всей своей пунктуальностью, но Роджер Леонидис опередил его:

– Завещание было очень простое. Поскольку Электра и Джойс умерли, их имущественная доля вернулась к отцу. Сын Джойса Уильям еще раньше погиб в бою в Бирме, и его деньги отошли отцу. Из близких родственников остались только Филип, я и внуки. Отец объяснил это в завещании. Он оставил пятьдесят тысяч фунтов, не обложенных налогом, тете Эдит, сто тысяч Бренде, ей же этот дом или же купленный вместо этого по ее желанию дом в Лондоне. Остаток он поделил на три части – одну мне, другую Филипу, третью следовало разделить между Софией, Юстасом и Жозефиной. Доли обоим младшим оставались под опекой до их совершеннолетия. Кажется, я все правильно рассказал, мистер Гейтскил?

– Да, весьма приблизительно таковы условия документа, который я подготовил, – проговорил мистер Гейтскил ядовитым тоном, уязвленный тем, что ему не дали высказаться самому.

– Отец прочел нам завещание вслух, – продолжал Роджер. – Спросил, нет ли у кого-нибудь замечаний. Ни у кого, конечно, их не было.

– Бренда сделала замечание, – напомнила мисс де Хевиленд.

– Ну как же, – с горячностью произнесла Магда. – Сказала, что не может слышать, как ее любименький старенький Аристид говорит о смерти. У нее, видите ли, мороз по коже. Так она выразилась. Мол, если он умрет, ей не нужны эти ужасные деньги.

– Чистая условность, – заметила мисс де Хевиленд. – Очень типичное высказывание для женщины ее класса.

Замечание было жесткое, полное яда. Я вдруг ощутил, до какой степени она не любит Бренду.

– Очень справедливый и разумный раздел состояния, – резюмировал мистер Гейтскил.

– А что последовало за чтением завещания? – задал следующий вопрос инспектор Тавернер.

– Отец подписал его, – ответил Роджер.

Тавернер слегка подался вперед:

– Как именно и в какой момент подписал?

Роджер беспомощно оглянулся на жену. Клеменси немедленно пришла на помощь. Остальные члены семьи с видимым облегчением предоставили ей говорить.

– Вы хотите знать точно, в какой последовательности все происходило?

– Да, если можно, миссис Роджер.

– Свекор положил завещание на письменный стол и попросил кого-то из нас – Роджера, по моему, – нажать кнопку звонка. Роджер позвонил. Явился Джонсон, и свекор велел ему привести горничную, Джанет Вулмер. Когда оба они пришли, свекор подписал завещание и попросил слуг поставить свои фамилии под его подписью.

– Процедура правильная, – с одобрением произнес мистер Гейтскилл. – Завещание должно быть подписано завещателем в присутствии двух свидетелей, которые обязаны поставить свои подписи под документом. В одно и то же время и в одном помещении.

– А дальше? – не отставал Тавернер.

– Мой свекор поблагодарил их и отпустил. Затем взял завещание, вложил его в длинный конверт и сказал, что отошлет его на следующий день мистеру Гейтскилу.

– Все согласны с точностью описания? – Инспектор Тавернер обвел взглядом присутствующих.

Раздался невнятный гул одобрения.

– Завещание, как вы сказали, лежало на столе. Насколько близко к столу находились присутствующие?

– Не очень близко, вероятно, не ближе пяти метров.

– Когда мистер Леонидис читал вам завещание, он сидел за столом?

– Да.

– Вставал ли он, выходил ли из-за стола после того, как окончил чтение, и до того, как подписал бумагу?

– Нет, не вставал.

– Могли ли слуги прочесть документ, когда расписывались?

– Нет, не могли, – ответила Клеменси. – Свекор прикрыл верхнюю часть завещания листом бумаги.

– Совершенно верно, – подтвердил Филип. – Содержание документа их не касалось.

– Понятно, – протянул Тавернер. – То есть как раз непонятно.

Быстрым движением он извлек длинный конверт и протянул его адвокату.

– Поглядите, – сказал он, – и скажите, что это такое.

Мистер Гейтскилл вытащил из конверта сложенный документ и, развернув, воззрился на него с нескрываемым изумлением, поворачивая его и так и этак.

– Удивительная вещь, – проговорил он наконец. – Ничего не понимаю. Где это лежало, если позволено спросить?

– В сейфе, среди других бумаг мистера Леонидиса.

– Да что же это такое, наконец? – возмутился Роджер. – О чем вообще речь?

– Это завещание, которое я подготовил вашему отцу на подпись, Роджер, но... не могу понять, каким образом после всего вами рассказанного оно осталось неподписанным.

– Как? Вероятно, это проект?

– Нет, – возразил адвокат. – Мистер Леонидис вернул мне первоначальный проект, и я тогда составил завещание – вот это самое, – он постучал по нему пальцем, – и послал ему на подпись. Согласно вашим общим показаниям, он подписал завещание на глазах у всех, и двое свидетелей приложили свои подписи... И тем не менее завещание осталось неподписанным.

– Но это просто невозможно! – воскликнул вдруг Филип Леонидис с непривычным для него воодушевлением.

– Как у вашего отца было со зрением? – спросил Тавернер.

– Он страдал глаукомой. Разумеется, для чтения он надевал очки.

– В тот вечер он был в очках?

– Конечно. И не снимал до тех пор, пока не подписал завещания. Я правильно говорю?

– Абсолютно, – подтвердила Клеменси.

– И никто – все в этом уверены? – никто не подходил к столу до того, как он подписал бумагу?

– Я в этом не уверена, – Магда возвела глаза кверху. – Если бы мне удалось сейчас

сосредоточиться и представить себе всю картину...

– Никто не подходил, – твердо сказала София. – Дед сидел за столом и ни разу не вставал.

– Стол стоял там же, где сейчас? Не ближе к двери, или к окну, или к драпировке?

– Там же, где стоит сейчас.

– Я пытаюсь представить себе, каким образом могла произойти подмена, – проговорил

Тавернер. – А подмена явно имела место. Мистер Леонидис находился под впечатлением, что подписывает документ, который только что читал вслух.

– А подписи не могли быть стерты? – подал голос Роджер.

– Нет, мистер Леонидис. Следы остались бы. Существует, правда, еще одна вероятность: это не тот документ, который мистер Гейтскил послал мистеру Леонидису и который тот подписал в вашем присутствии.

– Исключено, – запротестовал адвокат. – Я могу поклясться, что это подлинник. Наверху в левом углу имеется маленький изъян – он напоминает, если дать волю воображению, крошечный аэроплан. Я его заметил тогда же.

Члены семьи обменялись непонимающими взглядами.

– Чрезвычайно странное стечение обстоятельств, – проговорил мистер Гейтскил. – Совершенно беспрецедентный в моей практике случай.

– Невероятно, – проговорил Роджер. – Мы все были там. Этого не могло произойти.

Мисс де Хевиленд сухо кашлянула:

– Какой смысл твердить «не могло», когда это произошло. Меня интересует теперешнее положение дел.

Гейтскил немедленно превратился в осторожного стряпчего.

– Теперешнее положение дел нуждается в самой точной оценке. Этот документ, разумеется, аннулирует все прежние завещания. Налицо многочисленные свидетели, видевшие, как мистер Леонидис подписывал то, что с чистой совестью считал своим завещанием. Гм. Крайне интересно. Настоящий юридический казус.

Тавернер взглянул на часы:

– Боюсь, я задержал вас и отвлек от ленча.

– Не разделите ли вы его с нами, старший инспектор? – предложил Филип.

– Благодарю вас, мистер Леонидис, у меня свидание с доктором Греем в Суинли Дин.

Филип повернулся к адвокату:

– А вы, Гейтскил?

– Спасибо, Филип.

Все встали. Я как можно незаметнее подошел к Софии:

– Уйти мне или остаться?

Мой вопрос до смешного походил на название викторианской песни.

– Я думаю – уйти, – отозвалась София.

Я поспешил выскользнуть из комнаты вдогонку за Тавернером. И тут же наткнулся на Жозефину, которая каталась на обтянутой байкой двери, ведущей в хозяйственную часть дома. Она явно пребывала в отличном расположении духа.

– Полицейские – дураки, – заявила она.

Из гостиной вышла София:

– Что ты тут делаешь, Жозефина?

– Помогаю няне.

– Ты, наверное, подслушивала.

Жозефина скорчила гримасу и исчезла.

– Горе, а не ребенок, – заметила София.

Я вошел в кабинет помощника комиссара Скотленд-Ярда в тот момент, когда Тавернер заканчивал свое повествование о постигших его неприятностях.

– И вот извольте. Я всю эту компанию, можно сказать, наизнанку вывернул и что выяснил? Ровным счетом ничего! Ни у кого никаких мотивов. Никто в деньгах не нуждается. А единственная улика, говорящая против жены и ее молодого человека, – то, что он смотрел на нее влюбленным взглядом, когда она наливала ему кофе.

– Ну, будет вам, Тавернер, – сказал я. – У меня есть кое-что получше.

– Ах так? И что же, позвольте спросить, вы такого узнали, мистер Чарльз?

Я сел, закурил сигарету, откинулся на спинку стула и тогда только выложил свои сведения:

– Роджер Леонидис и его жена намеревались удрать за границу в следующий вторник. У Роджера произошло бурное объяснение с отцом в день смерти старика. Старший Леонидис обнаружил какие-то его грехи, и Роджер признал свою вину.

Тавернер побагровел.

– Откуда вы все это, черт побери, выкопали? – загремел он. – Если это идет от слуг...

– Нет, не от слуг, а от частного сыскного агента.

– Кого вы имеете в виду?

– Должен сказать, что, в соответствии с канонами лучших детективов, он, или, вернее, она, или, еще лучше, – оно положило полицию на обе лопатки. Я также подозреваю, – продолжал я, – что у этого агента имеется и еще кое-что про запас.

Тавернер раскрыл было рот и тут же закрыл его. Он хотел задать так много вопросов сразу, что не знал, с чего начать.

– Роджер! – выговорил он наконец. – Так, значит, это Роджер?

Я с некоторой неохотой поделился с ними новостями. Мне нравился Роджер Леонидис. Я вспомнил его уютную комнату – жилье общительного, компанейского человека, его дружелюбие и обаяние, мне претила необходимость пускаться по его следу ищущих правосудия. Имелся, конечно, шанс, что вся полученная от Жозефины информация недостоверна, но, по правде говоря, я так не думал.

– Значит, все идет от девчухи? – спросил Тавернер. – Это дитяtko, кажется, подмечает все, что творится в доме.

– Обычная история с детьми, – небрежно проронил отец.

Преподнесенные мною сведения, если считать их верными, изменили наш взгляд на ситуацию. В том случае, если Роджер, как с уверенностью утверждала Жозефина, «прикарманил» средства фирмы, а старик про это прознал, стало жизненно необходимо заставить замолчать старого Леонидиса, а потом покинуть Англию до того, как правда выплывет наружу. Возможно, Роджер какими-то махинациями дал повод к уголовному преследованию.

С общего согласия было решено безотлагательно навести справки о делах ресторанной фирмы.

– Если факты подтвердятся, – заметил мой отец, – их ждет мощный крах. Концерн огромный, речь идет о миллионах.

– И если финансы у них не в порядке, мы получим то, что нужно, – добавил Тавернер. – Скажем так. Отец вызывает к себе Роджера. Роджер не выдерживает и признается. Бренда Леонидис как раз ушла в кино. Роджеру надо только, выйдя из комнаты отца, зайти в ванную, вылить из пузырька инсулин и налить туда крепкий раствор эзерина – больше ничего. А могла и

его жена это сделать. Вернувшись в тот день домой, она пошла в другое крыло дома якобы за трубкой, забытой там Роджером. На самом же деле она вполне могла успеть произвести подмену до возвращения Бренды из кино. И сделать это быстро и хладнокровно.

Я кивнул:

– Да, именно она мне видится главным действующим лицом. Хладнокровия ей не занимать. Не похоже, чтобы Роджер Леонидис выбрал яд как средство убийства – этот фокус с инсулином наводит на мысль о женщине.

– Мужчин-отравителей было сколько угодно, – коротко возразил отец.

– Как же, сэр, – ответил Тавернер. – Уж я-то это знаю, – с жаром добавил он. – И все равно Роджер человек не того типа.

– Причард, – напомнил отец, – тоже был очень общительный.

– Ну, скажем так: муж и жена оба замешаны.

– С леди Макбет в главной роли, – заметил старик. – Как она тебе, Чарльз, похожа?

Я представил себе тонкую изящную фигуру в аскетически пустой комнате.

– Не вполне, – ответил я. – Леди Макбет по сути своей хищница. Чего не скажешь о Клеменси Леонидис. Ей не нужны никакие блага мира сего.

– Но зато ее может серьезно волновать безопасность мужа.

– Это верно... И она, безусловно, способна... способна на жестокость.

«Разного типа жестокость», – так сказала София.

Я заметил, что старик внимательно за мной наблюдает.

– Что у тебя на уме, Чарльз?

Но тогда я ему еще ничего не сказал.

Отец вызвал меня на следующий день, и, приехав в Скотленд-Ярд, я застал его беседующим с Тавернером. Вид у Тавернера был явно довольный и слегка возбужденный.

– Фирма ресторанных услуг на мели, – сообщил мне отец.

– Вот-вот рухнет, – подтвердил Тавернер.

– Я видел, что акции вчера вечером резко упали, – сказал я. – Но сегодня утром они, кажется, опять поднялись.

– Нам пришлось действовать очень деликатно, – пояснил Тавернер. – Никаких прямых расспросов. Ничего, что могло бы вызвать панику или спугнуть нашего затаившегося подопечного. У нас есть свои источники информации, и мы получили вполне определенные сведения. Фирма на грани банкротства. Она не способна справиться со своими обязательствами. И причина в том, что вот уже несколько лет ею управляют из рук вон плохо.

– А управляет ею Роджер Леонидис?

– Да, главным образом.

– И заодно он поживился...

– Нет, – возразил Тавернер, – мы так не думаем. Говоря без обиняков, он, может, и убийца, но не мошенник. Если сказать честно, он вел себя просто как олух. Здравому смыслу у него, судя по всему, ни на грош. Пускался во все тяжкие, когда, наоборот, нужно было попридержаться прутья. Колебался и отступал, когда следовало рискнуть. Будучи человеком доверчивым, он доверялся не тем, кому следовало. Каждый раз, в каждом случае он поступал так, как не надо.

– Бывают такие типы, – согласился отец. – И не то чтобы они действительно были дураки. Просто они плохо разбираются в людях. И энтузиазм на них нападает не ко времени.

– Таким, как он, вообще нельзя заниматься бизнесом, – заметил Тавернер.

– Он бы, скорее всего, и не занялся, – сказал отец, – не случись ему быть сыном Аристиды Леонидиса.

– Когда старик передавал дело Роджеру, оно буквально процветало. Казалось бы, золотое дно. Сиди да смотри, как бизнес катится сам собой.

– Нет, – отец покачал головой, – никакой бизнес не катится сам собой. Всегда нужно принять какие-то решения, кого-то уволить, кого-то куда-то назначить, выполнить мелкие тактические задачи. Но решения Роджера Леонидиса, видимо, *всегда* оказывались неправильными.

– Именно, – сказал Тавернер. – Прежде всего он человек верный своему слову. Держал самых никчемных субъектов только потому, что испытывал к ним симпатию, или потому, что они там давно работают. Время от времени ему приходили в голову сумасбродные и непрактичные идеи, и он настаивал на их претворении, невзирая на связанные с этим громадные затраты.

– Но ничего криминального? – упорствовал отец.

– Ровно ничего.

– Тогда к чему убийство? – поинтересовался я.

– Может, он дурак, а не мошенник, – сказал Тавернер, – но результат все равно один – или почти один. Единственное, что могло спасти фирму от банкротства, это поистине колоссальная сумма не позднее, – он справился с записной книжкой, – следующей среды.

– То есть сумма, какую он унаследовал бы или рассчитывал унаследовать по отцовскому завещанию?

– Именно.

– Но он все равно не получил бы этой суммы наличными.

– Зато получил бы кредит. Что одно и то же.

Отец кивнул.

– А не проще было пойти к старому Леонидису и попросить помощи? – предположил он.

– Я думаю, он так и сделал, – ответил Тавернер. – Именно эту сцену и подслушала девчонка. Старина, надо полагать, отказался наотрез выбрасывать деньги на ветер. На него это было бы похоже.

Мне подумалось, что Тавернер прав. Аристид Леонидис отказался финансировать спектакль Магды, заявив, что кассового успеха он иметь не будет. И, как потом оказалось, был прав. Он проявлял щедрость по отношению к семье, но ему было несвойственно вкладывать деньги в невыгодные предприятия. Фирма ресторанных услуг обошлась бы даже не в тысячу, а в сотни тысяч фунтов. Аристид Леонидис отказал наотрез, и спасти Роджера от финансового краха могла только смерть отца. Да, мотив у него был, тут не поспоришь.

Мой отец посмотрел на часы.

– Я просил его зайти сюда, – сказал он. – Сейчас явится с минуты на минуту.

– Роджер?

– Да.

– «Заходите, муха, в гости», – сладко вымолвил паук», – пробормотал я.

Тавернер бросил на меня негодующий взгляд.

– Мы сделаем все надлежащие предостережения, – ответил он сурово.

Место действия подготовили, посадили стенографистку. Вскоре раздался звонок в дверь, и несколько секунд спустя появился Роджер Леонидис. Он вошел стремительно и тут же с присущей ему неуклюжестью наткнулся на стул. Он напомнил мне большого дружелюбного пса. И я сразу же с полной определенностью решил – не он переливал эзерин в пузырек из-под инсулина. Он бы разбил его, пролил капли и так или иначе погубил бы операцию. Нет, решил я, подлинным исполнителем была Клеменси, если даже Роджер и причастен к убийству.

Он разразился потоком слов:

– Вы хотели меня видеть? Что-то выяснилось? Привет, Чарльз, я вас не заметил. Спасибо, что зашли. Скажите же, сэр Артур...

Славный человек, очень славный. Но сколько убийц, по свидетельству их изумленных друзей, были славными ребятами. Я улыбнулся ему в ответ, чувствуя себя Иудой.

Мой отец был осмотрителен, официально холоден. Прозвучали привычные, ничего не значащие слова. «Сделать заявление... будут занесены в протокол... никакого принуждения... адвокат...»

Роджер Леонидис отмахнулся от них с характерным для него стремительным нетерпением. Я заметил на лице старшего инспектора Тавернера саркастическую улыбочку и угадал его мысли: «Как они всегда в себе уверены, эти субчики. Уж они-то никогда не ошибаются! Умнее всех!»

Я сидел незаметно в углу и слушал.

– Я пригласил вас сюда, мистер Леонидис, – продолжал отец, – не для того, чтобы делиться с вами новой информацией, а, наоборот, чтобы получить от вас сведения, которые вы утаили прежде.

Роджер с озадаченным видом уставился на моего отца:

– Утаил? Нет, я все вам рассказал – абсолютно все!

– Не думаю. У вас ведь состоялся разговор с покойным незадолго до его смерти, в тот же день?

– Да, да, мы пили с ним чай, я вам говорил.

– Да, говорили, но вы скрыли, о чем шел разговор.

– Мы... мы просто беседовали.

– О чем?

– О повседневных событиях, о доме, о Софии...

– А о фирме ресторанных услуг?

Видимо, я до этой минуты надеялся, что Жозефина все выдумала. Но теперь надежды мои разлетелись в прах.

Роджер переменился в лице. Выражение нетерпения мгновенно сменилось чем-то близким к отчаянию.

– О боже, – пробормотал он.

Он упал на стул и закрыл лицо руками.

Тавернер заулыбался, как довольный кот.

– Вы признаете, мистер Леонидис, что вы не были с нами откровенны?

– Откуда вы узнали? Я думал, никто не знает, не представляю, каким образом это стало вам известно.

– У нас есть свои способы выяснять разные вещи.

Последовала многозначительная пауза.

– Вы видите теперь, что лучше рассказать нам правду.

– Да, да, конечно. Я расскажу. Что вы хотите знать?

– Верно ли, что ваша фирма на грани банкротства?

– Да. И предотвратить этого нельзя. Катастрофа неминуема. Какое было бы счастье, если бы отец умер в неведении... Мне так стыдно... такой позор...

– Могут ли вам предъявить уголовное обвинение?

Роджер резко выпрямился:

– Нет, нет. Это будет банкротство, но банкротство достойное. Кредиторам будет выплачено по двадцать шиллингов с фунта, даже если мне придется добавить личные сбережения, что я и сделаю. Нет, позор в том, что я не оправдал доверия моего дорогого отца. Он мне верил. Отдал

мне свой самый большой концерт, самый любимый. Он ни во что не вмешивался, никогда не спрашивал, что я делаю. Он просто... доверял мне. А я подвел его.

Отец сухо сказал:

– Вы говорите, уголовное преследование вам не грозит. Почему же вы тогда с женой собирались улететь за границу втайне от всех?

– И это вам известно?

– Да, мистер Леонидис.

– Как вы не понимаете? – Он нетерпеливо наклонился вперед. – Я не мог открыть отцу правды. Получилось бы, как будто я прошу денег, поймите. Как будто я прошу еще раз поставить меня на ноги. Он... он очень любил меня. Он захотел бы помочь. Но я не мог... Не мог больше. Все равно... это опять кончилось бы провалом... Я неудачник. У меня нет деловой хватки. Я совсем не такой, как мой отец. Я всегда это знал. Я старался. Но у меня ничего не выходило. Как я был несчастен. Господи боже! Вы не знаете, до чего я был несчастен! Все время пытался выкарабкаться, надеялся привести дела в порядок, надеялся, что дорогой мой отец ничего не узнает. И вдруг – конец, катастрофы уже было не избежать. Клеменси, моя жена, она поняла меня, согласилась со мной. Мы разработали план. Ничего никому не говорить. Уехать. А там пусть разразится буря. Я оставлю отцу письмо, все объясню, расскажу, как мне стыдно, попрошу простить меня. Он так был всегда добр ко мне, вы не представляете. Но делать для меня что-нибудь было уже поздно. Вот я и хотел не просить его ни о чем, чтобы даже и намек на просьбу не было. Начать где-то жизнь сначала. Жить просто и смиренно. Выращивать что-нибудь. Кофе... или фрукты. Иметь только самое необходимое. Клеменси придется нелегко, но она поклялась, что не боится. Она замечательная – просто замечательная.

– Понятно. – Голос отца звучал холодно. – И что же заставило вас передумать?

– Передумать?

– Да. Что заставило вас пойти к отцу и все-таки попросить финансовой помощи?

Роджер непонимающим взглядом уставился на моего отца:

– Я не ходил!

– Оставьте, мистер Леонидис.

– Да нет, вы перепутали. Не я пошел к нему, а *он сам* вызвал меня. Он что-то услышал в Сити. Очевидно, прошел какой-то слух. Ему всегда становилось все известно. Кто-то ему сказал. Он за меня взялся как следует, и я, конечно, не выдержал... Все ему выложил. Сказал, что мучаюсь не столько из-за денег, сколько от сознания, что подвел его, не оправдал его доверия! – Роджер судорожно сглотнул. – Дорогой отец, – проговорил он. – Вы и представить себе не можете, как он ко мне отнесся. Никаких упреков. Сама доброта. Я сказал ему, что помощь мне не нужна, даже лучше, если он не станет помогать. Я бы предпочел уехать, как и собирался. Но он и слышать ничего не хотел. Настаивал на том, чтобы прийти мне на помощь и снова поставить на ноги нашу фирму.

– И вы хотите, чтобы мы поверили, будто ваш отец собирался оказать вам финансовую поддержку? – резко сказал Тавернер.

– Ну разумеется. Он тут же написал своим маклерам и отдал распоряжения.

Очевидно, он заметил выражение недоверия на лицах обоих инспекторов. Он покраснел.

– Слушайте, – сказал он, – письмо до сих пор у меня. Я обещал отцу отправить его по почте. Но потом... такое потрясение... суматоха... Я, конечно, забыл про него. Оно, наверно, у меня в кармане.

Он достал бумажник и долго в нем копался. Но наконец нашел, что искал: мятый конверт с маркой, адресованный, как я, наклонившись, увидел, господам Грейторексу и Ханбери.

– Прочтите сами, – добавил Роджер, – если мне не верите.

Отец вскрыл письмо. Тавернер подошел и встал у него за спиной. Я тогда его не читал, но прочел позже. Господам Грейторексу и Ханбери поручалось реализовать какие-то капиталовложения и прислать к нему на следующий день кого-то из членов фирмы за получением инструкций. Деловая часть письма осталась для меня темной, но суть была ясна: Аристид Леонидис готовился еще раз подставить сыну свое плечо.

Тавернер сказал:

– Мы дадим вам за него расписку.

Роджер взял расписку и встал:

– Это все? Теперь вы поняли, как все происходило?

Вместо ответа Тавернер спросил:

– Мистер Леонидис отдал вам письмо, и вы ушли? Что вы делали дальше?

– Я бросился к себе. Моя жена как раз вернулась домой. Я рассказал ей, как собирается поступить отец. Как он изумительно ведет себя. Я... право, я едва сознавал, что делаю.

– И как скоро после этого стало плохо вашему отцу?

– Пойдите, дайте подумать... наверное, через полчаса, а может, через час прибежала Бренда. Очень испуганная. Сказала, что с ним неладно. Я бросился с ней туда. Но это я уже вам рассказывал.

– Когда вы были у отца в первый раз, заходили вы в ванную, примыкающую к комнате отца?

– Не думаю. Нет... уверен, что не заходил. А в чем дело, неужели вы могли подумать, что я...

Отец сразу же погасил вспышку негодования – он поднялся и пожал Роджеру руку.

– Благодарю вас, мистер Леонидис, – сказал он. – Вы нам очень помогли. Но рассказать все вы должны были раньше.

Когда дверь за Роджером захлопнулась, я встал и подошел к отцовскому столу, чтобы взглянуть на письмо.

– Оно может быть и подделкой, – с надеждой проговорил Тавернер.

– Может, – отозвался отец, – но я не думаю. По моему мнению, это соответствует действительности. Старый Леонидис собирался вызволить сына из беды. И ему при жизни удалось бы это гораздо лучше, чем Роджеру после его смерти. Тем более что завещание, как выясняется, отсутствует, и размеры наследства Роджера теперь весьма спорны. Следует ожидать проволочек и разных осложнений. В теперешней ситуации крах неминуем. Нет, Тавернер, у Роджера Леонидиса и его жены не было мотива для устранения старика. Наоборот... – Он вдруг умолк и задумчиво, как будто его осенила внезапная мысль, повторил: – Наоборот...

– О чем вы подумали, сэр? – осведомился Тавернер.

Отец медленно проговорил:

– Проживи Аристид Леонидис еще сутки, и Роджер был бы спасен. Но старик не прожил суток. Он умер внезапно и трагически через каких-то полтора часа.

– Гм, – отозвался Тавернер. – Думаете, кто-то из домашних хотел, чтобы Роджер разорился? Кто-то, у кого были свои финансовые интересы? Сомнительно.

– А как там выходит по завещанию? Кто реально получает деньги старого Леонидиса?

Тавернер досадливо вздохнул:

– Сами знаете, что за публика эти адвокаты. Прямого ответа из них клещами не вытянешь. Существует старое завещание. Сделанное сразу, как только он женился вторично. По этому завещанию та же сумма отходит миссис Леонидис, гораздо меньшая – мисс де Хевиленд, остальное поделено между Филипом и Роджером. Казалось бы, поскольку новое завещание осталось неподписанным, на поверхность выплывает старое. Но не тут-то было. Во-первых,

составление нового завещания аннулирует прежнее. А кроме того, имеются свидетели его подписания и «намерения завещателя». Если выяснится, что старик умер, не оставив завещания, с наследством начнется неразбериха. Очевидно, вдова в этом случае получит все или по крайней мере право на пожизненное владение.

– Стало быть, если завещание пропало, выигрывает от этого Бренда Леонидис?

– Да. Если тут проделан какой-то трюк, то, скорее всего, за этим стоит она. А трюк явно проделан. Но, черт меня побери, если я понимаю, каким образом.

Я тоже не понимал. Мы оказались редкостными тупицами. Но, надо сказать, мы рассматривали это дело не с той точки зрения.

После ухода Тавернера наступило недолгое молчание. Затем я спросил:

– Отец, убийцы – какие они?

Старик задумчиво устремил на меня глаза. Мы так хорошо понимали друг друга, что он сразу угадал, к чему я клоню. И поэтому ответил серьезно:

– Понимаю. Сейчас для тебя это важно, очень важно... Убийство близко коснулось тебя. Ты больше не можешь оставаться в стороне.

Меня всегда интересовали – как любителя, конечно, – наиболее эффектные случаи, попадавшие в Отдел уголовного розыска. Но, как сказал отец, я интересовался этим как сторонний наблюдатель, глядя, так сказать, через стекло витрины. Но теперь – о чем гораздо раньше меня догадалась София – убийство стало для меня доминирующим фактором моей жизни.

Старик продолжал:

– Не знаю, меня ли надо об этом спрашивать. Я мог бы свести тебя с кем-нибудь из наших придворных психиатров, которые на нас работают. У них все эти проблемы разложены по полочкам. Или же Тавернер мог бы ознакомить тебя с нашей кухней. Но ты ведь, как я понимаю, хочешь услышать, что я, лично я, думаю о преступниках, опираясь на мой опыт?

– Да, именно этого я хочу, – ответил я.

Отец обвел пальцем кружок на своем столе.

– Какими бывают убийцы? Что же, иные из них, – по лицу его скользнула невеселая улыбка, – вполне славные малые.

Вид у меня, вероятно, был озадаченный.

– Да, да, вполне, – повторил он. – Обыкновенные славные малые вроде нас с тобой – или вроде Роджера Леонидиса, который только что отсюда вышел. Видишь ли, убийство – преступление любительское. Я, разумеется, говорю об убийстве того типа, какой имеешь в виду ты, а не о гангстерских делах. Очень часто возникает чувство, будто этих славных заурядных малых убийство, так сказать, постигло случайно. Один очутился в трудном положении, другой в чем-то страшно нуждался – в деньгах или в женщине, – и вот они убивают, чтобы завладеть необходимым. Тормоза, действующие у большинства из нас, у них не срабатывают. Ребенок, тот переводит желание в действие без угрызений совести. Ребенок рассердился на котенка и, сказав: «Я тебя убью», – ударяет его по голове молотком, а потом безутешно рыдает из-за того, что котенок больше не прыгает! Как часто дети пытаются вынуть младенца из коляски и утопить его, потому что младенец узурпировал внимание взрослых или мешает им. Они достаточно рано узнают, что убивать «нехорошо», то есть их за это накажут. По мере взросления они уже начинают *чувствовать*, что это нехорошо. Но некоторые люди на всю жизнь остаются морально незрелыми. Они хотя и знают, что убивать нехорошо, но этого не чувствуют. Мой опыт говорит мне, что убийцы, в сущности, никогда не испытывают раскаяния... Это, возможно, и есть клеймо Каина. Убийцы «не такие, как все». Они особенные, убийство – зло, но их это не касается. Для них оно необходимость, жертва «сама напросилась», это был «единственный выход».

– А не думаешь ли ты, – сказал я, – что кто-то ненавидел старого Леонидиса, ненавидел, скажем, очень давно – может ли это быть причиной?

– Ненависть в чистом виде? Сомневаюсь. – Отец с любопытством посмотрел на меня. – Когда ты говоришь «ненависть», ты, очевидно, понимаешь под этим словом неприязнь в крайней степени. Но, скажем, ненависть из-за ревности совсем иное дело. Она проистекает из смеси

любви и разочарования. Констанс Кент, говорят, очень любила своего новорожденного братца, которого убила. Но она завидовала тому вниманию, которым он был окружен. Думаю, что люди чаще убивают тех, кого любят, чем тех, кого ненавидят. Возможно, потому, что только тот, кого любишь, способен сделать твою жизнь невыносимой.

Но ведь тебя не это интересует, правда? Тебе, если не ошибаюсь, нужен какой-то универсальный знак, который помог бы тебе отличить убийцу в семейном кругу среди нормальных и приятных с виду людей?

– Да, именно так.

– Существует ли такой общий знаменатель? Надо подумать. Знаешь, – продолжал он после паузы, – если он и есть, то это, скорее всего, тщеславие.

– Тщеславие?

– Да, я ни разу не встречал убийцу, который бы не был тщеславен... Именно тщеславие в конце концов губит их в девяти случаях из десяти. Они, конечно, боятся разоблачения, но не могут удержаться от того, чтобы не похвастаться, они начинают зазнаваться, будучи в уверенности, что они намного умнее всех и уж их-то не сумеют вывести на чистую воду. Есть и еще одна общая черта, – добавил он. – Убийца хочет *разговаривать*.

– Разговаривать?

– Да. Видишь ли, если ты совершил убийство, ты оказываешься в полном одиночестве. Тебе очень хотелось бы поделиться с кем-нибудь, но ты не можешь. А от этого желание поговорить становится еще сильнее. Поэтому если уж нельзя рассказать, как ты совершил убийство, то, по крайней мере, можно поговорить об убийствах вообще, можно обсуждать эту тему, выдвигать теории – словом, все время к ней возвращаться.

На твоем месте, Чарльз, я бы исходил именно из этого. Поезжай снова туда. Побольше с ними общайся, почаще вызывай на разговоры. Конечно, не обязательно у тебя пойдет все гладко. Виновные или невиновные, они будут рады случаю поговорить с посторонним, потому что тебе они могут сказать то, чего не могут сказать друг другу. Но вполне возможно, что тебе удастся заметить отличие. Тот, кому есть что скрывать, не может позволить себе вообще говорить. Парни из разведки во время войны хорошо знали об этом. Если тебя поймали – называй фамилию, чин, номер, но больше ничего. Те же, кто пытался давать ложную информацию, почти всегда на чем-то попадались. Заставь все семейство говорить, Чарльз, и внимательно следи, не совершит ли кто промах, не проговорится ли кто.

И тогда я ему рассказал, что София говорила про жестокость, которая сидит в каждом члене их семьи. Отец заинтересовался.

– Твоя девушка, пожалуй, права, тут что-то есть, – заметил он. – В большинстве семей имеется какой-то дефект, слабое место. С одной слабостью человек, как правило, справляется, но с двумя разными – нет. Наследственность – занятная штука. Возьми, к примеру, безжалостность де Хевилендов и беспринципность – назовем так – Леонидисов. В де Хевилендах ничего худого нет, так как они не беспринципные. А в Леонидисах нет, потому что они не злые. Но вообрази себе потомка, который унаследует обе черты – безжалостность и беспринципность. Понимаешь, что я хочу сказать?

Это был новый для меня ракурс.

– Насчет наследственности не ломай себе голову, не стоит, – посоветовал отец. – Тема слишком сложная, да и каверзная. Нет, мой мальчик, отправляйся-ка просто туда и дай им всем выговориться. Твоя София абсолютно права в одном: ни ей, ни тебе не годится ничего, кроме правды. Вы должны *знать определенно*. – И он добавил, когда я уже выходил из комнаты: – Не забывай о девочке.

– О Жозефине? То есть не дать ей заподозрить, чем я занимаюсь?

– Нет. Я хотел сказать, присматривай за ней. Не хватает еще, чтобы с ней что-нибудь случилось.

Я непонимающе взглянул на него.

– Ну что же тут, Чарльз, непонятного. По дому где-то бродит хладнокровный убийца. А это дитя явно знает почти все, что там происходит.

– Да, она действительно все знала про Роджера, хоть и сделала неправильный вывод, решив, что Роджер мошенник. Рассказ ее о подслушанном как будто вполне точен.

– Да-да. Свидетельства детей всегда самые точные. Я бы всегда охотно полагался на их показания. Но для суда они не годятся. Дети не выдерживают прямых вопросов, мямлят, выглядят несмышленьшими и твердят «не знаю». Но они на высоте, когда получают возможность порисоваться. Именно это и проделывала перед тобой девчонка – рисовалась. Ты выудишь из нее что-нибудь еще, если будешь продолжать в том же духе. Не задавай ей вопросов. Притворись, будто думаешь, что она ничего не знает. Это ее подстегнет. – Он добавил: – Но присматривай за ней. Она может знать чересчур много, и убийца вдруг почувствует себя в опасности.

Я ехал в скрюченный домишко – как я про себя его называл – с чувством некоторой вины. Хотя я честно пересказал Тавернеру все откровения Жозефины насчет Роджера, однако умолчал о том, что, по ее словам, Бренда и Лоуренс Браун писали друг другу любовные письма.

В свое оправдание я убеждал себя, что это всего лишь детские фантазии и верить им нет никаких оснований. На самом-то деле мне не хотелось давать в руки полиции лишние улики против Бренды Леонидис. У меня вызывал острое чувство жалости драматизм ее положения в доме – в окружении враждебно настроенного семейства, которое единым фронтом сплотилось против нее. И если письма существуют, их наверняка отыщет Тавернер с его блюстителями порядка. Мне совсем не улыбалась мысль стать источником новых подозрений насчет женщины, и без того находящейся в трудной ситуации. Кроме того, она клятвенно заверила меня, что между нею и Лоуренсом ничего не было. И я склонен был верить больше ей, чем этому зловредному гному Жозефине. Сама ведь Бренда сказала, что у Жозефины не все «винтики на месте».

Я, однако, был склонен думать, что с винтиками у Жозефины все в порядке. Уж очень умно поблескивали черные бусинки ее глаз.

Я заранее позвонил Софии и спросил, могу ли я снова приехать.

– Ну конечно, приезжай, – ответила она.

– Как дела?

– Не знаю. Видимо, все нормально. Они все еще шарят повсюду. Но что они ищут?

– Понятия не имею.

– Мы все тут стали очень нервными. Приезжай поскорее. Я должна выговориться, иначе совсем свихнусь.

Я обещал тотчас же приехать.

Мое такси остановилось у входа – вокруг не было ни души. Я расплатился с шофером, и он сразу же укатил. Я стоял в нерешительности, не зная, что лучше – позвонить или войти без звонка. Наружная дверь была не заперта.

Я все еще раздумывал, когда вдруг услышал за спиной легкий шорох и быстро повернул голову. Жозефина... Лицо ее было наполовину скрыто большим яблоком. Она стояла в проходе живой тисовой изгороди и смотрела на меня.

Как только я повернул голову, она попятилась.

– Привет, Жозефина!

Она ничего не ответила и скрылась за изгородью. Я пересек дорожку и пошел за ней. Она сидела на грубо сколоченной неудобной скамье у пруда с золотыми рыбками, болтала ногами и грызла яблоко. Из-за круглого румяного яблока глаза глядели хмуро и даже, как мне показалось, враждебно.

– Видишь, я снова здесь, – сказал я.

Это была жалкая попытка завязать разговор, но ее упорное молчание и немигающий взгляд действовали мне на нервы.

Она это уловила чутьем первоклассного стратега и снова промолчала.

– Вкусное яблоко? – спросил я.

На сей раз я удостоился ответа, хотя и крайне немногословного.

– Как вата, – сказала она.

– Сочувствую. Терпеть не могу ватных яблок.

– А кто их любит?

В голосе ее было презрение.

– Почему ты не ответила мне, когда я с тобой поздоровался?

– Не хотела.

– Почему не хотела?

Она убрала яблоко от лица, чтобы до меня как можно яснее дошел смысл сказанных ею слов.

– Вы сюда ходите, чтобы ябедничать полиции.

Я был застигнут врасплох.

– Ты... ты имеешь в виду...

– Дядю Роджера.

– Но с ним все в порядке, – успокоил я ее. – Все в полном порядке. Они знают, что он ничего дурного не делал... то есть я хочу сказать, он не растратил ничьих денег. И вообще ничего плохого не совершил.

Жозефина смерила меня уничтожающим взглядом.

– Какой вы глупый, – сказала она в сердцах.

– Прошу прощения.

– Я и не думала беспокоиться о дяде Роджере. Просто в детективах никто так не делает. Разве вы не знаете, что полиции никогда ничего не говорят до самого конца?

– Теперь дошло. Прости меня, Жозефина. Я виноват.

– Еще бы не виноват, – сказала она с упреком. – Я ведь вам доверяла.

Я извинился в третий раз, после чего она как будто смягчилась и снова принялась грызть яблоко.

Я сказал:

– Полиция все равно бы дозналась. Ни тебе... ни даже мне не удалось бы долго держать все это в секрете.

– Потому что он обанкротится?

Жозефина, как обычно, была в курсе всех дел.

– Думаю, этим кончится.

– Они сегодня собираются это обсуждать. Папа, мама, дядя Роджер и тетя Эдит. Тетя Эдит хочет отдать Роджеру свои деньги – только пока их у нее нет. А папа, наверное, не даст. Он говорит, что если Роджер попал впросак, винить в этом он должен только самого себя и бессмысленно бросать деньги на ветер. Мама даже слышать про это не желает. Она хочет, чтобы папа вложил деньги в «Эдит Томпсон». Вы слышали про Эдит Томпсон? Она была замужем, но не любила мужа. Она была влюблена в одного молодого человека, его звали Байуотерс. Он сошел на берег с корабля и после театра пробрался какой-то улочкой и всадил нож ему в спину.

Я еще раз подивился необыкновенной осведомленности Жозефины, а также артистизму, с каким она (если не обращать внимания на некоторую неясность в расстановке местоимений) изложила буквально в двух словах основные вехи драмы.

– Звучит-то это все хорошо, – сказала она, – но в пьесе, мне кажется, все будет совсем не так. Будет опять как в «Иезавели». Как бы мне хотелось узнать, почему собаки не отгрызли Иезавели кисти рук, – сказала она со вздохом.

– Жозефина, ты говорила мне, что знаешь почти наверняка, кто убийца.

– Ну и что из этого?

– Кто же он?

Она облила меня презрением.

– Понимаю, – сказал я. – Оставляем все до последней главы? И даже если я пообещаю ничего не говорить инспектору Тавернеру?

– Мне не хватает нескольких фактов, – заявила она, швырнув в пруд сердцевину яблока, а затем добавила: – Но в любом случае *вам* я ничего не скажу. Если уж хотите знать, вы – Ватсон.

Я проглотил оскорбление.

– Согласен, – сказал я. – Я – Ватсон. Но даже Ватсону сообщали данные.

– Сообщали что?

– Факты. И после этого он делал неверные выводы на основании этих фактов.

Представляешь, как это смешно, если я буду делать неверные выводы.

Минуту она боролась с искушением, а затем решительно затрясла головой:

– Нет, не скажу. И вообще мне не так уже нравится Шерлок Холмс. Ужасно все старомодно. Они еще ездили в двухколесных экипажах.

– Ну, а как насчет писем?

– Каких писем?

– Которые писали друг другу Лоуренс Браун и Бренда.

– Я это выдумала.

– Я тебе не верю.

– Правда, выдумала. Я часто выдумываю разные вещи. Мне так интереснее.

Я пристально посмотрел на нее. Она не отвела взгляда.

– Послушай, Жозефина, в Британском музее есть человек, который прекрасно знает Библию. Что, если я спрошу у него, почему собаки не отгрызли кисти рук Иезавели? Тогда ты расскажешь мне про письма?

На этот раз колебания были долгими.

Где-то совсем рядом неожиданно хрустнула ветка.

– Нет, все равно не скажу, – окончательно решила она.

Мне ничего не оставалось, как признать поражение. Я вспомнил, к сожалению слишком поздно, совет моего отца.

– Понимаю, это просто такая игра, – сказал я. – На самом деле ты ничего не знаешь.

Она сверкнула глазами, но не поддалась на мою приманку.

Я поднялся:

– А теперь я должен поискать Софию. Пошли!

– Я останусь здесь, – запротестовала она.

– Нет, ты пойдешь со мной.

Я без церемоний дернул ее за руку и заставил встать. Она с удивлением смотрела на меня, видимо намереваясь оказать сопротивление, но потом вдруг сдалась даже с какой-то кротостью, потому, я думаю, что ей не терпелось узнать, как отреагируют домашние на мое присутствие.

Почему я так стремился увести ее? Я не мог сразу ответить на этот вопрос. Догадка пришла, только когда мы вошли в дом.

Виной всему была неожиданно хрустнувшая ветка.

Из большой гостиной доносился шум голосов. Я постоял у двери, но, так и не решившись войти, повернулся и пошел по длинному коридору. Повинуясь какому-то непонятному импульсу, я толкнул обитую сукном дверь. За ней был темный проход, но вдруг в конце его запахнулась еще одна дверь, и я увидел просторную ярко освещенную кухню. На пороге стояла старая женщина – дородная, грузная старуха. Вокруг ее весьма обширной талии был повязан белоснежный крахмальный фартук. Как только я взглянул на нее, я понял, что все в порядке в этом мире. Такое чувство всегда возникает при виде доброй нянюшки. Мне уже тридцать пять, но у меня появилось ощущение, что я четырехлетний мальчуган, которого обласкали и утешили.

Насколько я знал, няня никогда раньше меня не видела, но это ей, однако, не помешало сразу сказать:

– Вы ведь мистер Чарльз? Заходите на кухню, я вам чаю налью.

Кухня была просторная и необыкновенно уютная. Я сел за большой стол в центре, и няня принесла мне чаю и на тарелочке два сладких сухарика. Теперь я окончательно почувствовал себя в детской. Все стало на свои места, и куда-то ушел страх перед чем-то темным и непонятным.

– Мисс София обрадуется, что вы приехали, – сказала няня. – Она последнее время перевозбуждена. Все они какие-то перевозбужденные, – добавила она с явным осуждением.

Я обернулся:

– А где Жозефина? Она пришла вместе со мной.

Няня прищелкнула языком, выражая свое неодобрение:

– Подслушивает где-нибудь под дверью и пишет в своей дурацкой книжке. Она с ней не расстанется. Давно пора отправить ее в школу, играла бы там с детьми, такими же, как она. Я не раз говорила об этом мисс Эдит, и она соглашалась, но хозяин все доказывал, что ей лучше всего здесь.

– Он, наверное, души в ней не чает.

– Да, он ее очень любил. Он их всех любил.

Я взглянул на нее с удивлением, не понимая, почему привязанность Филипа к своему потомству няня так упорно относит к прошлому. Она увидела мое недоумение и, слегка покраснев, сказала:

– Когда я говорю «хозяин», я имею в виду старого мистера Леонидиса.

Прежде чем я успел что-то ответить, дверь запахнулась и в кухню вошла София.

– Чарльз! – удивленно воскликнула она и тут же добавила: – Няня, как я рада, что он приехал.

– Я знаю, родная.

Няня собрала кучу горшков и кастрюль и унесла их в моечную, плотно закрыв за собой дверь.

Я вышел из-за стола и, подойдя к Софии, крепко прижал ее к себе.

– Сокровище мое, ты дрожишь. Что случилось?

– Я боюсь, Чарльз, я боюсь.

– Я тебя люблю. Если бы я только мог увезти тебя отсюда...

Она отвернулась и покачала головой:

– Это невозможно. Через все это мы должны пройти. Но знаешь, Чарльз, есть вещи, которые мне трудно вынести. Мне ужасно думать, что кто-то в этом доме, кто-то, с кем я каждый день встречаюсь и разговариваю, хладнокровный и расчетливый убийца...

Я не знал, что ей на это ответить. Такого человека, как София, трудно было отвлечь или утешить ничего не значащими словами.

– Если бы только *знать*... – сказала она.

– Да, это главное.

– Знаешь, Чарльз, что меня больше всего пугает? – Голос ее понизился почти до шепота. – Что мы можем так никогда и не узнать...

Я легко мог себе представить, что это был бы за кошмар... И в то же время ясно отдавал себе отчет, что мы, вполне может статься, не узнаем, кто убил старика Леонидиса.

Я вспомнил вопрос, который все время хотел задать Софии.

– Скажи мне, пожалуйста, сколько человек здесь в доме знали про эти глазные капли? О том, что дед ими пользуется, и о том, что они ядовиты. И какая доза эзерина считается смертельной?

– Я понимаю, куда ты клонишь, Чарльз, но не старайся. Дело в том, что мы все знали.

– Знали вообще, насколько я понимаю, но кто мог конкретно...

– Все мы знали вполне конкретно. Однажды после ленча мы пили у деда кофе – он любил, когда вокруг собиралась вся семья. Его тогда очень беспокоили глаза, и Бренда достала эзерин, чтобы накапать ему в оба глаза, и тут Жозефина – она ведь всегда задает вопросы по всем поводам и без повода – спросила, почему на пузырьке написано: «*Капли для глаз. Наружное*». Дед улыбнулся и сказал: «Если бы Бренда ошиблась и впрыснула мне эзерин вместо инсулина, я бы глубоко вздохнул, посинел и умер, потому что сердце у меня не очень крепкое». Жозефина даже ахнула от удивления. А дед добавил: «Так что надо следить, чтобы Бренда не вколола мне эзерин вместо инсулина. Так ведь?»

София сделала небольшую паузу, а затем сказала:

– И все мы это слышали. Слышали своими ушами. Теперь тебе ясно?

Да, теперь мне было ясно. У меня давно в голове засела мысль о том, что нам недостает каких-то конкретных доказательств. Теперь, после рассказа Софии, у меня сложилось впечатление, что старый Леонидис своими руками вырыл себе яму. Убийце не пришлось ничего замышлять, планировать, придумывать. Простой и легкий способ прикончить человека был предложен самой жертвой.

Я перевел дыхание. София, угадав мою мысль, сказала:

– Да, все это чудовищно, тебе не кажется?

– Ты знаешь, София, на какие размышления это меня наводит?

– На какие?

– Что ты была права и это не Бренда. Она не могла воспользоваться этим способом, зная, что вы все слышали и наверняка бы вспомнили.

– Не уверена. Она, мне кажется, не слишком сообразительна.

– Но не настолько, чтобы не сообразить в данном случае, – возразил я. – Нет, это не могла сделать Бренда.

София отодвинулась от меня.

– Тебе очень не хочется, чтобы это была Бренда, правда? – сказала она.

Что должен был я ответить на это? Что я не мог... просто не мог твердо заявить: «Да, надеюсь, что это Бренда».

Почему не мог? Что мне мешало? Чувство, что Бренда одна противостоит враждебности вооружившегося против нее мощного клана Леонидисов? Рыцарство? Жалость к более слабому и незащитному? Я вспомнил, как она сидела на диване в дорогом трауре... вспомнил безнадежность в голосе. И страх в глазах. Няня вовремя появилась из моечной. Не знаю, почувствовала ли она напряженность, возникшую между нами.

– Опять про убийство и всякие страсти, – сказала она неодобрительно. – Послушайте меня, выкиньте все это из головы. Грязное это дело, и пусть полиция им занимается – это их забота, не ваша.

– Няня, неужели ты не понимаешь, что у нас в доме убийца?...

– Глупости какие, мисс София! Терпения у меня на вас не хватает. Да ведь наружная дверь всегда открыта – все двери настежь, ничего не запирается. Заходите, воры и грабители...

– Но это не грабитель, ничего ведь не украли. И зачем грабителю понадобилось отравить кого-то?

– Я не сказала, что это был грабитель, мисс София. Я только сказала, что все двери нараспашку. Любой заходи. Я-то думаю, это коммунисты.

Няня с довольным видом тряхнула головой.

– С чего вдруг коммунистам убивать бедного деда?

– Говорят, они повсюду влезут. Где какая заваруха, ищи их там. А если не коммунисты, так, значит, католики, помяни мое слово. Они как эта вавилонская блудница.

И с гордым видом человека, за которым осталось последнее слово, няня снова скрылась за дверью моечной.

Мы с Софией рассмеялись.

– Узнаю добрую старую протестантку, – сказал я.

– Да, похожа. Ну а теперь, Чарльз, пойдем. Пойдем в гостиную. Там нечто вроде семейного совета. Он намечался на вечер, но начался стихийно.

– Наверное, мне лучше не вступать.

– Ты ведь собираешься войти в нашу семью. Вот и посмотри, какова она без прикрас.

– А о чем идет речь?

– О делах Роджера. Ты, по-моему, уже в курсе. Но с твоей стороны безумие думать, что Роджер мог убить деда, Роджер обожал его.

– Я в общем-то не думаю, что это Роджер. Я считал, что это могла сделать Клеменси.

– Только потому, что я навела тебя на эту мысль. Но ты и тут ошибаешься. По-моему, Клеменси плевать на то, что Роджер потеряет все деньги. Она, мне кажется, даже обрадуется. У нее довольно своеобразная страсть не иметь никакой собственности. Пойдем.

Когда мы с Софией вошли в гостиную, голоса стихли и взоры разом обратились к нам.

Все были в сборе. Филип сидел в высоком кресле, обитом ярко-алой парчой, его красивое лицо как бы застыло – холодная, строгая маска. Роджер оседлал пуф у камина. Он без конца ерошил волосы, и они стояли торчком, левая штанина задралась, галстук съехал набок. Он был красный от возбуждения и, видимо, в боевом настроении. Чуть поодаль сидела Клеменси – большое мягкое кресло было велико для нее, и на его фоне она казалась особенно хрупкой. Она отвернулась от всех и с бесстрастным видом сосредоточенно изучала деревянную обшивку стены. Эдит расположилась в кресле деда. Она сидела несгибаемо прямо и, сжав губы, энергично вязала.

Самое отрадное для глаз зрелище являли Магда и Юстас. Как будто они сошли с картины Гейнзборо.^[7] Они сидели рядом на диване – темноволосый красивый мальчик с хмурым лицом и возле него, положив руку на спинку дивана, Магда, герцогиня «Трех фронтонов», в роскошном платье из тафты, из-под которого была выставлена маленькая ножка в парчовой туфельке.

При виде нас Филип нахмурился.

– Прости меня, София, – сказал он, – но здесь мы обсуждаем семейные дела сугубо частного характера.

Спицы мисс де Хевиленд застыли в воздухе, я хотел извиниться и уйти, но София меня

опередила. Она объявила твердым, решительным тоном:

– Мы с Чарльзом надеемся пожениться. И поэтому я хочу, чтобы он присутствовал.

Роджер соскочил со своего пуфа.

– А почему бы и нет? – воскликнул он. – Я тебе все время твержу, Филип, что частного тут ничего нет. Завтра или послезавтра об этом узнает весь свет. Ну а вы, мой мальчик, – он подошел ко мне и дружески положил мне на плечо руку, – вы-то уж, во всяком случае, знаете обо всем. Вы ведь были утром в Скотленд-Ярде.

– Скажите, пожалуйста, как выглядит Скотленд-Ярд? – неожиданно подавшись вперед, громко спросила Магда. – Я так и не знаю. Там что, столы? конторки? стулья? Какие там занавеси? Цветов, конечно, нет? И наверное, диктофон?

– Мама, умерь любопытство, – сказала София. – Ты сама велела Вавасуру Джоунзу убрать сцену в Скотленд-Ярде. Ты говорила, там происходит спад.

– Эта сцена делает пьесу похожей на детектив. «Эдит Томпсон», безусловно, психологическая драма... или даже психологический триллер... Как вам кажется, что лучше звучит?

– Вы были утром в Скотленд-Ярде? – резко спросил меня Филип. – Для чего? Ах да, я забыл... Ваш отец...

Он снова помрачнел, и я еще сильнее ощутил нежелательность моего присутствия. Однако София крепко сжимала мою руку.

Клеменси пододвинула мне стул.

– Садитесь, – сказала она.

Я поблагодарил и сел.

– Что бы вы ни говорили, но, мне кажется, мы должны уважать желание Аристиды, – сказала мисс де Хевиленд, очевидно продолжая прерванный разговор. – Как только утрясутся дела, связанные с завещанием, я передаю свою долю наследства в твое полное распоряжение, Роджер.

Роджер начал неистово тереть волосы:

– Нет, тетя Эдит. Ни за что!

– Я бы рад был сказать то же самое, – заявил Филип, – но приходится учитывать все обстоятельства...

– Фил, дорогой, разве ты не понимаешь, я ни одного пенса ни от кого не возьму.

– Правильно, Роджер, – поддержала его Клеменси.

– В любом случае, Эдит, он получит свою долю, когда с завещанием все уладится, – сказала Магда.

– Разве они успеют вовремя все оформить? – спросил Юстас.

– Это не твоего ума дело, Юстас, – сказал Филип.

– Мальчик совершенно прав! – воскликнул Роджер. – Он попал в самую точку. Катастрофу уже ничем не отменить. Ничем.

В том, как он произнес последнюю фразу, мне послышалось даже какое-то удовлетворение.

– На самом деле тут и обсуждать нечего, – заметила Клеменси.

– Да и вообще, какое это все имеет значение? – сказал Роджер.

Филип поджал губы.

– Я-то думал, что это имеет большое значение, – сказал он.

– Нет. Никакого. Все это ничего не значит, когда его больше нет в живых. *Нет в живых.* А мы здесь сидим и обсуждаем денежные дела.

Едва заметный румянец окрасил бледные щеки Филипа.

– Мы только пытаемся тебе помочь, – сказал он сухо.

– Я знаю, Фил, знаю, милый, но никто ничего сделать не может, так что считай, что разговор окончен.

– Я полагаю, что мог бы уделить тебе некую сумму. Стоимость ценных бумаг сильно упала, а часть моего капитала вложена таким образом, что я не могу ее трогать. Недвижимость Магды и так далее... Но все же я...

– О чем ты говоришь, дорогой? Ты не можешь уделить никаких денег, – прервала его тут же Магда. – Смешно даже пытаться. Кроме того, это было бы не очень справедливо по отношению к детям.

– Я же вам без конца твержу, что ничего ни у кого не собираюсь просить! – закричал Роджер. – Я охрип повторять. Я доволен, что все решится естественным путем.

– Но это вопрос престижа, – сказал Филип. – Отцовского, нашего...

– Это не семейный бизнес. Он всегда находился в моем личном ведении.

Филип пристально посмотрел на брата.

– Оно и видно, – сказал он.

Эдит де Хевиленд поднялась с кресла:

– Мне кажется, мы все обсудили. Хватит!

Тон был категоричный, исключаящий всякое слушание.

Филип и Магда тоже встали, Юстас лениво двинулся к двери. В его походке была какая-то скованность. Он едва заметно припадал на ногу, хотя и не хромал.

Роджер, подойдя к Филипу, взял его за руку:

– Золотая ты душа, Фил. Спасибо, что подумал обо мне.

Братья вместе вышли из комнаты.

Магда последовала за ними, бросив на ходу: «Столько шума из-за ерунды!» – а София заявила, что пойдет поглядеть, готова ли моя комната.

Эдит де Хевиленд стоя сматывала шерсть. Она посмотрела в мою сторону, и мне показалось, что она хочет что-то сказать, но затем, видно, передумала и, вздохнув, вышла вслед за остальными.

Клеменси подошла к окну и, повернувшись спиной, стала глядеть в сад. Я подошел и встал рядом. Она слегка повернула голову.

– Слава богу, кончилось, – сказала она и затем добавила с гримасой отвращения: – Какая безобразная комната!

– Вам не нравится?

– Мне нечем дышать. Тут всегда запах полусохших цветов и пыли.

Я подумал, что она несправедлива к комнате, хотя и понимал, что она хотела сказать. Она, несомненно, имела в виду интерьер.

Комната была явно женская, экзотическая, тепличная, укрытая от всех капризов непогоды. Мужчине вряд ли понравилось бы здесь жить долго. В такой комнате трудно расслабиться, почитать газету, а затем, выкурив трубку, растянуться на диване, задрать повыше ноги. И все же я предпочел бы ее той голой абстракции на верхнем этаже, воплощенному идеалу Клеменси. Как, впрочем, предпочел бы будуар операционной.

Бросив взгляд через плечо, она сказала:

– Это театральная декорация. Сцена для Магды, где она может разыгрывать свои спектакли. – Она взглянула на меня: – Вы поняли, что здесь сегодня происходило? Акт второй: семейный совет. Режиссура Магды. Все это не стоит выеденного яйца. Тут не о чем говорить и нечего обсуждать. Все уже решено и подписано.

В голосе не было грусти. Скорее удовлетворение. Она перехватила мой взгляд.

– Вам этого не понять, – сказала она раздраженно. – Мы наконец свободны. Разве вы не

видите, что Роджер был несчастен все эти годы? Просто несчастен. У него никогда не было склонности к бизнесу. Он любит лошадей и коров, любит бродить бесцельно на природе, но он обожал отца – они все его обожали. В этом-то и кроется основной порок этого дома – слишком большая семейственность. Я ни в коем случае не хочу сказать, что старик был тиран, что он их угнетал или запугивал. Совсем напротив. Он дал им деньги и свободу, он был к ним очень привязан. И они всегда платили ему тем же.

– И что в этом плохого?

– Мне кажется, хорошего тут мало. По-моему, родители должны оборвать свои связи с детьми, когда те вырастают, стусеваться, отойти в тень, заставить себя забыть.

– Заставить? Не слишком ли громкое слово? Мне думается, такая насильственность так или иначе вещь скверная.

– Если бы он не строил из себя такой личности...

– Строить личность нельзя. Он был личностью.

– Для Роджера слишком сильной. Роджер боготворил его. Ему хотелось делать все так, как хотел отец, и быть таким, каким хотел его видеть отец. А он не мог. Отец специально для него создал эту фирму ресторанных услуг. Она была предметом особой радости и гордости старика. И Роджер лез из кожи, чтобы вести дела таким же образом, как отец. Но у него к этому нет никаких способностей. В бизнесе Роджер, можно сказать, просто дурак. И это чуть не разбило ему сердце. Он все эти годы чувствовал себя несчастным и пытался бороться, видя, как все катится по наклонной плоскости. У него возникали какие-то неожиданные идеи и планы, которые всегда оказывались несостоятельными и еще сильнее усугубляли ситуацию. Годами чувствовать себя неудачником... Что может быть ужаснее? Вы не знаете, насколько он был несчастен, а я знала. – Она снова повернула голову и посмотрела на меня: – Вы полагали – так, во всяком случае, вы сказали полиции, – что Роджер мог убить отца... из-за денег. Вы представить себе не можете, как смехотворно это ваше предположение.

– Теперь я понимаю, – сказал я виновато.

– Когда Роджер осознал, что он уже не властен что-либо предотвратить и что крах неминуем, он почувствовал облегчение. Да, да, именно облегчение. Волновало его только одно – как все это воспримет отец. Сам он уже ни о чем другом не мог думать, кроме как о новой жизни, которую нам с ним предстоит начать.

Губы ее дрогнули, и голос неожиданно потеплел.

– И куда вы поедете? – спросил я.

– На Барбадос. Там недавно умер мой дальний родственник и оставил мне маленькое поместье – сущий пустык. Но у нас, по крайней мере, есть куда ехать. Мы, очевидно, будем страшно бедны, но прожиточный минимум как-нибудь наскребем – там жизнь недорогая. Мы будем наконец вдвоем, далеко от них всех, без забот. – Она вздохнула. – Роджер смешной. Больше всего он беспокоился из-за меня, из-за того, что я буду бедна. В нем, мне кажется, крепко засело фамильное отношение к деньгам. Когда жив был мой первый муж, мы были ужасно бедны, и Роджер считает, что я необычайно мужественно переносила эту бедность. Он не понимает, что я была счастлива, по-настоящему счастлива. Я никогда больше не была так счастлива. И при всем том – я никогда не любила Ричарда так, как я люблю Роджера.

Глаза ее были полузакрыты. Я вдруг понял, как глубоко ее чувство.

Затем она медленно открыла глаза и посмотрела на меня:

– Я никогда не могла бы убить человека из-за денег. Я не люблю деньги, надеюсь, вы это понимаете.

Я не сомневался, что она говорит то, что думает. Клеменси Леонидис принадлежала к той редкой категории людей, которых не привлекают деньги. Роскоши они предпочитают

аскетическую простоту и с недоверием относятся к собственности.

Однако есть много людей, для которых деньги сами по себе лишены привлекательности, но их может соблазнить власть, которую эти деньги дают.

Я сказал:

– Допустим, вы лично к деньгам равнодушны, но умело вложенные деньги открывают массу интересных перспектив. С помощью денег можно, например, субсидировать научные исследования.

Я подозревал, что Клеменси фанатично предана своей работе.

Ответ был неожиданным:

– Сомневаюсь, что все эти субсидии приносят много пользы. Как правило, деньги тратятся совсем не на то. И все стоящее в науке делается энтузиастами, энергичными и напористыми людьми со своим видением мира. Дорогое оборудование, обучение, эксперименты никогда не дают результатов, которых от них ждешь. Как правило, все попадает не в те руки.

– И вы готовы бросить вашу работу, если уедете на Барбадос? Вы ведь не отказались от этой мысли, насколько я понимаю?

– Нет, конечно. Мы уедем, как только нас отпустит полиция. А работу я готова бросить. Почему бы и нет? Я не люблю сидеть без дела, но на Барбадосе мне это не грозит, – сказала она просто и с нетерпением добавила: – Скорее бы только все прояснилось!

– Клеменси, как по-вашему, кто мог это сделать? – спросил я. – Будем считать, что ни вы, ни Роджер к этому не имели никакого касательства – у меня действительно нет оснований думать иначе. Но неужели вы, такой умный и тонкий наблюдатель, не имеете никакого представления о том, кто мог это сделать?

Она метнула в мою сторону какой-то странный взгляд. Когда она заговорила, голос ее вдруг стал напряженным, она с трудом подбирала слова.

– Нельзя заниматься гаданием, – сказала она. – Это ненаучно. Ясно только, что Бренда и Лоуренс первые, на кого падает подозрение.

– Так вы думаете, что это могли сделать они?

Клеменси пожала плечами.

Она постояла, как бы прислушиваясь к чему-то, затем вышла из комнаты, столкнувшись в дверях с Эдит де Хевиленд.

Эдит направилась прямо ко мне.

– Я хотела бы с вами поговорить, – сказала она.

Я сразу вспомнил отцовские слова. Было ли это...

– Надеюсь, у вас не сложилось неверного представления... я имею в виду Филипа. Филипа не так-то просто понять. Он может показаться замкнутым и холодным, но на самом деле он совсем не такой. Это манера держаться. С этим ничего не поделаешь – он в этом не виноват.

– Я и не думал... – начал было я, но она не обратила внимания на мои слова и продолжала:

– Вот и сейчас... в связи с Роджером. И не потому, что ему жалко денег. Он совсем не жадный. В действительности он милейший человек... всегда был милым... Но его надо понять.

Я взглянул на нее, как мне думалось, глазами человека, который полон желания понять. Она сказала:

– Частично, мне кажется, это из-за того, что он второй сын в семье. Со вторым ребенком всегда что-то неладно – он с самого начала ощущает свою ущербность. Филип обожал Аристида. Все дети его обожали. Но Роджер пользовался его особой любовью, он был его любимцем, его гордостью. Старший сын, первенец, и мне кажется, Филип всегда это чувствовал и поэтому замкнулся в своей скорлупе. Он пристрастился к чтению и полюбил книги о прошлом, обо всем, что не связано с сегодняшней жизнью. Я думаю, что он страдал – дети ведь

тоже страдают... – Помолчав, она продолжала: – Я думаю, он всегда ревновал отца к Роджеру. Может быть, он даже сам об этом не догадывался. Но мне кажется – ужасно так говорить, тем более что я уверена, он этого не осознает, – сам факт, что Роджер потерпел неудачу, затронул Филипа гораздо меньше, чем следовало бы.

– То есть вы хотите сказать, что он даже обрадовался, видя, в какое глупое положение поставил себя Роджер?

– Да, именно это я и хочу сказать, – подтвердила Эдит и, слегка нахмурившись, добавила: – Не скрою, меня огорчило, что он тут же не предложил помощь брату.

– Но почему он должен был это делать? Роджер ведь сам устроил все это безобразие. Он взрослый человек. У него нет детей, о которых он должен заботиться. Если бы он заболел или по-настоящему нуждался, его семья, безусловно, помогла бы ему. Но я не сомневаюсь, что Роджер предпочтет начать жизнь сначала, притом совершенно самостоятельно, без чьей-либо помощи.

– Скорее всего, да. Он считается только с Клеменси. А Клеменси существо неординарное. Ей и вправду нравится жить без всяких удобств и обходиться одной чайной чашкой, притом третьесортной. Для нее не существует прошлого, у нее нет чувства красоты.

Ее острый взгляд буравил меня насквозь.

– Это тяжелое испытание для Софии, – сказала она. – Мне жаль, что омрачены ее юные годы. Я их всех люблю, и Роджера, и Филипа, а теперь вот и Софию, Юстаса, Жозефину. Все они мои дорогие дети. Дети Марсии. Я их всех нежно люблю. – После небольшой паузы она неожиданно сказала: – Но, обратите внимание, люблю, а не делаю из них кумиров.

Затем, резко повернувшись, она пошла к двери. У меня осталось ощущение, что она вложила в эту брошенную напоследок фразу какой-то особый смысл, который я так и не уловил.

– Твоя комната готова, – объявила София.

Она стояла рядом и глядела в сад. Сейчас, в сумерках, он был уныло-серый, и ветер раскачивал деревья, с которых уже наполовину облетела листва.

Как бы угадывая мои мысли, София сказала:

– Какой он унылый...

Мы все еще стояли и смотрели в окно, когда перед нашими глазами вдруг возникла какая-то фигура, за ней вторая – они появились из-за тисовой изгороди со стороны альпийского садика, два серых призрака в меркнувшем вечернем свете.

Сперва появилась Бренда Леонидис. На ней было манто из серых шиншилл. В том, как она крадучись двигалась по саду, было что-то кошачье. Легко, как привидение, она скользнула в сумеречном свете.

Когда она прокрадывалась под нашим окном, я увидел, что на губах у нее застыла кривая усмешка. Та же усмешка, что и тогда на лестнице. Через несколько минут за ней скользнул и Лоуренс Браун, казавшийся в сумерках хрупким и бестелесным. Я не нахожу других слов. Они не были похожи на гуляющую пару, на людей, вышедших немного пройтись. Что-то в них было от таинственных, бестелесных жителей потустороннего мира.

Под чьей ногой хрустнула веточка? Бренды или Лоуренса?

В мозгу возникла невольная ассоциация.

– Где Жозефина? – спросил я.

– Наверное, с Юстасом в классной комнате, – София помрачнела. – Знаешь, Чарльз, меня очень беспокоит Юстас, – сказала она.

– Почему?

– Последнее время он такой угрюмый и странный. Вообще, он очень изменился после этого проклятого паралича. Я не могу понять, что с ним делается? Иногда мне кажется, что он всех нас ненавидит.

– Он сейчас в переходном возрасте. Это просто стадия развития.

– Скорее всего, ты прав, но я не могу не беспокоиться о нем.

– Почему, мое солнышко?

– Очевидно, потому, что не беспокоятся отец и мама. Как будто они не родители.

– Но, может, это и к лучшему. Дети гораздо чаще страдают от излишней заботы, чем от небрежения.

– Ты прав. Знаешь, раньше, до того как вернулась домой из-за границы, я никогда об этом не думала. Они на самом деле странная пара. Отец с головой погружен в темные глубины истории, а мама развлекается тем, что театрализует жизнь. Сегодняшняя дурацкая комедия – полностью ее постановка. Этот спектакль был никому не нужен. Но ей захотелось сыграть сцену семейного совета. Дело в том, что ей здесь скучно, и поэтому она пытается разыгрывать драмы.

У меня в голове на мгновение промелькнула фантастическая картина: мать Софии с легким сердцем дает яд своему старому свекру для того, чтобы воочию наблюдать мелодраму с убийством, где она исполняет главную роль.

Забавная мысль! Я тут же постарался отогнать ее, но тревожное чувство не покидало.

– За мамой нужен глаз да глаз, – продолжала София. – Никогда нельзя знать, что она еще придумает.

– Забудь о своем семействе, – сказал я жестко.

– Я бы с радостью, но сейчас это не так легко. Как я была счастлива в Каире, когда могла о них не думать.

Я вспомнил, что она никогда не говорила со мной ни о своем доме, ни о родных.

– Поэтому ты никогда не упоминала про них в наших разговорах? – спросил я. – Тебе хотелось о них забыть?

– Думаю, что да. Мы всегда, всю жизнь жили в слишком тесном кругу. И мы... мы все слишком друг друга любили. Есть столько семей, где все друг дружку смертельно ненавидят. Это ужасно, но не менее ужасно, когда все любовно завязаны в один клубок сложных противоречивых отношений. Я, помнится, имела в виду именно это, когда сказала тебе, что мы живем в скрюченном домишке. Не какую-то бесчестность, а то, что нам трудно было вырасти независимыми, стоять на собственных ногах. Мы все какие-то крученые-верченые, как вьюнки.

Я вспомнил, как Эдит де Хевиленд вдавила каблуком в землю сорняк.

Неожиданно в комнате появилась Магда – она распахнула дверь и громко спросила:

– Дорогие мои, почему вы сидите без света? За окном уже темно.

Она включила все лампочки, и свет залил стены и столы. Потом мы задернули тяжелые розовые шторы и оказались внутри уютного, пахнущего цветами интерьера.

Магда бросилась на диван.

– Какая получилась невероятная сцена! – воскликнула она. – Как вам показалось? Юстас был очень недоволен. Он сказал мне, что это было просто непристойно. Мальчики иногда такие смешные. – Она вздохнула. – Роджер – тот душечка. Я люблю, когда он ерошит себе волосы и начинает крушить предметы. А какова наша Эдит? Предложить ему свою долю наследства! Но с другой стороны, это не очень умно – Филип мог подумать, что он тоже должен так же поступить. Но Эдит, конечно, готова на все ради семьи. Что-то есть необычайно трогательное в любви старой девы к детям покойной сестры. Я когда-нибудь сыграю вот такую же преданную тетушку – старую деву, во все вникающую, настойчивую и преданную.

– Ей, очевидно, было нелегко после смерти сестры, – сказал я с твердым намерением не дать Магде втянуть нас в обсуждение очередной ее роли. – Особенно если она недолюбливала старого Леонидиса.

Магда прервала меня:

– Недолюбливала? Кто вам сказал? Чепуха! Она была в него влюблена.

– Мама! – сказала с укором София.

– Пожалуйста, не перечь мне, София. В твоём возрасте естественно думать, что любовь – это юная красивая пара, вздыхающая на луну.

– Она сама сказала мне, что всегда его терпеть не могла, – продолжал я.

– Наверное, так и было вначале, когда она впервые приехала в дом. Она, очевидно, не одобряла брак сестры. Мне кажется, какой-то антагонизм был всегда – но она, безусловно, была влюблена в него. Дорогие мои, я знаю, о чем говорю. Понятно, что он не мог на ней жениться – сестра покойной жены и все такое... Вполне могу допустить, что ему это в голову не приходило, впрочем, как и ей. Она была счастлива и так, пеклась о детях, вступала в стычки с ним. Но ей не понравилось, что он женился на Бренде. Ох как не понравилось!

– Но ведь тебе и папе это тоже не понравилось, – сказала София.

– Конечно, и даже очень. И это естественно. Но Эдит негодовала больше всех. Дорогая моя девочка, ты бы видела, как она смотрела на Бренду.

– Мама, ты уж слишком, – упрекнула ее София.

Магда поглядела на нее виновато, как напроказившая балованная девочка.

– Я твердо решила отправить Жозефину в школу, – вдруг объявила она без всякой связи с предыдущим.

– Жозефину? В школу?!

– Да, в Швейцарию. Завтра срочно этим займусь. Мы должны как можно скорее отослать ее в школу. Ей совсем не полезно тут болтаться и встречать во все эти кошмарные дела. Она сама не своя от этого. Ей необходимо общество детей ее возраста. Нормальная школьная жизнь. Я всегда так считала.

– Но дед не хотел, чтобы она отсюда уезжала, – возразила София. – Он все время возражал.

– Наш дуся-дедуся любил, чтобы все были у него на глазах. Старики часто очень эгоистичны в этом отношении. Ребенок должен быть среди сверстников. Кроме того, сама Швейцария – здоровая страна: зимний спорт, свежий воздух, продукты гораздо лучше тех, что мы едим.

– А не будет сложностей с ее устройством в Швейцарии, учитывая все валютные препоны? – спросил я.

– Это ерунда! Какой-нибудь рэкет наверняка существует и в школьном образовании. Можно, в конце концов, обменять ее на швейцарского ребенка. Словом, есть тысяча способов... Рудольф Олстер сейчас в Лозанне, но я завтра же телеграфирую ему и попрошу все уладить. Мы сумеем отправить ее уже в конце недели.

Магда взбила диванную подушку и, подойдя к двери, поглядела на нас с обворожительной улыбкой.

– Молодость – это всё! – У нее это прозвучало, как стихи. – Думать надо прежде всего о молодых. Дети мои, позаботьтесь о цветах – синие генцианы, нарциссы...

– В октябре? – переспросила София, но Магда уже ушла.

София безнадежно вздохнула.

– Невозможный человек моя мать, – сказала она. – Взбретет ей что-нибудь в голову, и она тут же начинает рассылать сотни телеграмм с требованием устроить все в ту же минуту. Для чего понадобилось в такой дикой спешке отправлять Жозефину в Швейцарию?

– В этой идее о школе есть что-то здоровое. Мне кажется, общество сверстников для Жозефины будет полезно.

– Дед так не считал, – упрямо повторила София. Я почувствовал легкое раздражение.

– София, дорогая моя, неужели ты думаешь, что старик, которому за восемьдесят, может лучше судить о том, что требуется для блага маленькой девочки?

– Дед лучше всех знал, что нужно каждому из нас.

– Лучше, чем тетушка Эдит?

– Разве что она. Она всегда была за школу. Я признаю, что у Жозефины появились дурные привычки – хотя бы эта жуткая манера подслушивать. Но, по-моему, она просто играет в сыщиков.

Что вынудило Магду принять такое неожиданное решение? Только ли забота о благополучии Жозефины? Жозефина была на редкость хорошо осведомлена обо всем, что происходило в доме незадолго до убийства, что, естественно, было не ее дело. Здоровая школьная обстановка, постоянные игры на свежем воздухе – все это, несомненно, должно было пойти ей на пользу. Но меня тем не менее удивила скоропалительность решения Магды и ее настойчивость в этом вопросе. Не потому ли, что Швейцария была далеко отсюда?

Мой старик сказал: «Пусть побольше с тобой разговаривают...»

На следующее утро, пока я брился, я думал о том, что это дало.

Эдит де Хевиленд говорила со мной – более того, она даже искала со мной встречи. Клеменси тоже говорила со мной (или, кажется, это я начал с ней разговор...). Говорила со мной и Магда – для нее я был не более чем зрителем на ее спектаклях. С Софией, естественно, я тоже говорил. И даже няня говорила со мной. Но стал ли я хоть на йоту мудрее от этих бесед? Была ли сказана хоть одна ведущая к разгадке фраза? Или слово? Далее, заметил ли я какие-нибудь признаки непомерного тщеславия, которому придавал такое значение отец? Мне представлялось, что никаких.

Единственный, кто не выразил ни малейшего желания говорить со мной, был Филип. Мне это показалось неестественным. Особенно теперь, когда он не мог не знать, что я хочу жениться на его дочери. И при этом вел себя так, будто меня в доме нет. Вполне возможно, что он был недоволен моим присутствием. Эдит де Хевиленд извинилась за него, сказала, что это манера поведения. Она явно беспокоится за него. Но почему?

Я стал думать об отце Софии. Он был человеком с подавленными комплексами. Рос несчастным, ревнивым ребенком, ему ничего не оставалось, как замкнуться в своей скорлупе. Он погрузился в мир книг – в дебри истории. За его напускной холодностью и сдержанностью могут скрываться страстные чувства. Неадекватный мотив – убийство по финансовым соображениям – никого бы не убедил. Мне ни разу не пришла мысль о том, что Филип Леонидис способен был отравить отца из-за того, что у него было денег меньше, чем ему бы хотелось. Но могли быть и глубокие психологические причины, заставляющие его желать смерти отца. Филип в свое время поселился в отцовском доме, а позднее туда перебрался и Роджер, после того как разбомбило его дом во время войны. Филип изо дня в день видел, что не он, а Роджер любимец отца. И не могла ли в его горячий мозг закрасться мысль о том, что единственный для него выход – смерть отца? А тут еще и благоприятное стечение обстоятельств, когда эта смерть могла быть инкриминирована старшему брату? Роджеру нужны были деньги – он оказался накануне банкротства. Не подозревая о том, что у Роджера состоялся последний разговор с отцом и отец предложил ему помощь, Филип мог воспользоваться моментом – мотив для убийства был настолько очевиден, что подозрение непременно должно было пасть на Роджера. Но неужели душевное равновесие Филипа было до такой степени нарушено, что он решился на убийство?

Я порезал бритвой подбородок и выругался. Какого черта! Что я, собственно, делаю? Пытаюсь обвинить в убийстве отца Софии? Недурное занятие... София не для этого позвала меня сюда.

А может быть... Тут явно было что-то недоговоренное, что-то скрывалось за этой просьбой Софии. А вдруг у нее закралось мучительное подозрение, что ее отец убийца? В этом случае она ни за что не согласилась бы выйти за меня замуж, если, конечно, подозрение оправдалось бы. И поскольку это была София, ясноглазая и мужественная, она хотела добиться правды – неясность навсегда создала бы преграду между нами. В сущности, разве она не говорила мне: «Докажи, что все мои мучительные подозрения неверны. Ну, а если они справедливы, докажи мне их правомерность... чтобы я могла поверить в этот ужас и посмотреть правде в глаза».

Знала ли Эдит де Хевиленд – или, может быть, тоже только подозревала, что Филип виновен? Что она хотела сказать своей фразой: «Люблю, но не делаю из них кумиров»?

И что означал странный взгляд, брошенный Клеменси, когда я спросил ее, кого она

подозревает, и она ответила: «Лоуренс и Бренда первые, на кого падает подозрение»?

Вся семья хотела, чтобы это были Бренда и Лоуренс, надеялись на это, но никто по-настоящему не верил, что это были они...

Но вся семья могла ошибаться. И все-таки это могли быть Лоуренс и Бренда.

Или только Лоуренс, а не Бренда...

Что ни говори, а это было бы наименее болезненным выходом из сложившейся ситуации.

Я приложил последний раз ватный тампон к порезу на подбородке и отправился завтракать с твердым намерением как можно скорее поговорить с Лоуренсом Брауном.

Когда я допивал вторую чашку кофе, мне вдруг пришла мысль, что и на меня начинает действовать скрюченный домишко, я тоже хотел найти не прямое решение, а решение, которое бы устраивало меня.

Закончив завтрак, я прошел через холл и поднялся по лестнице. София сказала, что я найду Лоуренса в классной комнате, где он занимается с Юстасом и Жозефиной. Я остановился в колебаниях на лестничной площадке перед дверью Бренды. Что лучше – позвонить, постучать или прямо войти, без предупреждения? Я решил вести себя так, будто это был общий дом единой семьи Леонидисов, а не личные покои Бренды.

Я открыл дверь и прошел внутрь. Все было тихо, и казалось, что никого нет. Дверь налево в большую гостиную была закрыта. Справа две открытые двери вели в спальню и примыкающую к ней ванную комнату. Я знал, что это была та самая ванная по соседству со спальней Аристиды Леонидиса, где хранились эзерин и инсулин. Их, очевидно, уже давно изъяла полиция. Я толкнул дверь и проскользнул внутрь.

Теперь мне стало ясно, как легко было обитателю этого дома (и с наименьшим успехом любому человеку со стороны) подняться сюда и незамеченным проскочить в ванную.

Она была отделана с большой роскошью: сверкающий кафель, утопленная в полу ванна. У стены целый набор электрических приборов – небольшая плита с грилем, электрический чайник, маленькая электрическая кастрюля, тостер, – словом, все, что может понадобиться камердинеру для обслуживания престарелого хозяина. На стене висела белая эмалированная аптечка. Я открыл дверцу и увидел разные связанные с медициной предметы: две мензурки, рюмочка для промывания глаз, пипетка, несколько пузырьков с этикетками, аспирин, борная кислота, йод, лейкопластырь, бинты. На отдельной полочке запас инсулина, две иглы для шприца и бутылочка хирургического спирта. На третьей полочке стоял пузырек с надписью «Таблетки» – всего одна или две для приема на ночь, как и было предписано. Там же, по всей вероятности, находились прежде и глазные капли. Все было четко, аккуратно расставлено, все под рукой в случае необходимости, в том числе для убийцы.

Я мог все, что угодно, сделать с пузырьками, а затем неслышно выйти, спуститься вниз, и никто бы не узнал, что я был здесь.

Никакого открытия я, конечно, не сделал, но это дало мне возможность понять, какая трудная задача стояла перед полицией.

Только от виновной стороны можно было надеяться получить нужные сведения.

– Запугайте их, – сказал мне Тавернер. – Выгоняйте их из нор. Пусть думают, что мы что-то знаем. Надо, чтобы мы им все время мозолили глаза. При такой тактике рано или поздно наш преступничек перестанет мирно отсиживаться и поведет себя активно – и вот тут-то мы его и заграбастаем.

Но пока что преступник никак не реагировал на эту методику.

Я вышел из ванной. Кругом не было ни души. Я двинулся по коридору – слева от меня была столовая, справа – спальня Бренды и ванная, где возилась горничная. Дверь в столовую была закрыта. Из задней комнаты слышался голос Эдит де Хевиленд – она пыталась дозвониться до

пресловутого торговца рыбой.

Я поднялся по витой лестнице на второй этаж. Здесь, я знал, находились спальня и гостиная Эдит, еще две ванны и комната Лоуренса Брауна, за ней снова лестница – короткий марш вниз, в большую комнату над помещением для прислуги. Эта комната была приспособлена под класс для занятий. Я остановился перед закрытой дверью, из-за которой доносился слегка повышенный голос Лоуренса Брауна.

Привычка Жозефины подслушивать была, должно быть, заразительна – я беззастенчиво прислонился к дверному косяку и стал слушать.

Шел урок истории, тема – Франция времен Директории. Чем дальше я слушал, тем сильнее меня охватывало удивление. К большому моему изумлению, Лоуренс Браун оказался великолепным учителем.

Не знаю даже, почему это меня так поразило. В конце концов, Аристид Леонидис славился своим умением подбирать людей. Лоуренс Браун, несмотря на свою серенькую внешность, был наделен даром будить энтузиазм и воображение своих учеников. Трагедия Термидора, декрет, ставящий вне закона сторонников Робеспьера, блестящий Баррас, хитрый Фуше и, наконец, Наполеон, полуголодный молодой лейтенант артиллерии, – все это оживало и становилось реальным в его изложении.

Вдруг Лоуренс остановился и стал задавать вопросы Юстасу и Жозефине. Он предложил им поставить себя на место сначала одних, а потом других участников драмы. И если ему мало что удалось извлечь из Жозефины, гундосившей, будто у нее насморк, Юстас не мог не вызвать удивления. Куда девалась его мрачная сдержанность? В ответах чувствовались ум, сообразительность, а также тонкое чутье истории, несомненно унаследованное от отца.

Затем я услышал звук резко отодвигаемых стульев. Я поднялся на несколько ступенек и сделал вид, что спускаюсь. И тут же дверь распахнулась, и появились Юстас и Жозефина.

– Хелло! – приветствовал я их.

Юстас с удивлением поглядел на меня. Он вежливо спросил:

– Вам что-нибудь надо?

Жозефина, не проявив ни малейшего интереса к моей особе, прошмыгнула мимо.

– Мне просто хотелось взглянуть на вашу классную комнату, – соврал я не слишком убедительно.

– Вы ее, кажется, уже видели на днях? Ничего особенного, типичная комната для маленьких детей. Она и была детская. До сих пор игрушки повсюду.

Юстас придержал дверь, пока я входил.

Лоуренс Браун стоял у стола, он поглядел на меня, покраснел и, пробормотав что-то невнятное в ответ на мое приветствие, поспешил из комнаты.

– Вы напугали его, – сказал Юстас. – Он очень пугливый.

– Тебе он нравится?

– В общем, да. Жуткий осел, правда.

– Он неплохой учитель?

– Да. В сущности говоря, даже очень интересный. Знает массу всего, учит смотреть на вещи по-новому. Я, например, не знал раньше, что Генрих Восьмой писал стихи. Анне Болейн, естественно. Весьма недурно написано.

Мы еще немного поговорили о таких высоких материях, как «Старый моряк».^[8] Чосер,^[9] политическая подоплека крестовых походов, средневековый взгляд на жизнь и такой поразивший Юстаса факт, как запрет Оливера Кромвеля на празднование Рождества. За высокомерием и частыми проявлениями скверного характера, я почувствовал, скрывались хорошие способности и любознательность. Я очень скоро понял источник его вечно дурного

настроения. Болезнь для него была не просто тяжелым испытанием, она стала препятствием, рушившим его надежды как раз в тот период, когда он начал получать удовольствие от жизни.

– Я в следующем семестре был бы уже в одиннадцатом классе и носил эмблему школы. А теперь вот вынужден торчать дома и учиться вместе с этой дрянной девчонкой. Ведь Жозефине всего-то двенадцать.

– Но у вас ведь разная программа обучения?

– Это-то да. Она, конечно, не занимается серьезной математикой или, например, латынью. Но что хорошего, когда у тебя один и тот же учитель с девчонкой?

Я попытался пролить бальзам на его оскорбленное мужское достоинство и сказал, что Жозефина вполне смышленное существо для ее возраста.

– Вы так считаете? А мне кажется, она ужасно пустая. Помешана на этой детективной ерундистике. Повсюду сует свой нос, а потом что-то записывает в черной книжечке – хочет показать, будто узнала нечто очень важное. Просто глупая девчонка и больше ничего, – снисходительно заключил Юстас. – Девчонки вообще не могут быть сыщиками. Я говорил ей об этом. Я считаю, что мама совершенно права – чем скорее Джо выкатится в Швейцарию, тем лучше.

– И ты не будешь скучать без нее?

– Скучать без двенадцатилетней девчонки? – Юстас смерил меня высокомерным взглядом. – Нет, естественно. Но вообще этот дом у меня сидит в печенках. Мама только и делает, что носится в Лондон и обратно, заставляет послушных драматургов переписывать для нее пьесы и поднимает шум из-за каждого пустяка. А папа как запретится со своими книгами, так иногда даже не слышит, когда с ним заговоришь. Уж не знаю, почему мне достались такие странные родители. А возьмите дядю Роджера... Он всегда такой сердечный, что оторопь берет. Вот тетя Клеменси вполне ничего, она, по крайней мере, не пристаёт, хотя мне иногда кажется, что она немного того. Тетя Эдит тоже ничего, но она уже старая. Стало чуть повеселее с тех пор, как София приехала, но она тоже бывает злющая-презлющая. У нас очень странный дом, вы не находите? Уж одно то, что жена твоего деда годится тебе в тети или даже в сестры... Чувствуешь себя жутким ослом!

Я мог понять его чувства. Я вспоминал, хотя и очень смутно, свою сверхчувствительность в возрасте Юстаса, свой страх показаться не таким, как все, страх, что близкие мне люди в чем-то отклоняются от общепринятого стандарта.

– Ну а что дед? – спросил я. – Ты его любил?

Загадочное выражение промелькнуло на лице Юстаса.

– Дед был определенно антисоциален, – сказал он.

– В каком смысле?

– Ни о чем, кроме как о выгодных сделках, он думать не мог. Лоуренс говорит, что это в основе своей плохо. Он был большой индивидуалист. И все это неизбежно должно уйти как социальное явление, вам не кажется?

– Вот он и ушел, – сказал я с жестокой прямоотой.

– Ну и хорошо. Не думайте, что я такой бессердечный, но в таком возрасте уже невозможно получать удовольствие от жизни.

– По-твоему, он не получал?

– Я считаю, что нет. В любом случае, ему было пора уйти... Он...

Юстас умолк, так как в классную комнату вернулся Лоуренс Браун.

Он стал переставлять книги, но мне показалось, что краешком глаза он следит за мной.

Поглядев на наручные часы, он сказал:

– Я жду тебя здесь ровно в одиннадцать, Юстас. Не опаздывай. Мы и так потеряли много

времени за последние дни.

– О'кей, сэр.

Юстас не спеша направился к двери и, насвистывая, вышел из комнаты.

Лоуренс Браун снова бросил на меня испытующий взгляд, затем облизнул губы. Я не сомневался, что он вернулся в классную комнату специально для того, чтобы поговорить со мной.

Он перетасовал еще раз книги явно безо всякой на то надобности, делая вид, что усиленно ищет какое-то нужное ему издание, и только потом заговорил.

– Как... Как там у них подвигается? – спросил он.

– У них?

– У полиции.

Он нервно дергал носом, совсем как мышшь в мышеловке. Именно так я и подумал: мышшь в мышеловке.

– Они меня не посвящают в свои дела.

– Да? А я думал, что ваш отец помощник комиссара...

– Он и есть помощник комиссара. Но не станет же он выдавать служебные секреты?

Я нарочно сказал это многозначительным тоном.

– Значит, вы не знаете, как... что... если... – Голос его окончательно куда-то исчез. – Они не собираются производить арест, вы не знаете?

– Нет, насколько мне известно. Но, как я уже говорил, могу и не знать.

«Выгоняйте их из нор, – сказал инспектор Тавернер, – запугайте их». Лоуренс Браун, судя по всему, был до смерти запуган.

Он заговорил торопливо, срывающимся голосом:

– Вы не представляете себе, как это... такое напряжение... И ничего не знать... Они приходят и уходят... задают вопросы. Я хочу сказать... вопросы никакого отношения к делу не имеют.

Он умолк. Я терпеливо ждал. Если он хочет выговориться, я не буду ему мешать.

– Вы ведь были здесь на днях, когда старший инспектор высказал свое чудовищное предположение? О миссис Леонидис и обо мне... Это было чудовищно. Чувствуешь свою полную беспомощность. Ты не можешь запретить людям думать что угодно. И все это подлая ложь. Только потому, что она... Она была намного моложе своего мужа. Какие ужасные мысли приходят людям в голову... просто ужасные. Я чувствую... я не могу не видеть, что это заговор.

– Заговор? Любопытно.

Это было действительно любопытно, хотя и не в том смысле, как это понимал Лоуренс.

– Дело в том, что семья... семья миссис Леонидис мне никогда не симпатизировала. Они всегда относились ко мне высокомерно. Я всегда чувствовал, что они меня презирают.

У него начали дрожать руки.

– И все только потому, что у них всегда были деньги... и власть. Они смотрят на меня сверху вниз. Кто я для них? Простой учитель, всего лишь жалкий трус, отказывающийся служить в армии. А я отказался по велению совести. Да, именно совести!

Я ничего не ответил.

– Ну, хорошо, а что такого, если я боялся? – выкрикнул он. – Боялся, что не справлюсь с собой. Боялся, что не смогу, когда понадобится, заставить себя спустить курок. Разве вы точно знаете, что стреляете в нациста? А может быть, это порядочный человек, какой-нибудь деревенский парень, не имеющий отношения к политике, призванный на военную службу. Я считаю, что война аморальна. Вы можете это понять? Я считаю, что война аморальна!

Я по-прежнему хранил молчание, полагая, что таким способом добьюсь большего, чем если

бы я стал ему возражать или соглашаться с ним. Лоуренс Браун вел спор сам с собой, постепенно все больше раскрываясь.

– Они всегда надо мной смеялись. – Голос его задрожал. – У меня какой-то особый талант делать из себя посмешище. И это вовсе не оттого, что у меня не хватает мужества, однако я всегда делаю что-то не так. Я однажды бросился в горящий дом, чтобы спасти женщину. Но как только я туда вошел, я сразу же перестал ориентироваться и, задохнувшись от дыма, потерял сознание. Я доставил массу хлопот пожарным, пока они искали меня. Я слышал, как кто-то из них сказал: «Зачем этот болван полез не в свое дело?» Мне не надо ни за что браться – все равно ничего хорошего не выйдет, все против меня. И тот, кто убил мистера Леонидиса, подстроил все так, чтобы подозрение обязательно пало на меня. Его убили для того, чтобы погубить меня.

– А что вы скажете о миссис Леонидис?

Он вдруг покраснел и стал больше похож на человека и меньше на мышь.

– Миссис Леонидис ангел, – пробормотал он. – Настоящий ангел. С какой нежностью и добротой она относилась к своему престарелому мужу. Это совершенно удивительно. Дико, просто дико думать, что она может быть причастна к убийству! Этого не понимает только дубинспектор.

– У него предвзятое отношение. В его архивах немало дел, где пожилые мужья были отравлены прелестными молодыми женами.

– Невыносимый болван! – сказал сердито Лоуренс Браун.

Он отошел к стоящему в углу шкафу и начал рыться в книгах.

Решив, что его пора оставить в покое, я неторопливо вышел из комнаты. Когда я проходил по коридору, дверь слева отворилась и на меня почти упала Жозефина. Она появилась с неожиданностью черта в старинной пантомиме. Лицо и руки ее были в грязи, с уха свисала длинная паутина.

– Где ты была, Жозефина?

– На чердаке.

Я заглянул в полуоткрытую дверь. Несколько ступенек вели наверх, в какое-то квадратное чердачное помещение, в темной глубине которого стояли большие баки для воды.

– Что ты там делала?

– Занималась расследованием, – отрезала она сухо.

– Что можно расследовать в чулане, где одни баки?

Она, однако, уклонилась от ответа на мой вопрос и только сказала:

– Пойду умоюсь.

– И как можно скорее, – посоветовал я.

Жозефина скрылась за дверью ближайшей ванной, но тут же выглянула снова.

– По-моему, настало время для второго убийства, вам не кажется? – заявила она.

– Что ты болтаешь? Какое второе убийство?

– Но ведь в книгах всегда за первым следует второе убийство, сейчас как раз пора. Если в доме кто-нибудь о чем-то подозревает, его убирают прежде, чем он успевает рассказать о том, что именно он знает.

– Ты начиталась детективов. В жизни бывает все совсем не так. И если в этом доме кто-нибудь что-то и знает, он уж во всяком случае не собирается об этом рассказывать.

– Иногда оно и есть то, о чем они не знают, что в действительности знают.

Донесшийся из ванной ответ Жозефины прозвучал маловразумительно, тем более что он был заглушен шумом льющейся воды.

Я зажмурился от напряжения, пытаюсь понять смысл того, что она сказала. Затем, оставив Жозефину, я спустился этажом ниже.

Когда я шел от входной двери к лестнице, я услышал легкий шорох, и из гостиной вышла Бренда Леонидис.

Она направилась прямо ко мне и, не отрывая взгляда от моего лица, схватила меня за руку.

– Ну что? – спросила она.

В ее вопросе я почувствовал то же нетерпеливое желание получить хоть какие-то сведения, что и у Лоуренса Брауна, но только сформулирован вопрос был куда короче и звучал гораздо выразительнее.

– Ничего, – сказал я, покачав головой.

Она глубоко вздохнула:

– Мне очень страшно, Чарльз. Так страшно...

Страх ее был каким-то щемяще неподдельным. И в этом тесном пространстве он передался мне. У меня возникло желание успокоить ее, помочь... И снова охватила меня острая жалость к ней, такой одинокой среди враждебно настроенного окружения.

У нее, наверное, мог бы вырваться крик: «А на моей стороне кто?»

И каков был бы ответ? Лоуренс Браун? Что он вообще такое, Лоуренс Браун? В трудную минуту на него вряд ли можно положиться. Слабое создание. Перед глазами у меня встала картина: эти двое накануне вечером, выскользнувшие из темного сада.

Мне хотелось ей помочь. Очень хотелось. Но что я мог сделать для нее? Что сказать? В глубине души меня жгло чувство вины, будто за мной следят презирующие глаза Софии. Я вспомнил, как она сказала: «Поймался на удочку».

София не входила, не желала войти в положение Бренды, такой сейчас одинокой, подозреваемой в убийстве. И без единой близкой души вокруг.

Бренда сказала:

– Завтра дознание. А потом... потом что будет?

Я обрадовался, что могу хоть чем-то ее утешить.

– Ничего страшного, – успокоил я ее. – Не стоит так волноваться. Дознание отложат, чтобы дать возможность полиции провести необходимые опросы. Правда, отсрочка развяжет руки прессе. До сих пор ведь в газетах не было сообщений о том, что смерть эта не была естественной. Леонидисы люди с положением. Но как только объявят отсрочку, тут-то и начнется цирк. – Какие иногда приходят на ум несуразные слова. Цирк. Почему из всех слов я выбрал именно это?

– А репортеры – это очень страшно?

– На вашем месте я не давал бы интервью. Мне кажется, Бренда, вам нужен адвокат.

Испуганно вскрикнув, она слегка отпрянула от меня.

– Нет, нет, это совсем не то, о чем вы думаете. Просто нужен кто-то, кто будет защищать ваши интересы, посоветует вам, как вести себя во время дознания, что говорить и делать или чего не говорить и не делать. Вся беда в том, что вы совсем одна.

Она сильнее сжала мне руку.

– Вы правы, – сказала она. – Вы все понимаете, Чарльз. Вы очень помогли мне... так помогли...

Я спускался по лестнице с теплым чувством удовлетворения. Внизу у входной двери я увидел Софию. Голос ее звучал холодно и даже сухо.

– Долго же ты отсутствовал, – сказала она. – Тебе звонили из Лондона. Тебя ждет твой отец.

– В Ярде?

– Да.

– Интересно, зачем я им понадобился. Что-нибудь просили передать?

София покачала головой. В глазах была тревога. Я привлек ее к себе:
– Не волнуйся, родная, я скоро вернусь.

Какое-то напряжение висело в воздухе, когда я вошел в кабинет отца. Старик сидел за письменным столом, а старший инспектор Тавернер подпираал оконную раму. В кресле для посетителей сидел мистер Гейтскил. Вид у него был сердитый.

– ...поразительное отсутствие доверия, – говорил он ледяным тоном.

– Да, да, безусловно, – примирительно согласился отец. – Здравствуй, Чарльз. Быстро ты доехал. Тут у нас непредвиденный оборот событий.

– Беспрецедентный, – подтвердил Гейтскил.

Было видно, что он чем-то сильно расстроен. Из-за его спины мне улыбался старший инспектор Тавернер.

– Если вы не возражаете, я изложу суть дела, – сказал отец. – Мистер Гейтскил получил сегодня утром некое сообщение, которое его немало удивило. Оно поступило от мистера Агродопопулуса, хозяина ресторана «Дельфы». Это глубокий старик, грек по происхождению, которому в молодости помог Аристид Леонидис, а потом они подружились. Он всегда испытывал чувство глубокой благодарности к своему другу и благодетелю, и Аристид Леонидис, в свою очередь, очевидно, тоже относился к нему с большим доверием.

– Я никогда бы не подумал, что Леонидис может быть таким подозрительным и скрытным, – прервал отца мистер Гейтскил. – Он, конечно, был в очень преклонных годах – фактически это уже старческое слабоумие, можно так сказать.

– Тут, я думаю, заговорили национальные чувства, – начал мягко отец. – Видите ли, мистер Гейтскил, у очень старых людей память все чаще возвращается к молодым годам и друзьям юности.

– Но все дела Леонидисов в моем ведении вот уже сорок лет. Сорок три года и шесть месяцев, если быть точным.

Тавернер снова ухмыльнулся.

– И что же произошло? – спросил я.

Мистер Гейтскил открыл было рот, но отец опередил его:

– Мистер Агродопопулус сообщил, что он следует распоряжениям, полученным от его друга Аристида Леонидиса. Короче говоря, около года назад мистером Леонидисом ему был вручен запечатанный конверт, который сразу же после его смерти мистеру Агродопопулусу было велено переслать мистеру Гейтскилу. В случае же если мистер Агродопопулус умер бы раньше, поручение должен был выполнить его сын, крестник мистера Леонидиса. Мистер Агродопопулус просил простить его за задержку, объяснив ее тем, что у него была пневмония и он узнал о смерти старого друга только вечером.

– Все это сделано очень непрофессионально, – сказал мистер Гейтскил.

– Когда мистер Гейтскил вскрыл запечатанный конверт и ознакомился с его содержанием, он решил, что его долг...

– Учитывая обстоятельства, – вставил мистер Гейтскил.

– ...ознакомить нас с вложенными в него документами. Это – завещание, подписанное и заверенное по всем правилам, и сопроводительное письмо.

– Наконец всплыло завещание? – сказал я.

Мистер Гейтскил побагровел.

– Это не то завещание! – возмущенно рявкнул он. – Не тот документ, который я составил по просьбе мистера Леонидиса. Этот им написан от руки, опаснейшая вещь для непрофессионала. Мне кажется, в намерение мистера Леонидиса входило выставить меня круглым идиотом.

Старший инспектор Тавернер сделал попытку слегка развеять воцарившийся в кабинете мрак.

– Он был глубокий старик, мистер Гейтскил, – сказал он. – Вы же знаете, в старости у людей появляются причуды – это не значит, что они выжили из ума, но они становятся слегка эксцентричными.

Мистер Гейтскил презрительно фыркнул.

– Мистер Гейтскил нам позвонил, – сказал отец, – и в общих чертах ознакомил с завещанием. Я попросил его приехать и привезти оба документа. А также позвонил тебе, Чарльз.

Я не совсем понял, почему они позвонили мне. Очень уж это было нехарактерно для отца, да и для Тавернера тоже. Я бы и так узнал о завещании в свое время, да и вообще меня мало касалось, кому старик Леонидис оставил деньги.

– Это что, новое завещание? – спросил я. – Он иначе распорядился своим имуществом?

– Да, совершенно иначе, – ответил Гейтскил.

Я почувствовал на себе взгляд отца. Старший инспектор Тавернер, наоборот, прилагал усилия, чтобы не смотреть на меня. Я ощутил какую-то неловкость...

Оба они что-то скрывали, но что – мне было невдомек.

Я вопрошающе посмотрел на мистера Гейтскила:

– Меня это не касается, но...

Мистер Гейтскил сказал:

– Завещательное распоряжение мистера Леонидиса, конечно, не секрет. Я счел своим долгом прежде всего изложить факты полицейским властям и руководствоваться их мнением при проведении дальнейших процедур. Насколько я понимаю, существует, скажем так, некая договоренность между вами и мисс Софией Леонидис...

– Я надеюсь жениться на ней, – сказал я. – Но в данный момент она не соглашается обручиться со мной.

– Очень разумно, – одобрил мистер Гейтскил.

Я не мог с ним согласиться, но не время было вступать в спор.

– По этому завещанию, – продолжал мистер Гейтскил, – датированному двадцатым ноября прошлого года, мистер Леонидис, сделав завещательный отказ недвижимости на сумму в сто тысяч фунтов стерлингов в пользу своей жены, все имущество, движимое и недвижимое, оставляет своей внучке Софии Катерине Леонидис.

Я ахнул. Я ждал чего угодно, но только не этого.

– Он оставил все свои сокровища Софии? Удивительная история. А какова подоплека?

– Подоплека изложена очень четко в сопроводительном письме, – сказал отец.

Он взял со стола лежащий перед ним листок.

– Вы не возражаете, мистер Гейтскил, если Чарльз прочтет письмо? – спросил он.

– Я всецело в ваших руках, – сухо ответил Гейтскил. – Письмо это худо-бедно, но предлагает какое-то объяснение, а возможно, своего рода извинение (хотя в последнем я не уверен) этому невероятному поступку.

Отец протянул мне письмо. Мелкий неразборчивый почерк, густые черные чернила. Почерк, однако, свидетельствовал о твердом характере и индивидуальности пишущего. Он был не похож на старческий – разве что буквы выведены старательно, как в давно минувшие времена, когда умение грамотно писать с трудом осваивалось и соответственно ценилось.

Письмо гласило:

«Дорогой Гейтскил,

Вы удивитесь, получив это послание, и, очевидно, будете оскорблены, но у меня есть свои причины для такого поведения, которое вам может показаться излишне скрытным. Я очень давно уверовал в личность. В семье (это я сам наблюдал еще мальчиком и никогда об этом не забывал) обязательно имеется кто-то один с сильным характером, и на него падает забота о семье и все связанные с этим тяготы. В моей семье этим человеком был я. Я приехал в Лондон, обосновался там, вскоре стал поддерживать мать и престарелых бабушку с дедушкой в Смирне, вырвал одного из братьев из лап правосудия, добился для сестры освобождения от пут неудачного брака, а так как Богу было угодно даровать мне долгую жизнь, я мог заботиться о моих собственных детях и об их детях. Многих забрала у меня смерть, остальные, я счастлив сказать, живут под моей крышей. Когда я умру, бремя должно лечь на чьи-то другие плечи. Я долго раздумывал, не разделить ли мое имущество поровну, насколько это возможно, между всеми дорогими мне людьми, – но если бы я так поступил, я не добился бы истинного равенства. Люди не рождаются равными, и для того, чтобы исправить естественное неравенство, заложенное в Природе, необходимо восстановить равновесие. Иными словами, кто-то должен стать моим преемником, взвалить на себя бремя ответственности за всех остальных членов семьи. Тщательно поразмыслив, я пришел к выводу, что ответственность эту не может взять на себя ни один из моих сыновей. Мой горячо любимый сын Роджер лишен всякой деловой сметки. Он милейшая душа, но слишком импульсивен для того, чтобы вынести трезвое суждение. Мой сын Филип слишком в себе уверен – он способен только уйти от жизни. Юстас, мой внук, еще очень молод, но мне кажется, что ему недостает здравого смысла и взвешенности. Он вялый, легко поддается любым влияниям. И только моя внучка София, как мне представляется, обладает всеми требуемыми качествами: у нее есть ум, здравомыслие, смелость, честность, непредвзятость мнений и, как мне кажется, душевная щедрость. Ей я вверяю заботу о благополучии семьи, а также о благополучии добрейшей моей золовки Эдит де Хевиленд, которой я бесконечно благодарен за ее многолетнюю преданность семье.

Это объясняет происхождение вложенного документа. Но что мне будет трудно вам объяснить – это обман, к которому я прибегнул. Я решил не возбуждать разговоров о том, как я распорядился своими деньгами, и я не намеревался оповещать семью о том, что София будет моей наследницей. Поскольку на имя обоих своих сыновей я отказал значительную часть своего состояния, я не считаю, что мои завещательные вклады поставят их в унижительное положение.

Для того чтобы не возбуждать любопытства и подозрений, я просил вас составить завещание. Это завещание я и прочел вслух своему семейству, которое я собрал для этой цели. Я положил этот документ на стол, накрыл сверху промокательной бумагой, а затем велел позвать двух слуг. Когда они пришли, я слегка сдвинул промокательную бумагу вверх, оставив открытым низ документа, затем поставил свою подпись и просил их сделать то же самое. Вряд ли мне нужно вам говорить, что подписали мы с ними завещание, которое здесь приложено, а не то, которое составили вы и которое я прочел вслух.

Я не надеюсь, что вы поймете, что именно заставило меня проделать этот фокус. Я просто прошу простить меня за то, что я держал вас в неведении. Старики иногда любят иметь свои маленькие секреты.

Спасибо вам, дорогой друг, за усердие, с каким вы всегда вели мои дела. Передайте нежный привет Софии и попросите ее заботиться как можно лучше о

нашей семье и защитить ее от бед.

Остаюсь преданный вам

Аристид Леонидис».

Я с великим интересом прочел этот удивительный документ.

– Поразительно, – только и мог я сказать.

Гейтскил поднялся с кресла.

– Более чем поразительно, – отозвался он и добавил: – Я хочу еще раз повторить, что мой друг мистер Леонидис мог бы мне доверять больше.

– Вы ошибаетесь, – сказал отец. – Он был ловкий фокусник по природе. Ему, как мне кажется, доставляло большое удовольствие обвести человека вокруг пальца.

– Вы совершенно правы, сэр, – с жаром поддержал отца старший инспектор Тавернер. – Второго такого фокусника не сыскать!

Несмотря на убежденность, с какой было это сказано, Гейтскил удалился, так и не сменив гнев на милость. Его профессиональная гордость была уязвлена до самой глубины.

– Крепко его задело, – сказал Тавернер. – Очень почтенная фирма «Гейтскил, Колэм и Гейтскил», репутация безупречная. Когда старый Леонидис затевал какую-нибудь сомнительную сделку, он никогда к ним не обращался, у него было полдюжины разных адвокатских фирм, они и занимались его делами. Он был пройдоха большой руки.

– И вершина – это завещание, – сказал отец.

– Какие мы были дураки – не догадаться, что единственный, кто мог проделать этот трюк, был сам старик. Нам в голову не приходило, что он по своей воле мог такое выкинуть, – сказал Тавернер.

Я вспомнил высокомерную улыбку Жозефины, когда она заявила: «Полицейские такие глупые».

Но Жозефины не было, когда подписывали завещание. И даже если она подслушивала под дверью (что я охотно допускал), вряд ли она могла догадаться, что делает дед. Но с чего тогда этот высокомерный тон? Что она знала? Что позволило ей назвать полицию глупой? Или это снова желание порисоваться?

Меня поразила наступившая вдруг тишина. Я взглянул на отца – оба они, и он, и Тавернер, пристально следили за мной. Не знаю, что в их манере раздражило меня и заставило выкрикнуть с вызовом:

– София ничего об этом не знала! Абсолютно ничего!

– Нет? – сказал отец.

Я так и не понял, было ли это согласие или вопрос.

– Она будет потрясена!

– Да?

– Потрясена, не сомневаюсь.

Мы снова замолчали. И вдруг с какой-то неожиданной резкостью на столе у отца зазвонил телефон.

Он снял трубку:

– Слушаю. – И затем, выслушав сообщение телефонистки, сказал: – Соедините меня с ней.

Он взглянул на меня.

– Твоя девушка, – сказал он. – Хочет поговорить с нами. Притом срочно.

Я взял у него трубку:

– София?

– Чарльз? Это ты? Теперь Жозефина. – Голос чуть дрогнул.

– Что с Жозефиной?

– Ее ударили по голове. Сотрясение... Она... она в плохом состоянии... Говорят, может даже не поправиться...

Я повернулся к моим собеседникам:

– Жозефину стукнули по голове.

Отец взял у меня трубку.

– Я же говорил, не спускай глаз с этого ребенка! – сказал он гневно.

Буквально через несколько минут мы с Тавернером в скоростной полицейской машине мчались в направлении Суинли Дин.

Я вспомнил, как Жозефина появилась из-за баков, ее небрежно брошенную фразу о том, что «настало время для второго убийства». Бедный ребенок! Ей в голову не приходило, что она сама может стать жертвой «второго убийства».

Я полностью признал справедливость отцовских обвинений. Безусловно, я должен был следить за Жозефиной, хотя ни у Тавернера, ни у меня не было пока никакого реального ключа к разгадке тайны – кто же отравил старого Леонидиса, но вполне возможно, что он был у Жозефины. Все то, что я воспринимал как глупые детские игры и желание порисоваться, на самом деле могло иметь какой-то смысл. Жозефина, с ее склонностью все вынюхивать и выслеживать, могла случайно стать обладательницей каких-то важных сведений, об истинной ценности которых она сама не догадывалась.

Я вспомнил, как хрустнула в саду ветка.

Это было как бы предупреждение об опасности. И я тотчас же отреагировал на него, но потом мои подозрения показались мне надуманными и мелодраматичными. А между тем мне следовало бы помнить, что речь идет об убийстве, и тот, кто его совершил, смертельно рисковал и, для того чтобы обезопасить себя, без колебаний пошел бы на преступление второй раз. И вполне возможно, что Магда, поддавшись какому-то смутному материнскому инстинкту, почувствовала, что Жозефине грозит опасность, и именно поэтому с такой лихорадочной спешкой хотела отправить девочку в Швейцарию.

София вышла встретить нас. Жозефину, сказала она, карета «Скорой помощи» увезла в городскую больницу. Доктор Грей обещал позвонить, как только станут известны результаты рентгена.

– Как это произошло? – спросил Тавернер.

София провела нас вокруг дома, и, войдя через калитку, мы очутились на задворках. В углу небольшого дворика я заметил открытую настежь дверь.

– Там нечто вроде прачечной, – пояснила София. – Внизу в двери дыра, специально вырезанная для кошек. Жозефина любит встать на край ногами и кататься на двери.

Я вспомнил, как сам в детстве раскачивался на дверях.

Прачечная внутри была тесная и довольно темная. Там валялись деревянные ящики, старый шланг, несколько каких-то допотопных садовых инструментов, ломаная мебель. Внизу около двери лежала подпорка в виде мраморного льва.

– Это подпорка от входной двери, – объяснила София. – Она упала сверху – кто-то ее, очевидно, пытался положить на дверь.

Тавернер дотронулся рукой до верха. Дверь была низкая, его голова не доставала примерно на фут.

– Ловушка, – сказал он.

Он качнул дверь, чтобы посмотреть, как она ходит, потом нагнулся и стал разглядывать кусок мрамора, стараясь не касаться его.

– Кто-нибудь брал его в руки?

– Нет, – сказала София. – Я никому не дала его трогать.

– Правильно сделали. Кто ее нашел?

– Я. Она не пришла обедать к часу. Няня долго звала ее. Приблизительно за четверть часа до обеда она проскочила через кухню во двор. Няня сказала: «Скачет с мячиком или опять

качается на двери». Я сказала, что сама приведу ее.

Воспользовавшись паузой, Тавернер спросил:

– Вы говорили, она часто там играла. Кто об этом знал?

– По-моему, все в доме знали.

– А кто, кроме нее, заходит в эту прачечную? Садовник?

– Вряд ли кто-то сюда заходит.

– Дворик из дома не просматривается, – заключил Тавернер. – Кто угодно мог проскользнуть сюда из дома или же обойти здание с фасадной стороны и устроить эту ловушку. Но она ненадежная...

Не отрывая внимательного взгляда от двери, он еще раз осторожно покачал ее.

– Никакой гарантии. Или попадет или пролетит мимо. Скорее всего, мимо, но девочке не повезло, на сей раз эта штука попала.

София поежилась.

Он поглядел на пол. На нем были какие-то царапины.

– Похоже, что кто-то предварительно тут экспериментировал... чтобы проверить, куда эта штука упадет... Звук до дома не долетал, конечно.

– Нет, мы ничего не слышали. Нам, естественно, в голову не пришло беспокоиться о ней, пока я не пришла и не обнаружила ее здесь – она лежала распростертая, вниз лицом. – Голос Софии слегка дрогнул. – Волосы в крови.

– Это ее шарф? – Тавернер указал на лежащий на полу шерстяной клетчатый шарф.

– Да.

Обернув руку шарфом, Тавернер осторожно поднял с полу кусок мрамора.

– На нем могут быть отпечатки, – сказал он без особой надежды. – Но вероятнее всего, тот, кто это сделал, соблюдал осторожность. Что вы разглядываете? – обратился он ко мне.

Я смотрел на стул со сломанной спинкой. Он стоял среди старого хлама, и на его сиденье были комочки свежей земли.

– Любопытно, – пробормотал Тавернер. – Кто-то вставал на стул грязными подошвами. Интересно, для чего.

Он в раздумье покачал головой:

– Сколько было времени, когда вы ее нашли, мисс Леонидис?

– Должно быть, минут пять второго.

– И ваша няня видела, как она шла из кухни во двор двадцатью минутами раньше. Известно, кто последний до этого заходил в прачечную?

– Понятия не имею. Может быть, сама Жозефина. Я знаю, что она качалась на двери утром после завтрака.

Тавернер кивнул:

– Это означает, что в этот промежуток, после того как она ушла оттуда и до без четверти час, кто-то смастерил ловушку. Вы сказали, что этот кусок мрамора – подпорка от наружной двери. Не помните, когда она оттуда исчезла?

София покачала головой:

– Дверь сегодня не открывали весь день. Слишком холодно.

– Не помните ли вы, кто где был сегодня утром?

– Я выходила пройтись. У Юстаса и Жозефины до половины первого были уроки с перерывом в половине одиннадцатого. Отец, мне кажется, все утро провел в библиотеке.

– А ваша мать?

– Она выходила из спальни, когда я пришла с прогулки, – это было примерно в четверть первого. Раньше она не встает.

Мы вернулись обратно в дом. Я последовал за Софией в библиотеку. Филип, бледный, осунувшийся, сидел, как обычно, в кресле, а Магда, приткнувшись к его коленям, тихо плакала.

София спросила:

– Не звонили из больницы?

Филип отрицательно покачал головой.

Магда зарыдала:

– Почему они не разрешили мне поехать с ней? Моя крошка, моя смешная маленькая уродинка. А я еще называла ее найденьшем, она так сердилась. Как я могла быть такой жестокой? И теперь она умрет, я знаю, она умрет...

– Успокойся, дорогая, – сказал Филип. – Прошу тебя, успокойся.

Я почувствовал, что я лишний в этой сцене семейных треволнений. Я незаметно вышел и отправился искать няню. Она сидела на кухне и горько плакала.

– Это бог меня наказал, мистер Чарльз, за все плохое, что я о ней думала. Бог меня наказал, не иначе.

Я даже не пытался истолковать, что она имела в виду.

– Порча какая-то в этом доме, вот что я вам скажу. Не хотела я этого видеть, все не верила. Коли увидишь, тотчас и поверишь. Кто-то убил хозяина, и те же самые люди пытались убить Жозефину.

– Ради чего им было ее убивать?

Няня отодвинула от глаза край носового платка и выразительно поглядела на меня:

– Сами знаете, мистер Чарльз, какой это был ребенок. Любила все признавать. Всегда такая была, сызмальства. Спрячется под обеденный стол и слушает, что горничные говорят, а потом берет над ними власть. Как бы свое значение хочет показать. Знаете, что я вам скажу? Обойденная она хозяйкой. Она ведь не такой красивый ребенок, как те двое. Всегда была лицом негодая. Хозяйка даже звала ее «найденьш». Я хозяйку за это осуждаю, по моему понятию, это ребенку большая обида. Правда, она, скажу вам, нашла, как по-своему, по-детски себя поставить – стала признавать всякие вещи про людей и им давать намек, что она про них все знает. Да разве такое можно делать, когда тут отравитель ходит? Опасно это.

Да, это было действительно опасно. По ассоциации я вспомнил совсем про другое и спросил:

– Вы случайно не знаете, где она держит черную книжечку – что-то вроде блокнота, где она делает записи?

– Я знаю, про что вы говорите, мистер Чарльз. Она так хитро ее прячет. Я сколько раз видела, как она погрызет карандаш, запишет что-то в этой книжке, а потом опять карандаш погрызет. Я ей говорю: «Перестань грызть карандаш, отравишься свинцом», – а она свое: «Не отравлюсь, потому что грифель делается не из свинца, а из графита», – хотя я не понимаю, как такое может быть – если называется свинцовый карандаш, значит, в нем есть свинец, какой может быть спор.

– Оно и верно, – согласился я, – но на самом-то деле она права (Жозефина всегда была права!). – Так что же с записной книжкой? Как вы думаете, где она могла ее хранить?

– Понятия не имею, сэр. Она ее всегда так хитро старалась спрятать.

– Книжки при ней не было, когда ее нашли?

– Нет, мистер Чарльз, записной книжки не было.

Кто-то взял эту книжку? А может, она спрятала ее у себя в комнате? Мне пришло в голову пойти и посмотреть. Я не знал точно, какая из комнат принадлежит Жозефине, и, пока стоял в коридоре и раздумывал, услышал зовущий меня голос Тавернера:

– Идите сюда, Чарльз. Я в детской. Видели вы что-нибудь подобное?

Я переступил порог и остолбенел.

Маленькая комната выглядела так, будто через нее пронесся торнадо. Ящики комода были выдвинуты, и их содержимое разбросано по полу. Матрас, простыни, подушки, одеяло были сдернуты с небольшой кровати. Ковры свалены в кучи, стулья перевернуты вверх ногами, картины сняты со стен, фотографии вынуты из рамок.

– Боже праведный! – воскликнул я. – В честь чего это?

– А вы как думаете?

– Кто-то что-то здесь искал.

– Несомненно.

Я поглядел вокруг и свистнул:

– Что за чертовщина! Разве мыслимо такое сотворить и чтобы никто в доме ничего не слышал и не видел?

– Почему бы и нет? Миссис Леонидис проводит утро у себя в спальне, полирует ногти, звонит по телефону и примеряет платья. Филип сидит в библиотеке, погруженный в книги. Нянька на кухне чистит картошку и стручки фасоли. В семье, где все знают привычки друг друга, сделать такое очень легко. Поверьте мне, любой в доме мог провести эту несложную операцию – соорудить ловушку для девочки и устроить погром в ее комнате. Но кто-то очень торопился, ему было некогда поискать спокойно.

– Любой в доме, вы сказали?

– Да. Я проверил. У всех было какое-то неучтенное время: у Филипа, у Магды, у няни, у вашей девушки. Наверху та же картина. Бренда провела большую часть утра одна, у Лоуренса и Юстаса был получасовой перерыв – с десяти тридцати до одиннадцати. Часть перерыва провели с ними вы, но не целиком. Мисс де Хевиленд была одна в саду, Роджер в своем кабинете.

– Только Клеменси была в Лондоне на работе.

– Нет, даже ее нельзя исключить. Она сегодня осталась дома из-за головной боли. И отсиживалась у себя в комнате. Все могли – все до единого. Знать бы только, который из них. Даже отдаленно не могу себе представить. Хотя бы знать, что они здесь искали...

Он обвел взглядом разоренную комнату...

Если бы знать, нашли ли они то, что искали...

Что-то шевельнулось в моем мозгу... какое-то воспоминание.

Тавернер неожиданно помог мне, задав вопрос:

– Что делала девочка, когда вы ее в последний раз видели?

– Пойдите!

Я бросился из комнаты вверх по лестнице. Проскочив по коридору через левую дверь, я взбежал на верхний этаж и распахнул дверь на чердак. Я вынужден был наклонить голову, когда поднимался по ступенькам, чтобы не стукнуться о низкий скошенный потолок. Там я огляделся.

На мой вопрос, что она делает на чердаке, Жозефина ответила, что «занимается расследованием».

Я не понимал, что можно расследовать на чердаке, заросшем паутиной, заставленном баками для воды, но такой чердак мог служить хорошим тайником. Не исключено, что Жозефина что-то здесь прятала, прекрасно зная, что ей это не полагалось хранить. И если моя догадка верна, отыскать ее сокровище труда не составляло.

Поиски заняли ровно три минуты. За самым большим баком, из глубины которого доносилось какое-то шипение, добавлявшее жути и без того мрачной обстановке чердака, я обнаружил связку писем, завернутых в рваную оберточную бумагу.

Я начал читать:

«Лоуренс... родной мой, моя любовь... как замечательно было вчера вечером, когда ты прочитал стихотворение.

Я знала, что оно предназначалось мне, хотя ты и не смотрел на меня. Аристид сказал: «Вы хорошо читаете стихи». Он не догадывался о том, что мы оба чувствуем. Родной мой, я уверена, скоро все устроится. И мы будем рады, что он так ничего и не узнал и умер счастливым. Он всегда был так добр ко мне. Я не хочу доставлять ему страданий, но мне кажется, что жизнь уже не в радость, когда тебе за восемьдесят. Я бы не хотела так долго жить. Скоро мы навсегда будем вместе. Как будет чудесно, когда я смогу сказать тебе: «Мой дорогой, любимый муж...» Родной мой, мы созданы друг для друга. Я тебя люблю, люблю, люблю... И нет конца нашей любви. Я...»

Там еще было много всего написано, но мне не хотелось читать дальше.

С мрачным чувством я спустился вниз и сунул пакет в руки Тавернеру:

– Возможно, что наш незнакомый друг именно это и искал.

Прочтя несколько абзацев, Тавернер присвистнул и стал листать остальные письма.

Затем он взглянул на меня с видом кота, которого только что накормили свежайшими сливками.

– Прекрасно, – сказал он вкрадчиво. – Теперь ясно, что миссис Бренда Леонидис собственными руками вырыла себе яму. Как и мистер Лоуренс Браун. Значит, это все-таки были они...

Мне кажется странным теперь, когда я оглядываюсь назад, как мгновенно и без остатка улетучились мои сочувствие и жалость к Бренде Леонидис после того, как я нашел ее письма к Лоуренсу Брауну. То ли было задето мое тщеславие, но я не мог примириться с этим открытием – с ее выпренней и слащавой страстью к Лоуренсу Брауну и с тем, что она сознательно лгала мне. Не знаю, я не психолог. И мне естественнее было думать, что сострадание мое окончательно убила только мысль о маленькой Жозефине, которой ради собственного спасения можно было проломить голову.

– Ловушку, по-моему, подстроил Браун, – сказал Тавернер. – Этим объясняется одно обстоятельство, которое сильно меня озадачило.

– Какое же?

– Вся затея какая-то глупая. Вот послушайте. Допустим, девочка завладела этими письмами, надо сказать, совершенно убийственными. И первое, что необходимо сделать, – любой ценой попытаться заполучить их обратно (если даже девочка станет о них говорить, но не сможет их показать, ее разговоры будут восприняты просто как детские фантазии). Но обратно заполучить их нельзя, поскольку их не найти. Остается одно – убрать с дороги ребенка. Совершив одно убийство, можно не церемониться и дальше. Известно, что девочка любит качаться на двери в заброшенном дворе. Казалось бы, чего лучше – подождать немного за дверью и оглушить ее, когда она войдет, кочергой или железным ломом, а на худой конец, и здоровым куском шланга. Благо все там под рукой. Для чего было затевать всю эту историю с мраморным львом, устанавливать его на двери, притом неизвестно, упадет он на девочку или пролетит мимо, а даже если и пристукнет ее, то не до конца (так и случилось в итоге)? Я хочу спросить, с какой целью все это делалось?

– И каков же ответ?

– Единственное, что мне сначала пришло в голову, – это чье-то намерение получить алиби. Иметь твердое алиби на то время, когда Жозефину стукнули по голове. Но это не убедительно, во-первых, потому, что все равно ни у кого, по-моему, нет алиби, а во-вторых, вряд ли можно было рассчитывать, что девочки не хватятся за ленчем и не пойдут ее искать – а тогда найдут этого мраморного льва и обнаружат ловушку. Весь этот *modus operandi* будет тогда нетрудно разгадать. Если бы, конечно, убийца убрал мраморный брусок до того, как девочку нашли, это всех бы поставило в тупик. Но так, как оно есть, концы с концами не сходятся.

Он развел руками.

– Ну, а какое объяснение вы предлагаете в данный момент?

– Особенности личности. В частности, идиосинкрзия как отличительная особенность Лоуренса Брауна. Он не любит насилия – он не может себя заставить совершить физическое насилие. Он не мог бы стоять за дверью и шарахнуть ребенка по голове. Но он мог бы соорудить ловушку, уйти и не видеть, как она сработала.

– Понимаю, – сказал я, – тот же эзерин в бутылочке из-под инсулина.

– Вот именно.

– Вы думаете, он сделал это без ведома Бренды?

– Это объясняет, почему она не выбросила пузырек от инсулина. Они, конечно, могли договориться между собой, а могла и она сама придумать этот трюк с отравлением – приятная легкая смерть для старого, усталого мужа... и все к лучшему в этом лучшем из миров. Но готов поклясться, ловушка не ее рук дело. У женщин нет веры в то, что механическая игрушка работает так, как надо. И они правы. Думаю, что эзерин – это идея Бренды, но вот осуществить

ее она заставила своего преданного раба. Такие, как она, избегают сомнительных поступков. Хотят иметь непотревоженную совесть. Теперь, когда есть письма, заместитель прокурора разрешит возбудить дело. Они потребуют еще кое-каких объяснений. И тогда, если девочка благополучно выкарабкается, все будет обстоять наилучшим образом. – Он искоса бросил на меня взгляд. – Ну как? Какие ощущения от помолвки с миллионом фунтов стерлингов?

Я невольно вздрогнул, так как в тревогах дня совершенно забыл об этом новом развороте событий вокруг завещания.

– София еще ничего не знает. Хотите, чтобы я ей сказал?

– Гейтскил, я понял, сам собирается сообщить им эту печальную (а может, и радостную) новость завтра после дознания.

Тавернер умолк и в раздумье поглядел на меня.

– Интересно, как будет реагировать семейство? – сказал он.

Дознание в основном происходило так, как я предсказывал. По требованию полиции была объявлена отсрочка.

Мы были в хорошем настроении, так как накануне вечером из больницы сообщили, что травма у Жозефины оказалась не такой серьезной, как того опасались, и что она скоро поправится. В настоящий момент, сказал доктор Грей, к ней велено никого не пускать, даже мать.

– Мать в первую очередь, – шепнула мне София. – Я дала это понять доктору Грею. Впрочем, он и сам хорошо знает маму.

У меня на лице, очевидно, отразилось сомнение, так как София резко спросила:

– Почему ты смотришь на меня с таким неодобрением?

– Я... я полагал, что мать...

– Чарльз, я рада, что у тебя еще сохранились прекрасные старомодные взгляды. Но ты, я вижу, плохо представляешь себе, на что способна моя мать. Наша дорогая мамочка не виновата – она ничего поделать с собой не может. Она разыграла бы там грандиозную драматическую сцену, а такие сцены далеко не лучший способ восстановить здоровье человека с головной травмой.

– Обо всех-то ты печешься, радость моя.

– Кому-то приходится это делать сейчас, когда нет деда.

Я внимательно поглядел на нее и решил, что старый Леонидис до конца сохранил проницательность ума – бремя ответственности уже легло на плечи Софии.

После дознания мистер Гейтскил вместе с нами вернулся в «Три фронтона».

Откашлявшись, он торжественно, как на богослужении, объявил, что у него есть некое сообщение, которое он должен довести до сведения семьи.

Все собрались в гостиной у Магды. На этот раз мне было проще – я чувствовал себя как бы за сценой, – я знал заранее все, о чем собирался сказать Гейтскил.

Я приготовился внимательно следить за реакцией всех действующих лиц. Гейтскил был сух и немногословен. Видно было, что он держит в узде свои личные обиды и раздражение. Сначала он прочел письмо Аристиды Леонидиса, а затем само завещание.

Наблюдать лица было необыкновенно интересно. Я жалел только, что не мог видеть все одновременно.

Я почти не глядел на Бренду и Лоуренса. Обеспечение Бренды по завещанию оставалось прежним. Меня главным образом занимали Роджер и Филип, а потом уже Магда и Клеменси.

Поначалу мне казалось, что они все держатся прекрасно.

Губы Филипа были плотно сжаты, красивая голова откинута назад на спинку высокого кресла. Он не произнес ни слова.

Магда, напротив, разразилась потоком слов, как только Гейтскил кончил читать. Ее богатый модуляциями голос захлестнул жалкий тенорок, как захлестывает речушку надвигающийся прилив.

– София, дорогая... это поразительно... И до чего романтично! Кто бы мог подумать, что наш старенький дуся окажется таким коварным и лживым, совсем как малый ребенок. Он что, не доверял нам? Или считал, что мы на него рассердимся? Мне казалось, он никогда особо не выделял Софию. Но если вдуматься, это так драматично.

Магда вдруг легко вскочила на ноги, танцующей походкой подбежала к Софии и отдала ей глубокий поклон:

– Мадам София, твоя несчастная, нищая старуха мать просит у тебя подаяния. – В голосе ее появились просительные просторечные интонации: – Поддай грошик, милочка. Твоей маме хочется в кино сходить.

Она протянула Софии руку, как бы для милостыни.

Филип, не двинувшись с места, процедил сквозь сжатые зубы:

– Магда, прошу тебя, прекрати это фиглярство.

– Ну, а как же Роджер? – воскликнула Магда, неожиданно повернувшись к Роджеру. – Бедный наш милый Роджер! Старик собирался прийти ему на помощь и спасти, а тут вот не успел и умер. И теперь Роджер остался ни с чем. Ты слышишь, София? – Она величественно посмотрела на дочь. – Твой долг сделать что-нибудь для Роджера.

– Нет, – раздался голос Клеменси. Она даже выступила вперед. По лицу было видно, что она готова к бою. – Ничего не надо. Решительно ничего, – заявила она.

Роджер вразвалку, как большой добродушный медведь, подошел к Софии и с нежностью заграбастал обе ее руки:

– Девочка моя, мне ничего не нужно, ни единого пенса. Как только мое дело прояснится – или лопнет, что всего верней, – мы с Клеменси уедем в Вест-Индию и там будем вести простую жизнь. А если когда-нибудь я буду сильно нуждаться, я обращусь к главе семьи. – Он широко улыбнулся Софии. – А пока до этого не дошло, я не возьму ни одного пенса. Я ведь на самом деле очень неприхотлив. Не веришь, спроси у Клеменси.

Неожиданно разговор прервала Эдит де Хевиленд.

– Все это очень хорошо, – сказала она. – Но ты должен подумать, как это выглядит со стороны. Если ты обанкротишься, Роджер, и тут же потихоньку уедешь на другой конец света, не дав возможности Софии протянуть тебе руку помощи, представляешь, какие начнутся разговоры. Вряд ли это будет приятно Софии.

– Неужели мы еще должны прислушиваться к общественному мнению? – с презрением бросила Клеменси.

– Для вас это не обязательно, Клеменси, это мы все знаем, – резко отпарировала Эдит де Хевиленд. – Но София живет в этом мире. Она девушка умная, с добрым сердцем, и у меня нет сомнений, что Аристид поступил правильно, сделав ее хранительницей семейного наследства, хотя по английским понятиям может показаться странным, что он обошел двух родных сыновей при их жизни. Но все же нехорошо, если пойдет толк, что София проявила скупость – позволила Роджеру разориться и не предложила ему помощи.

Роджер подошел к тетке и крепко обнял ее:

– Тетя Эдит, вы прелесть... и весьма упорный боец, но вы не даете себе труда понять: мы с Клеменси знаем, чего хотим, и, чего не хотим, тоже знаем.

Клеменси с вызовом смотрела на них – на худых щеках вспыхнули яркие пятна.

– Никто из вас не понимает Роджера, – сказала она. – Никогда никто не понимал. И не поймет. Пойдем, Роджер.

Они вместе вышли из комнаты, когда мистер Гейтскил, откашлявшись, начал собирать свои бумаги. Лицо его выражало глубокое неодобрение разыгравшейся на его глазах сцены. Это было совершенно ясно.

Мой взгляд наконец добрался до Софии. Она стояла у камина, прямая, прелестная, задрав решительный подбородок, но глаза смотрели спокойно. Только что она стала обладательницей огромного состояния, а я, наблюдая за ней, думал лишь о том, в каком одиночестве она вдруг оказалась. Между нею и ее семьей выросла преграда. Отныне ее не преодолеть. Я чувствовал, что София это знает и, как всегда, не уходит от реальности. Старый Леонидис взвалил тяжкое бремя на ее плечи – сам он это сознавал, и ясно, что это понимает София. Он верил, что у нее

достанет крепости в плечах, чтобы вынести ношу, но сейчас мне было ее невыносимо жаль.

Она до сих пор не произнесла ни слова – впрочем, пока у нее не было для этого возможности. Однако скоро ей все равно придется что-то сказать. Уже сейчас я ощущал скрытую враждебность к Софии, которая всегда пользовалась любовью всей семьи. Даже в сценке, так изящно разыгранной Магдой, я уловил легкую недоброжелательность. А сколько еще подводных течений, которые пока не успели выйти на поверхность.

В очередной раз прочистив глотку, мистер Гейтскил произнес четкую, хорошо взвешенную речь.

– Позвольте мне поздравить вас, София, – сказал он. – Вы теперь очень богатая женщина, но я не советовал бы вам делать... кх, кх... никаких опрометчивых шагов. Я могу дать вам столько наличных, сколько требуется для текущих расходов. Если вы захотите обсудить свои дальнейшие планы, я буду рад сделать все от меня зависящее и дать вам компетентный совет. Договоритесь со мной о свидании в Линкольнз Инн, [\[10\]](#) после того как на досуге все обдумаете.

– А Роджер? – не преминула напомнить Эдит де Хевиленд.

Мистер Гейтскил тут же перебил ее:

– Роджер пусть сам позаботится о себе. Он взрослый человек, кх... кх... ему пятьдесят четыре, если я не ошибаюсь, и Аристид Леонидис был совершенно прав. Роджер не бизнесмен и никогда им не будет. – Он посмотрел на Софию. – Даже если вы снова поставите на ноги фирму ресторанных услуг, не тешьте себя надеждой, что Роджер будет успешно ею руководить.

– Мне бы и в голову не пришло снова поставить на ноги фирму, – сказала София.

Это была первая фраза, которую она произнесла. Тон был деловой и решительный.

– Это была бы большая глупость, – добавила она.

Гейтскил бросил на нее взгляд из-под бровей и чуть заметно улыбнулся. Затем он попрощался со всеми и вышел из комнаты.

Некоторое время все молчали, не сразу осознав, что они остались одни в семейном кругу.

Филип сказал сухо:

– Я должен вернуться в библиотеку. Я и так потерял массу времени.

– Папа. – Голос Софии прозвучал неуверенно, почти умоляюще.

Филип обернулся.

Я почувствовал, как она вздрогнула и отшатнулась, когда на ней остановился холодный, враждебный взгляд отца.

– Ты уж прости меня за то, что я тебя не поздравил, – сказал он. – Но это был для меня своего рода удар. Никогда бы не поверил, что мой отец мог так меня унижить – мог пренебречь моей бесконечной преданностью ему... да, именно преданностью.

Впервые живой человек прорвался через толстую оболочку ледяной сдержанности.

– Господи боже мой, как мог он так со мной поступить? – горько выкрикнул он. – Он всегда был несправедлив ко мне... всегда.

– Нет, Филип, нет! Ты не должен так думать, – испуганно воскликнула Эдит де Хевиленд. – Не считай, что это еще один способ оскорбить тебя. Это не так. Когда люди стареют, они тянутся к молодому поколению, и это естественно. Уверяю тебя, дело только в этом... а кроме того, у Аристида ведь было особое коммерческое чутье. Я не раз слышала, как он говорил, что две доли в налоге на наследство...

– Он никогда не любил меня. – Голос понизился до хрипа. – Всегда только Роджер и Роджер. – Какая-то странная злоба вдруг исказила красивые черты. – Хорошо, что отец хотя бы понял, что Роджер дурак и ничтожество, и его тоже не включил в завещание.

– А как же я? – спросил Юстас.

Я почему-то почти совсем забыл о Юстасе и только сейчас увидел, что он дрожит от

переполнявшего его возмущения. Лицо стало багровым, а в глазах, мне показалось, были слезы. Голос дрожал, в нем появились истерические нотки.

– Это позорище! Настоящее позорище! – закричал он. – Как дед мог так поступить со мной? Как он смел? Я его единственный внук. Как смел он обойти меня ради Софии? Это нечестно. Ненавижу его! Ненавижу! Никогда в жизни не прощу его, гнусный старый тиран. Я хотел, чтобы он умер. Я хотел уйти из этого дома. Хотел сам распорядиться собой. А теперь я должен терпеть унижения и придирки от Софии, теперь все из меня будут делать дурака. Скорее бы мне умереть...

Голос его сорвался, и он бросился вон из комнаты.

Эдит де Хевиленд возмущенно прищелкнула языком.

– Никаких сдерживающих центров, – сказала она.

– Я понимаю его чувства, – заявила Магда.

– Я в этом не сомневаюсь, – ледяным тоном ответила Эдит де Хевиленд.

– Бедный мой мальчик! Пойду посмотрю, что с ним...

– Пойдите, Магда... – Эдит де Хевиленд поспешила за ней.

Голоса их вскоре затихли.

София продолжала смотреть на Филипа. И мне почудилось, что в ее глазах была мольба. Но если и была, то она осталась без ответа. Филип холодно посмотрел на дочь – он уже полностью владел собой.

– Ты хорошо разыграла свою карту, София, – сказал он и вышел из комнаты.

– Это жестоко с его стороны, – возмутился я. – София!

Она протянула мне руки, и я привлек ее к себе:

– Многовато всего, радость моя.

– Я понимаю, что они должны чувствовать.

– Этот старый черт, твой дед, не должен был наваливать это все на тебя.

Она распрямила плечи:

– Он считал, что я могу это взять на себя. Я и правда могу. Я хотела бы... хотела бы только, чтобы Юстас не принимал это так близко к сердцу.

– У него это пройдет.

– Ты думаешь? А я не уверена. Он из тех, кто любит себя растравлять. Мне невыносимо от того, что страдает отец.

– А мать, по-моему, ничего.

– На самом-то деле это ее волнует. Уж очень ей не по нутру просить у дочери деньги на постановку пьес. Но ты и оглянуться не успеешь, как она будет уговаривать меня поставить «Эдит Томпсон».

– И что ты ей ответишь? Если это доставит ей радость...

София высвободилась из моих объятий и решительно откинула голову:

– Я скажу «нет»! Пьеса гнусная, и роль маме не подходит. Это называется швырять деньги на ветер.

Я невольно рассмеялся. Не мог удержаться.

– С чего это ты? – с подозрением спросила София.

– Я начинаю понимать, почему твой дед оставил деньги тебе. Ты внучка своего деда.

Меня все время не покидало сожаление, что с нами нет Жозефины. Вот уж кто извлек бы максимум удовольствия от всего происходящего.

Она быстро поправлялась, и ее ждали теперь со дня на день, но все же она пропустила еще одно важное событие.

Как-то утром, когда я был в альпийском садике с Софией и Брендой, к входной двери подкатила машина, и из нее вышли Тавернер и сержант Лэм. Они поднялись по ступенькам и вошли в дом.

Бренда вдруг застыла и, не отрываясь, смотрела на машину.

– Снова эти люди, – сказала она. – Вернулись. А я думала, их уже не будет. Я думала, все уже закончилось.

Я видел, что она дрожит.

Она присоединилась к нам минут десять назад. Кутаясь в свое манто из шиншиллы, она пожаловалась:

– Я сойду с ума, если не пройду по воздуху. Стоит выйти из ворот, тут же на тебя как коршун налетает репортер. Живешь как в осаде. Неужели это никогда не кончится?

София сказала, что, по ее предположению, репортерам все это скоро надоест.

– Но ты можешь ездить на машине, – добавила она.

– Я же сказала тебе, мне необходимо двигаться, – ответила Бренда и тут же быстро спросила: – Вы решили отказать от места Лоуренсу? Почему?

– У нас изменились планы насчет Юстаса, а Жозефина едет в Швейцарию, – спокойно ответила София.

– Но он так этим удручен. Он чувствует, что вы ему не доверяете.

София промолчала, и в эту минуту подъехала машина Тавернера.

Бренда стояла возле нас, и от осенней сырости ее явно знобило.

– Что им тут надо? Зачем они приехали? – прошептала она.

Мне казалось, я догадался, зачем они здесь. Я ничего не рассказывал Софии про письма, которые нашел за баком, однако мне было известно, что они отправлены прокурору...

Тавернер вышел из дома, пересек подъездную дорожку и по газону направился к нам. Бренда задрожала еще сильнее.

– Что ему надо? Что ему надо? – нервно повторяла она.

Подойдя к нам, Тавернер заговорил, обращаясь к Бренде сухим официальным языком:

– У меня имеется ордер на ваш арест, – заявил он. – Вы обвиняетесь в том, что ввели дозу эзерина Аристиду Леонидису. Должен предупредить вас, что все сказанное вами может быть использовано как свидетельство против вас на суде.

И тут Бренда окончательно потеряла контроль над собой. Она истошно закричала и вцепилась в меня:

– Нет, нет, нет, это неправда! Чарльз, ну скажите им, что это неправда! Я ничего не делала... Я ничего про это не знаю... Это заговор. Не отдавайте меня им, это неправда, ну поверьте мне... Это неправда... Я ничего не делала...

Это был кошмар, непередаваемый кошмар. Я пытался успокоить ее. Я с трудом оторвал ее пальцы от своей руки. Я говорил ей, что найду адвоката и что она должна держаться – адвокат обо всем позаботится...

Тавернер мягко взял ее за локоть:

– Пойдемте, миссис Леонидис. Шляпа вам не нужна? Нет? Тогда мы сразу же двинемся.

Она отшатнулась, не спуская с него расширившихся от ужаса кошачьих глаз.

– А Лоуренс? – спросила она. – Что вы сделали с Лоуренсом?

– Мистер Лоуренс Браун тоже арестован, – сказал Тавернер.

Она вдруг перестала сопротивляться. Тело ее, казалось, разом сникло и съежилось. По лицу потекли слезы. Она спокойно пошла с Тавернером через газон к машине. Я видел, как из дома вышли Лоуренс Браун и сержант Лэм и тоже сели в машину, которая тотчас же тронулась.

Я перевел дыхание и посмотрел на Софию. Она была очень бледна, и выражение лица было страдальческое.

– Какой ужас, Чарльз! Какой это ужас!

– Да.

– Ты должен достать для нее по-настоящему первоклассного адвоката – самого лучшего. И надо... Надо ей всячески помочь.

– Обычно не задумываешься, как происходят такие вещи, – сказал я. – Я никогда раньше не видел, как производят арест.

– Я тебя понимаю. Это почти невозможно себе представить.

Мы оба молчали. Я вспоминал лицо Бренды, полное ужаса и отчаяния. Мне казалось, я где-то видел нечто подобное, и вдруг понял где. Такое же выражение было на лице Магды Леонидис в первый день моего приезда в скрюченный домишко, когда она говорила о пьесе «Эдит Томпсон».

«А потом, – сказала она, – был смертельный страх, не так ли?»

Да, смертельный страх – вот что было написано на лице Бренды. Бренда не борец. Я усомнился, достаточно ли у нее характера совершить убийство. Но возможно, это не она. Возможно, что Лоуренс Браун, с его манией преследования, психической неустойчивостью, перелил содержимое одного пузырька в другой – что может быть проще? – для того чтобы освободить любимую женщину.

– Итак, все кончено, – сказала София. Она глубоко вздохнула: – Почему их арестовали именно сейчас? Мне казалось, улики еще недостаточно.

– Кое-какие недавно вылезли на свет. Например, письма.

– Ты имеешь в виду их любовную переписку?

– Да.

– Какие люди идиоты – хранить такие вещи!

Ничего не скажешь, полнейший идиотизм. Тот вид глупости, который ничего не заимствует из чужого опыта. Раскроешь любую ежедневную газету и тут же наткнешься на образчики этой глупости – страсть сохранять написанное, письменные заверения в любви.

Я сказал:

– Все это, конечно, чудовищно, София, но стоит ли так убиваться из-за этого? В конце концов, мы именно на это рассчитывали. Разве нет? Ты сама мне говорила в первую нашу встречу у Марио. Ты сказала, что все будет хорошо, если окажется, что твоего деда убил тот, кто и требуется. Имелась в виду Бренда, так ведь? Бренда или Лоуренс?

– Прекрати, Чарльз, я чувствую себя чудовищем.

– Но мы должны проявить благоразумие. Теперь мы можем пожениться. Не станешь же ты держать меня и дальше на расстоянии – вся семья Леонидисов уже вне игры.

Она удивленно уставилась на меня. Я никогда раньше не замечал, какой интенсивной синевы у нее глаза.

– Да, мы и правда теперь вне игры. Благополучно из нее вышли. Ты этому веришь?

– Сокровище мое, ни у кого из вас не было ни малейшего мотива, даже отдаленно.

Она вдруг побледнела:

– Ни у кого, кроме меня, Чарльз. У меня был мотив.

– Ну да, конечно... – Я осекся. – Какой мотив? Ты ведь не знала про завещание.

– Я знала, Чарльз, – прошептала она.

– Что?!

Я смотрел на нее, чувствуя, как внутри у меня похолодело.

– Я все это время знала, что дед оставил деньги мне.

– Каким образом ты узнала?

– Он сам сказал мне, примерно за две недели до того, как его убили. Сказал довольно неожиданно: «Я оставляю все мои деньги тебе, София. Ты будешь заботиться о семье, когда я умру».

Я по-прежнему изумленно смотрел на нее.

– И ты мне ничего не сказала об этом...

– Нет. Понимаешь, когда все объясняли, как он подписывал завещание, я решила, что он ошибся – что он только вообразил, будто оставил свое состояние мне. А если он оставил завещание в мою пользу, оно пропало и никогда не отыщется. Я не хотела, чтобы оно нашлось, – мне было страшно.

– Страшно? Почему?

– Наверное... я боялась, что меня убьют.

Я вспомнил выражение ужаса на лице Брендды, ее дикую, необъяснимую панику. Вспомнил сцену страха, разыгранную Магдой, когда она репетировала роль убийцы. София вряд ли стала бы впадать в панику, но она была реалисткой и ясно видела, что исчезновение семейного завещания ставит ее под подозрение. Теперь я понял (или считал, что понял) причину ее отказа обручиться со мной и ее настойчивые мольбы выяснить всю правду до конца. Ей, она сказала, нужна только правда. Я вспомнил, с какой горячностью были произнесены эти слова.

Мы свернули к дому, и в какой-то момент я вдруг вспомнил еще одно ее высказывание.

Она сказала, что, наверное, могла бы убить, и добавила: но только ради чего-то очень стоящего.

Из-за поворота вышли Роджер и Клеменси и быстрым шагом двинулись нам навстречу. Свободный спортивный пиджак шел Роджеру гораздо больше, чем деловой костюм бизнесмена из Сити. Вид у Роджера был возбужденный и взъерошенный, Клеменси мрачно хмурилась.

– Приветствую вас, – сказал Роджер. – Наконец-то. Я уж думал, они так и не соберутся арестовать эту дрянь. Чего они ждали до сих пор? Слава богу, забрали ее вместе с этим ничтожеством, ее дружкой. Надеюсь, их обоих повесят.

Клеменси помрачнела еще больше.

– Веди себя как цивилизованный человек, Роджер, – сказала она.

– Цивилизованный! Какая чушь! Заранее все обдумать, а потом хладнокровно отравить беспомощного, доверчивого старика. И когда я радуюсь, что убийцы пойманы и понесут наказание, ты говоришь, что я нецивилизованный. Да я охотно задушил бы эту женщину собственными руками. Она ведь была с вами, когда полиция за ней приехала? Как она все это восприняла? – спросил он.

– Это было ужасно, – сказала тихо София. – Она от страха едва не лишилась рассудка.

– Поделом.

– Не надо быть таким мстительным, – сказала Клеменси.

– Это я знаю, дорогая, но ты не в состоянии меня понять. Это ведь был не твой отец. *А я любил отца. Тебе этого никак не понять. Я его любил.*

– Мне следовало бы уже это понять.

– У тебя нет воображения, Клеменси, – сказал Роджер шутливо. – Представь себе, что отравили бы меня.

Я видел, как у нее дрогнули веки и руки нервно сжались в кулаки.

– Не произноси этого даже в шутку, – резко сказала она.

– Ничего, дорогая. Скоро мы будем далеко от всего этого.

Мы пошли к дому, Роджер и София впереди, а мы с Клеменси замыкали шествие. Клеменси сказала:

– Теперь-то, я надеюсь, нам разрешат уехать?

– А вам так не терпится?

– Меня это все измотало, – сказала Клеменси.

Я с удивлением на нее поглядел. В ответ она улыбнулась какой-то слабой, вымученной улыбкой и тряхнула головой:

– Вы разве не видите, Чарльз, что я непрерывно сражаюсь? Сражаюсь за свое счастье. И за счастье Роджера. Я так боялась, что семья уговорит его остаться в Англии и мы будем затянуты в этот семейный клубок и задушены семейными узами. Боялась, что София предложит ему определенный доход и он останется в Англии потому, что это обеспечит большой жизненный комфорт и удобства для меня. Все горе в том, что Роджер не хочет слушать, что ему говоришь. У него свои идеи, и почти всегда неверные. Он ничего не понимает. А в то же время он достаточно Леонидис и поэтому считает, что счастье женщины определяется комфортом и деньгами. Но я все равно буду сражаться за свое счастье – и не отступлю. Я увезу Роджера и создам ему жизнь, которая будет ему по душе, и он больше не будет ощущать себя неудачником. Я хочу его для себя – подальше от них всех... там, где мы будем вдвоем...

Все это было сказано торопливо, с каким-то тихим отчаянием, удивившим и насторожившим меня. Я не замечал прежде, что она на грани срыва, и не представлял себе, каким мучительным и собственническим было ее чувство к Роджеру.

В памяти невольно возникли слова Эдит де Хевиленд: «Люблю, но не делаю кумиров», произнесенные с какой-то особой интонацией. Я так и не понял, имела ли она в виду Клеменси.

Думаю, что Роджер любил отца больше всех на свете, больше, чем жену, несмотря на то что он был сильно к ней привязан. Я впервые понял, каким упорным было желание Клеменси полностью завладеть мужем. Любовь к Роджеру, как я сейчас видел, составляла смысл ее жизни. Он был для нее одновременно и мужем, и возлюбленным, и ее ребенком.

У подъезда остановилась машина.

– Привет, – сказал я, – вот и Жозефина.

Жозефина выскочила из машины, за ней вышла Магда.

У Жозефины была забинтована голова, но выглядела она вполне здоровой.

– Пойду посмотрю, как там мои золотые рыбки, – заявила она и двинулась по направлению к пруду нам навстречу.

– Солнышко, тебе необходимо немного полежать и, может быть, выпить крепкого бульона! – закричала Магда.

– Мама, успокойся, я уже совсем поправилась. И вообще я ненавижу крепкий бульон.

Магда стояла в нерешительности. Я знал, что Жозефину собирались выписать из больницы уже несколько дней назад и задержали ее там только по просьбе Тавернера. Он не мог поручиться за безопасность Жозефины, пока не упрятали под замок подозреваемых преступников.

Я сказал Магде:

– Я думаю, свежий воздух ей будет только полезен. Я присмотрю за ней.

Я догнал Жозефину по дороге к пруду.

– Тут столько всякого происходило, пока тебя не было, – сказал я.

Жозефина не ответила. Близорукими глазами она всматривалась в пруд.

– Не вижу Фердинанда, – пробормотала она.

– Какой из них Фердинанд?

– Такой с четырьмя хвостами.

– Это забавные создания. А мне нравятся ярко-золотые рыбки.

– Самые обыкновенные.

– А в этих, как молью объединенных, я ничего красивого не вижу.

Жозефина уничтожила меня взглядом:

– Это шебункины. Они очень дорого стоят – гораздо дороже золотых рыбок.

– А тебе неинтересно узнать, что здесь происходило?

– Я и так знаю.

– А ты знаешь, что нашли новое завещание и что дедушка оставил все деньги Софии?

Жозефина кивнула со скучающим видом:

– Мама мне сказала, но я и раньше знала.

– В больнице узнала, это ты хочешь сказать?

– Нет. Я хочу сказать, что знала раньше о том, что дедушка все деньги оставил Софии. Я слышала, как он ей говорил об этом.

– Снова подслушивала?

– Да, я люблю подслушивать.

– Очень стыдно это делать, а кроме того, помни, те, кто подслушивает, могут услышать нелестное о себе.

Она как-то странно на меня поглядела:

– Я слышала, что он сказал ей про меня, если вы это имели в виду. Няня просто бесится, – добавила она, – когда видит, что я подслушиваю под дверь. Она говорит, что так вести себя не

должна настоящая леди.

– Она права.

– Наплевать, – сказала Жозефина. – Сейчас нет настоящих леди. Так сказали по радио в «Клубе смекалистых». Они считают, что это ар-ха-ично. – Она старательно и с расстановкой выговорила незнакомое слово.

Я переменял тему:

– Ты немного опоздала. Самые крупные события произошли только что – инспектор Тавернер арестовал Бренду и Лоуренса.

Я ожидал, что Жозефина, игравшая роль сыщика, будет поражена этой новостью, но она снова со скучающей миной повторила:

– Да, я знаю.

Я пришел в тихое бешенство.

– Ты не можешь этого знать, – сказал я. – Это случилось только что.

– Машина встретила нас на дороге. Там вместе с Брендой и Лоуренсом сидели инспектор Тавернер и сыщик в замшевых туфлях. Я, конечно, сразу поняла, что их арестовали. Интересно, он сделал необходимое предупреждение? Сами знаете, так полагается.

Я заверил ее, что Тавернер вел себя в строгом соответствии с законом.

– Я вынужден был рассказать ему о письмах, – добавил я извиняющимся тоном. – Я нашел их за баком. Я хотел, чтобы ты сама ему о них сказала, но ты была уже в больнице.

Она осторожно потрогала голову.

– Меня должны были убить, – заявила она удовлетворенно. – Я же вам говорила, что настало время для второго убийства. Баки – негодное место для хранения писем. Я сразу же догадалась, когда увидела, как Лоуренс выходит оттуда. Он ведь не такой человек, чтобы возиться с кранами, трубами, пробками. Поэтому я сразу решила, что он там что-то прячет.

– А я думал... – начал было я, но замолк, услышав властный голос Эдит де Хевиленд, зовущий Жозефину.

Жозефина вздохнула:

– Опять что-то надо. Но я лучше пойду. Никуда не денешься, если зовет тетя Эдит.

Она бегом помчалась через газон, а я не спеша последовал за ней.

Обменявшись короткими репликами с тетушкой, стоявшей на террасе, Жозефина ушла в дом, я же присоединился к Эдит де Хевиленд.

В то утро ей можно было дать все ее годы. Меня поразило ее измученное страдальческое лицо. Видно было, что она устала и ей неможется. Заметив мой озабоченный взгляд, она попыталась улыбнуться.

– На этом ребенке совсем не отразилось ее приключение, – сказала она. – С нее глаз теперь нельзя спускать. Хотя... мне кажется, сейчас это уже не так важно. – Она вздохнула: – Я рада, что все кончено. Но что за безобразная сцена! Если тебя арестовывают за убийство, можно хотя бы держаться с достоинством. У меня не хватает терпения на таких людей, как Бренда, которые впадают в истерику и поднимают визг. У этих людей нет мужества. Лоуренс Браун вообще был похож на загнанного в угол кролика.

Смутное чувство жалости зашевелилось в моей душе.

– Бедняги, – сказал я.

– Да, бедняги. Надеюсь, у нее достанет здравого смысла позаботиться о себе. Я хочу сказать, заручиться хорошими адвокатами и все прочее.

Я подумал, что все это выглядит довольно странно – явная неприязнь, которую вся семья питала к Бренде, и в то же время мелочная забота о том, чтобы она была во всеоружии, когда дело дойдет до защиты.

Эдит де Хевиленд продолжала:

– Сколько это продлится? Сколько времени займет вся процедура?

Я сказал, что точно не знаю. Им предъявят обвинение в полицейском суде, а потом начнется следствие.

– Считайте, три-четыре месяца, а если вынесут обвинительный приговор, тогда еще дадут время для обжалования.

– А вы думаете, будет вынесен обвинительный приговор?

– Не знаю. Не знаю точно, насколько серьезные улики в руках у полиции. У них имеются письма.

– Любовные письма... Значит, все-таки они были любовниками?

– Они были влюблены друг в друга.

Она еще больше помрачнела.

– Мне все это так тяжело, Чарльз. Мне не симпатична Бренда. Прежде я ее очень не любила. Отзывалась о ней достаточно резко. А теперь... теперь я хотела бы, чтобы она получила возможность защитить себя, чтобы она использовала все имеющиеся у нее шансы. И Аристид бы этого хотел. Я чувствую, мне самой придется проследить, чтобы с Брендой поступили по справедливости.

– А с Лоуренсом?

– Ах да, Лоуренс! – Она раздраженно пожала плечами. – Мужчины должны сами о себе заботиться. Но Аристид никогда бы нас не простил, если бы... – Она не закончила фразы. Затем сказала: – Время второго завтрака. Пойдемте.

Я объяснил ей, что еду в Лондон.

– На своей машине?

– Да.

– Хм. А не возьмете ли меня с собой? Насколько я понимаю, разрешено спустить нас с поводка.

– Конечно, я вас возьму, но мне кажется, Магда и София собираются в город после ленча. С ними вам будет удобнее, чем в моей двухместной машине.

– Мне не хочется с ними. Возьмите меня с собой и ничего никому не говорите.

Я был удивлен, но, конечно, выполнил ее просьбу. Мы почти не разговаривали по пути. Я спросил, куда ее отвезти.

– Харли-стрит. ^[11]

Предчувствие закралось мне в сердце, но я не хотел задавать ей вопросов. Она сказала:

– Нет. Слишком рано. Высадите меня у «Дебнемз». ^[12] Я там позавтракаю и отправлюсь на Харли-стрит.

– Я надеюсь... – начал я и остановился.

– Поэтому я и не хотела ехать с Магдой. Она все так драматизирует, всегда много лишнего шума.

– Мне очень жаль, – сказал я.

– Не жалейте меня. Я прожила хорошую жизнь. Очень хорошую. – Она неожиданно улыбнулась: – И пока она еще не кончилась.

Уже несколько дней я не видел отца. Когда наконец я заглянул к нему, он был занят чем-то не имеющим отношения к Леонидисам. Я пошел искать Тавернера.

Старший инспектор наслаждался коротким досугом и охотно согласился пропустить со мной стаканчик. Я поздравил его с успешным завершением расследования. Он принял поздравление, но вид у него при этом был далеко не ликующий.

– Я рад, что все уже позади, – сказал он. – Наконец дело заведено. Этого никто не станет оспаривать.

– Вы уверены, что добьетесь осуждения?

– Невозможно сказать заранее. Доказательства только косвенные, как почти всегда в случаях с убийствами. Очень многое будет зависеть от впечатления, которое эта пара произведет на присяжных.

– Что дают письма?

– На первый взгляд письма убийственные. Намеки на их совместную жизнь после смерти супруга. Фразы вроде: «Долго это не протянется». Попомните мои слова, защита все повернет по-своему – муж был настолько стар, что они, естественно, могли ожидать, что он скоро умрет. Прямых указаний на отравление нет – черным по белому нигде не написано, – но есть какие-то пассажи, которые при желании можно истолковать как подтверждение. Все зависит от того, кто будет судьей. Если старик Карбери, их дело швах. Он большой ригорист по части нарушений супружеской верности. Защищать, мне кажется, будет Иглз или же Хамфри Кер. Хамфри просто великолепен для таких дел, но он любит для подкрепления своих доводов опереться на блестящий послужной список или что-нибудь в таком же роде. Боюсь, что отказ от службы в армии по этическим мотивам помешает ему развернуться. Вопрос сводится к тому, сумеют ли они понравиться присяжным. А кто может поручиться за присяжных? Сами знаете, Чарльз, эти двое не вызывают особой симпатии. Она – красивая женщина, вышла замуж за глубокого старика ради денег, а Браун – неврастеник, отказавшийся служить в армии по религиозно-этическим мотивам. Преступление банальное – оно в такой степени отвечает общепринятому стандарту, что даже и не верится, что они на него пошли. Могут, конечно, решить, что сделал это он, а она ничего не знала, или наоборот, что сделала она, а ничего не знал он. А могут вынести решение, что они сделали это вдвоем.

– А сами вы что думаете? – спросил я.

Он поглядел на меня без всякого выражения:

– Ничего не думаю. Я раскопал факты, факты отправлены к помощнику прокурора, и там пришли к выводу, что можно открыть дело. Вот и все. Я исполнил свой долг и умываю руки. Теперь вы в курсе, Чарльз.

Я, однако, был неудовлетворен – я видел лишь то, что Тавернера что-то мучает.

Только через три дня мне удалось поговорить по душам с отцом. О деле сам он ни разу не упоминал в разговорах со мной. Между нами возникло какое-то отчуждение, и мне казалось, я знаю причину. Теперь я задался целью во что бы то ни стало сломать вставшую между нами преграду.

– Давай поговорим начистоту, – сказал я. – Тавернер не уверен, что это сделали они. И ты тоже не уверен.

Отец покачал головой и повторил то же, что и Тавернер:

– Больше от нас ничего не зависит. Поскольку заведено дело, окончательный ответ надо искать исходя из него. А не высказывать сомнения.

– Но ни ты, ни Тавернер ведь не думаете, что они виновны?

– Это пусть решают присяжные.

Я взмолился:

– Ради всех святых, не затыкай мне рот профессиональными терминами. Вы-то с Тавернером что думаете об этом?

– Мое личное мнение значит столько же, сколько и твое.

– Это все так, но у тебя больше опыта.

– Скажу тебе честно – не знаю.

– А могут они быть виновны?

– Безусловно.

– Но ты в этом не уверен?

Отец пожал плечами:

– Как можно быть уверенным?

– Папа, не уходи от ответа. В других случаях у тебя бывала уверенность, разве нет? Даже твердая уверенность – никаких сомнений.

– Иногда бывало. Не всегда.

– Видит бог, как бы мне хотелось, чтобы она была у тебя сейчас.

– Мне бы тоже хотелось.

Мы оба замолчали. Перед моим мысленным взором возникли два призрака, выскользнувшие из сумеречного сада. Одинокие, затравленные, запуганные. Запуганные с самого начала. А не было ли это свидетельством нечистой совести?

Но тут же я сказал себе, что это еще ни о чем не говорит. Оба они, и Бренда и Лоуренс, боялись жизни – у них не было уверенности в себе, в своей способности избежать опасности и поражения: они хорошо понимали, что по всем общепринятым нормам незаконная любовь, когда замешано убийство, непременно навлечет на них подозрение.

Отец снова заговорил, на сей раз серьезно и по-доброму:

– Ну хорошо, Чарльз, давай посмотрим правде в глаза. У тебя в голове засела идея, что истинный преступник – один из Леонидисов, не так ли?

– Не совсем. Я задаю себе...

– На самом деле ты так думаешь. Ты можешь и ошибаться, но думаешь ты именно так.

– Вероятно, да.

– Почему?

– Потому что... – Я задумался, пытаюсь четко представить себе, что я хотел сказать, собраться с мыслями. – Потому что... – Наконец я нашел точные слова: – Потому что они сами так думают.

– Сами так думают? Это любопытно. Очень даже любопытно. Ты хочешь сказать, что они все подозревают друг друга? Или же знают, кто именно это сделал?

– Не знаю точно. Все это очень туманно и путано. Думаю, что они стараются закрыть глаза и не видеть того, что им ясно.

Отец понимающе кивнул.

– Кроме Роджера, – сказал я. – Роджер искренне верит, что это сделала Бренда, и так же искренне хочет, чтобы ее повесили. Когда ты с Роджером, все кажется так... так легко, оттого что он простой, определенный и у него нет задних мыслей. Остальные же чувствуют себя виноватыми, им все время неловко, они просят меня позаботиться о том, чтобы у Бренды были самые лучшие адвокаты – чтобы ей дали шанс. Почему?

– Потому что в глубине души они не верят, что она виновата... Да, здравая мысль, – ответил отец, а затем тихо спросил: – Кто мог это сделать? Ты со всеми разговаривал? Кто главный

кандидат?

– Не знаю. И это меня сводит с ума. Никто не подходит под твою схему убийцы, и тем не менее я чувствую... все время чувствую, что один из них убийца.

– София?

– Господь с тобой!

– В глубине сознания ты не исключаешь такую возможность. Нет, Чарльз, ты не отрицай. Ты просто не хочешь себе признаться. А как остальные? Например, Филип?

– Очень уж фантастическим должен быть в этом случае мотив.

– Мотивы бывают самыми фантастическими – или же до абсурда простыми. Какой же у него мог быть мотив?

– Он жестоко ревновал Роджера к отцу, ревновал всю жизнь. То, что отец отдавал предпочтение Роджеру, буквально сводило его с ума. Роджер был накануне краха, и об этом прослышал старик. Он пообещал снова поставить Роджера на ноги. Вполне возможно, что это стало известно Филипу. И если старик в тот вечер отдает концы, Роджер не получает никакой помощи. Но все это чушь, конечно...

– Не скажи. Такое не очень часто, но случается. Дело житейское. Ну, а Магда?

– Она довольно инфантильна, у нее неадекватные реакции на окружающее. И я бы никогда не подумал о том, что она может быть причастна к чему бы то ни было, не будь этой неожиданной идеи отправить Жозефину в Швейцарию. Меня не покидает чувство, что Магда опасалась, что Жозефина что-то знает и может сболтнуть...

– И тут Жозефину кокнули по голове...

– Но не могла же это сделать ее мать!

– Почему нет?

– Папа, что ты говоришь? Не может мать...

– Ты меня удивляешь, Чарльз. Ты что, никогда не читал полицейских хроник? Там постоянно фигурируют матери, невзлюбившие кого-то из своих детей. Обычно только одного. И это не мешает ей быть привязанной к остальным детям. Нередко на это есть свои причины. И обычно кроются они в прошлом, но не всегда их легко установить. Но коли уж существует такая неприязнь, она необъяснима и, как правило, очень сильна.

– Она называла Жозефину найденьшем, – сказал я, неохотно согласившись с ним.

– Это обижало девочку?

– Не уверен.

– Кто еще там остается? Роджер?

– Роджер не убивал отца. За это я ручаюсь.

– Исключим Роджера. Его жена... Как ее зовут? Клеменси?

– Да. Если она и убила старого Леонидиса, то тут причина весьма необычна.

Я рассказал о своем разговоре с Клеменси, о том, что ее страстное желание увезти Роджера подальше от Лондона могло, как мне кажется, заставить ее хладнокровно дать яд старику. Она уговорила Роджера уехать, ничего не сказав отцу. Но старик об этом узнал. Он намеревался оказать поддержку фирме ресторанных услуг. Все надежды и планы Клеменси рушились. Она до отчаяния любит Роджера – вот уж воистину, не сотвори себе кумира.

– Ты повторяешь то, что сказала Эдит де Хевиленд.

– Да. Сама Эдит де Хевиленд – еще один персонаж, который, по моему убеждению, мог это сделать. Но только не знаю для чего. Будь у нее причина, которую она сочла бы достаточно весомой, я верю, что она способна была бы расправиться без суда. Она такой человек.

– Она ведь тоже беспокоилась о том, чтобы у Бренды были компетентные адвокаты?

– Да. Я полагаю, это вопрос совести. Ни минуты не сомневаюсь, что, если бы она это

сделала, она не стала бы перекладывать на них свою вину.

– Скорее всего, нет. Но могла ли она пришибить Жозефину?

– Нет, – сказал я, подумав. – В это я не могу поверить. Что-то такое, кстати, мне говорила Жозефина... Крутится в голове, но не могу вспомнить. Выскользнуло из памяти. У меня отчетливое ощущение, что что-то с чем-то не совпадало... Только бы вспомнить...

– Это не страшно, – утешил меня отец. – Постепенно вспомнится. Еще у тебя есть кто-нибудь на подозрении?

– Да. И даже очень. Что тебе известно о детском параличе? О его воздействии на характер, я хочу сказать.

– Ты имеешь в виду Юстаса?

– Да. Чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что Юстас самый подходящий претендент. Он не любил деда, был на него в обиде. Он мальчик странный и неуравновешенный. То есть явно не в норме. Он единственный в семье, кто мог бы, по моим представлениям, спокойно пристукнуть Жозефину, если она что-то про него знала – а похоже, что знала. Эта девочка знает все про всех. И все записывает себе в записную книжечку...

Меня вдруг осенило.

– Боже, какой я осел! – только и оставалось мне воскликнуть.

– Что случилось?

– Теперь я знаю, что было не так. Мы решили, Тавернер и я, что этот погром в комнате у Жозефины, эти сумасшедшие поиски были затеяны ради писем. Я думал, что она их заполучила и спрятала на чердаке. Но когда мы с ней разговаривали позавчера, она ясно сказала, что письма спрятал сам Лоуренс. Она видела, как он спустился с чердака, пошла по его следам и обнаружила письма. И конечно же, прочитала. В этом уж можно не сомневаться. А потом оставила там, где они лежали.

– Ну и что из этого?

– Разве ты не видишь? Очевидно, кто-то искал в ее комнате не письма, а нечто совсем другое.

– И это другое...

– Черная записная книжечка, где она записывает свои «разоблачения». Эту книжечку и искали. Еще мне кажется, что тот, кто искал ее, так ее и не нашел. Значит, книжечка и сейчас у Жозефины. Но если так...

Я даже привстал.

– Если это так, – сказал отец, – значит, ей все еще грозит опасность. Ты это хотел сказать?

– В безопасности она будет только тогда, когда уедет в Швейцарию. Ты ведь знаешь, что ее собираются туда послать?

– А сама она хочет ехать?

Я задумался:

– Не уверен.

– Тогда она, скорее всего, и не поедет, – заключил отец. – Насчет опасности ты прав. Поэтому поезжай в Суинли Дин как можно скорее.

Но все-таки кто же это мог быть? Юстас? Клеменси? Я был близок к отчаянию.

– Факты, по-моему, ясно указывают в одном направлении... – тихо сказал отец. – Меня удивляет, что ты сам этого не видишь.

Гловер открыл дверь:

– Прошу прощения, мистер Чарльз, вас к телефону. Мисс Леонидис звонит из Суинли Дин, говорит, что очень срочно.

Меня охватил ужас – повторялось все точно, как в прошлый раз. Неужели снова Жозефина?

А вдруг убийца на этот раз не промахнулся?...

Я поспешил к телефону:

– София? Это я, Чарльз.

В голосе Софии было какое-то глухое отчаяние.

– Чарльз, ничего не кончилось. Убийца все еще здесь.

– Что ты хочешь сказать? Что случилось? Опять Жозефина?

– На этот раз не Жозефина. Няня.

– Няня?

– Да. В стакане было какао – это был Жозефинин стакан, она не стала пить и оставила на столе, а няня решила, что жалко выливать, и выпила.

– Бедная няня! Она в тяжелом состоянии?

Голос Софии дрогнул:

– Чарльз, она умерла.

Снова начался кошмарный сон.

Я думал об этом, сидя в машине, когда мы с Тавернером ехали из Лондона в Суинли Дин. Это было точное повторение нашего прошлого путешествия.

Тавернер иногда произносил какие-то бранные слова. Я же время от времени твердил тупо и бессмысленно одну и ту же фразу: «Значит, это не Бренда и не Лоуренс. Значит, не Бренда и не Лоуренс».

Верил ли я сам в это? Скорее мне хотелось верить, хотелось уйти от других, более зловещих предчувствий...

Они влюбились друг в друга и писали друг другу глупые, сентиментальные, любовные письма. Они уповали на то, что старый муж Бренды скоро спокойно и тихо отойдет в мир иной, – я даже не был уверен, что они так уж жаждали его смерти. У меня было чувство, что отчаяние и тоска несчастной любви их вполне устраивают, даже больше, чем перспектива будничной супружеской жизни. Бренда вряд ли была страстной женщиной. Для этого она была слишком анемична, слишком пассивна. Она мечтала о романтической любви. Думаю, что и Лоуренс тоже был из тех, для кого несбывшиеся надежды и неясные мечты о будущем блаженстве значат больше, чем утехи плотской любви.

Они попали в ловушку и, насмерть перепуганные, не могли сообразить, как из нее выбраться. Лоуренс сделал невероятную глупость, не уничтожив письма Бренды. Его письма Бренда, очевидно, все же уничтожила. Иначе бы их нашли. И вовсе не Лоуренс положил мраморного льва на дверь прачечной. Это был кто-то другой, чье лицо по-прежнему было скрыто от нас маской.

Мы подъехали к двери. Тавернер вышел, я последовал за ним. В холле стоял какой-то незнакомый мне человек в штатском. Он поздоровался с Тавернером, который сразу же отозвал его в сторону.

Внимание мое привлекла гора чемоданов в холле. На всех чемоданах были бирки с адресом. Пока я смотрел на них, по лестнице спустилась Клеменси. На ней было ее неизменное красное платье, пальто из твида, а на голове красная фетровая шляпа.

– Вы приехали как раз вовремя, чтобы попрощаться, Чарльз, – сказала она.

– Вы уезжаете?

– Да. Мы сегодня вечером едем в Лондон. Самолет завтра рано утром.

Она была спокойна и улыбалась, но глаза глядели настороженно.

– Но сейчас вы ведь не можете уехать.

– Почему не можем? – Голос сразу стал жестким.

– А смерть...

– Смерть няни к нам не имеет никакого отношения.

– Может быть, и нет. Тем не менее...

– Почему вы говорите «может быть, и нет»? Она действительно к нам не имеет отношения.

Мы были у себя наверху, складывали остатки вещей. И ни разу не спускались вниз, пока какао стояло на столе в холле.

– Вы можете это доказать?

– Я отвечаю за Роджера, а он за меня.

– И никаких других свидетелей? Не забывайте, вы муж и жена.

Гнев ее вылился наружу.

– Вы невыносимы, Чарльз! Мы с Роджером собираемся уехать – начать новую независимую

жизнь. На кой дьявол нам понадобилось на прощание дать яд доброй глупой старухе, не причинившей нам никакого зла?

– Может быть, вы намеревались дать яд кому-то другому?

– Еще менее вероятно, что мы хотели отравить ребенка.

– Но это ведь зависит от того, какой это ребенок. Не согласны?

– Что вы имеете в виду?

– Жозефина не совсем обычный ребенок. Она много знает о людях. Она...

Я запнулся. В дверях, ведущих в гостиную, появилась Жозефина. Она грызла неизменное яблоко, а глаза над его круглым румяным бочком светились каким-то бесовским торжеством.

– Няню отравили, – объявила она. – Точь-в-точь как и дедушку. Интересно, правда?

– Тебя что, это совсем не огорчает? – спросил я сурово. – Ты же очень ее любила, мне кажется.

– Не особенно. Она всегда меня ругала за что-нибудь. Вечно шум поднимала.

– А ты хоть кого-нибудь любишь, Жозефина? – спросила Клеменси.

Жозефина остановила свой гоблинский взгляд на Клеменси.

– Я люблю тетю Эдит, – сказала она. – Я очень даже люблю тетю Эдит. И еще я могла бы любить Юстаса, но только он всегда такой злющий со мной, и ему совсем не интересно разгадывать, кто все это сделал.

– Я советую тебе прекратить эти разгадывания, – сказал я. – Это небезопасно.

– Мне больше ничего не надо разгадывать. Я все знаю.

Воцарилось молчание. Неподвижный торжествующий взгляд Жозефины был устремлен на Клеменси. До моего слуха донесся звук, напоминающий глубокий вздох. Я резко обернулся. На ступеньках, на середине лестницы, стояла Эдит де Хевиленд, но мне казалось, что вздохнула не она. Звук пришел из-за двери, через которую вошла Жозефина.

Прыжком я пересек комнату и распахнул дверь – за ней никого не было.

Я тем не менее был сильно обеспокоен. Кто-то только что стоял за дверью и слышал, что сказала Жозефина. Я вернулся и взял Жозефину за руку. Она по-прежнему жевала яблоко и в упор смотрела на Клеменси. Помимо важного высокомерия, в этом взгляде было какое-то злобное торжество.

Я сказал:

– Пойдем, Жозефина. Нам надо немного поговорить.

Я догадывался, что Жозефина воспротивится, но я был настроен решительно. Я почти насильно дотащил ее до той части дома, где она жила. Там была небольшая комната типа гостиной, которой пользовались в дневные часы и где, я надеялся, никто не потревожит нас. Я привел ее туда и, закрыв крепко дверь, усадил на стул. Затем я пододвинул второй стул и сел так, чтобы видеть ее лицо.

– Ну, а теперь, Жозефина, поговорим откровенно. Итак, что тебе известно?

– Масса всего.

– В этом я не сомневаюсь. У тебя голова, наверное, так забита, что туда уже больше не вмещается никаких сведений – ни нужных, ни ненужных. Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, не так ли?

– Конечно, знаю. Я же не глупая.

Я так и не понял, предназначалась ли эта шпилька мне или полиции, но я, не обратив на нее внимания, продолжал:

– Ты знаешь, кто положил яд в твое какао?

Жозефина кивнула.

– Ты знаешь, кто отравил дедушку?

Снова кивок.

– А кто прошиб тебе голову?

Она снова кивнула.

– Тогда вспомни то, что ты знаешь, и расскажи все мне прямо сейчас.

– Не расскажу.

– Ты должна это сделать. Все добытые тобой или подслушанные сведения необходимо сообщить полиции.

– Я ничего не расскажу полиции. Они глупые. Они думают, что это Бренда... или Лоуренс. А я не такая глупая. Я-то знаю прекрасно, что это вовсе не они. У меня давно появилась мысль, кто это мог быть, и я произвела проверку – и теперь я знаю, что была права, – заключила она с радостным удовлетворением.

Я призвал на помощь все свое терпение и начал новую атаку.

– Я не могу не признать, Жозефина, что ты необыкновенно умна, – сказал я.

Она была явно польщена.

– Но скажи сама, какой толк от твоего ума, если тебя не будет в живых и ты не сможешь порадоваться тому, что ты такая умная? Дурочка, разве тебе не понятно, что, пока ты так по-детски все скрываешь, ты находишься в непрерывной опасности?

Жозефина с довольным видом кивнула:

– Конечно, понимаю.

– Ты уже два раза чудом избежала смерти. При первом покушении ты едва не лишилась жизни, а второе стоило жизни другому человеку. И если ты будешь с важным видом расхаживать по дому и объявлять во всеуслышание о том, что тебе известен убийца, будут новые попытки – и погибнешь либо ты, либо кто-то другой. Разве ты этого не понимаешь?

– В некоторых детективах иногда убивают всех подряд, одного за другим, – сказала Жозефина с явным удовольствием. – А в конце преступника ловят только потому, что он или она единственно и остался в живых.

– Но это не детектив. Это «Три фронта», Суинли Дин, а ты – маленькая глупая девочка, начитавшаяся больше чем нужно всякой ерунды. Я заставлю тебя сказать мне, что ты знаешь, даже если мне придется душу из тебя вытрясти.

– Я всегда могу что-нибудь наврать, – возразила Жозефина.

– Можешь, но не станешь. Собственно, чего ты ждешь?

– Вы не понимаете, – сказала Жозефина. – Может, я вообще никогда не скажу. А может, я люблю этого человека?

Она сделала паузу, как мне показалось, чтобы полюбоваться произведенным эффектом.

– А если я и скажу когда-нибудь, – продолжала она, – то уж сделаю это как надо. Рассажу всех в круг, разберу все с начала до конца, приведу улики, а потом неожиданно скажу: «Это вы!» – Она театральным жестом выбросила вперед указующий перст как раз в ту минуту, когда вошла Эдит де Хевиленд.

– Брось огрызок яблока в мусорную корзину, Жозефина, – сказала она строго. – Где твой носовой платок? У тебя липкие пальцы. Я собираюсь взять тебя прокатиться на машине.

Встретившись со мной взглядом, она многозначительно добавила:

– Ей полезно отсюда уехать на часок-другой... – Заметив, что Жозефина готова взбунтоваться, она сказала: – Мы поедем в Лонгбридж и будем есть мороженое, крем-брюле.

Глаза Жозефины радостно заблестели.

– Две порции, – сказала она.

– Посмотрим. А теперь пойдешь надень шапочку и пальто и не забудь темно-синий шарф. Сегодня холодно. Чарльз, сходите вместе с ней и подождите, пока она оденется. Не оставляйте

ее одну. Мне надо написать пару записок.

Она села за письменный столик, а я эскортировал Жозефину. Если даже Эдит меня бы не предупредила, я все равно бы ходил за Жозефиной хвостом. Я был уверен, что этого ребенка за каждым поворотом подстерегает опасность.

Я только успел критически оглядеть туалет Жозефины, как в комнату вошла София. Она очень удивилась при виде меня:

– Вот уж не ожидала увидеть тебя в роли горничной, Чарльз. Я и не знала, что ты здесь.

– А я еду в Лонгбридж с тетей Эдит, – объявила с важным видом Жозефина. – Мы будем есть мороженое.

– Брр, в такую холодину?

– Крем-брюле прекрасно в любую погоду, – ответила Жозефина. – Чем на улице холоднее, тем от него теплее.

София была хмурая. Я видел, что она чем-то обеспокоена. Бледная, круги под глазами.

Мы вернулись с ней обратно в маленькую гостиную. Эдит промокнула адреса на конвертах и торопливо поднялась.

– Мы отправляемся, – сказала она. – Я велела Эвансу выкатить «Форд».

Она прошла в холл, мы следом за ней.

Мое внимание снова привлекли чемоданы с голубыми бирками. У меня они почему-то вызывали смутную тревогу.

Эдит де Хевиленд сказала:

– Какой прекрасный день, – она натянула перчатки и взглянула на небо. «Форд» уже ждал их перед домом. – Холодно, однако воздух бодрящий. Настоящий английский осенний день. А как хороши эти обнаженные деревья на фоне неба – листочки кое-где еще висят, совсем золотые.

Она помолчала, а потом повернулась и поцеловала Софию.

– Прощай, дорогая, – сказала она. – Не слишком огорчайся. Есть вещи, которые надо принять и пережить.

Затем она сказала:

– Поехали, Жозефина – И села в машину.

Жозефина примостилась на сиденье рядом с ней. Они обе помахали нам рукой, когда машина тронулась.

– Я считаю, что это правильно – увезти на время Жозефину отсюда. Но девочку надо заставить рассказать то, что она знает, София.

– Она, очевидно, ничего не знает. Просто делает вид. Любит напустить на себя важность.

– Все это на самом деле серьезней. Кстати, они выяснили, что за яд был в какао?

– Дигиталис. Тетя Эдит принимала дигиталис от сердца. У нее всегда стоит пузырек с маленькими таблеточками, обычно полный. А сейчас пузырек пустой.

– Но такие вещи надо запирать.

– Она запирает. Но мне кажется, найти ключ для того, кому это понадобилось, труда не составляет.

– А кому это могло понадобиться? Кому? – Я снова поглядел на грудку багажа и неожиданно для себя произнес вслух: – Им нельзя уезжать. Нельзя их отпускать.

София смотрела на меня с удивлением:

– Роджера и Клеменси? Уж не думаешь ли ты?...

– А что ты думаешь?

София как-то беспомощно взмахнула руками.

– Не знаю, Чарльз, – сказала она едва слышно. – Я знаю только одно – снова... снова

вернулся этот кошмарный сон...

– Да, я тебя понимаю. Те же слова пришли мне в голову, когда мы ехали сюда с Тавернером.

– Потому что это и есть настоящий кошмар. Ходить среди близких людей, смотреть на их лица... и вдруг увидеть, как эти лица меняются... и перед тобой уже совсем другой человек, не тот, кого ты знаешь, незнакомый, жестокий...

Она вдруг закричала:

– Давай выйдем на улицу, Чарльз, давай выйдем! На улице не так страшно... Я боюсь оставаться в доме...

Мы долго пробыли в саду. По молчаливому согласию мы больше ни словом не обмолвились об ужасе, нависшем над нами. Вместо этого София с нежностью и теплотой рассказывала мне об умершей, о бесконечных затеях, об играх, в которые они в детстве играли с няней. Няня знала множество историй про Роджера, про их отца, про других братьев и сестер. Для нее они были все равно что свои дети. Няня снова вернулась к ним помочь во время войны, когда Жозефина была крошкой, а Юстас забавным мальчуганом.

Воспоминания эти были целебным бальзамом для Софии, и я изо всех сил поддерживал наш разговор.

Я подумал о Тавернере – интересно, что он делает? Наверное, опрашивает обитателей дома. Отъехала машина с полицейским фотографом и двумя полицейскими, и тут же около дома остановилась санитарная карета. Я почувствовал, как вздрогнула София. Карета вскоре уехала, и мы поняли, что тело няни увезли, чтобы подготовить его для вскрытия.

А мы все сидели, потом ходили по саду и говорили, говорили без конца – и снова наши слова, чем дальше, тем больше маскировали наши подлинные мысли.

Поежившись, София сказала:

– Должно быть, очень поздно – почти совсем темно. Надо идти. Тети Эдит с Жозефиной еще нет... Им давно пора вернуться.

Меня охватило какое-то смутное беспокойство. Что случилось? Тетя Эдит нарочно держит девочку подальше от скрюченного домишка?

Мы возвратились в дом.

София задернула шторы, мы разожгли камин. Казавшаяся неуместной былая роскошь обстановки вдруг гармонично вписалась в интерьер просторной гостиной. На столах стояли большие вазы с желтыми хризантемами.

София позвонила, и та самая горничная, которую я видел наверху, принесла чай. Глаза у нее были красные, и она непрерывно всхлипывала. Я заметил, что она то и дело испуганно оглядывается назад.

Магда присоединилась к нам, а Филипу чай отнесли в библиотеку. На сей раз Магда была воплощением застывшей скорби. После каждого сказанного слова она надолго замолкала. Неожиданно она спросила:

– А где же Эдит и Жозефина? Что-то они запаздывают.

В голосе ее, как мне показалось, была озабоченность.

В душе у меня росло беспокойство. Я спросил, здесь ли еще Тавернер, и Магда ответила, что он как будто не уехал.

Я отправился на его поиски и, как только увидел, сразу же сказал, что меня беспокоит отсутствие мисс де Хевиленд и девочки. Тавернер немедленно позвонил по телефону и отдал какие-то распоряжения.

– Я сообщу вам, как только получу какие-нибудь сведения.

Я поблагодарил его и вернулся в гостиную, где застал Софию и Юстаса. Магда уже ушла.

– Он сообщит нам, как только что-нибудь узнает, – сказал я.

– Что-то с ними случилось, я уверена, что-то произошло, – тихо ответила София.

– София, дорогая, еще ведь не очень поздно.

– Напрасно вы так беспокоитесь. Они, наверное, пошли в кино, – добавил Юстас и своей ленивой походкой вышел из комнаты.

Я сказал Софии:

– Она могла поехать с Жозефиной в гостиницу или даже в Лондон. Мне кажется, она одна и понимает, какая опасность грозит Жозефине, – понимает лучше, чем мы.

София посмотрела на меня хмурым взглядом, значение которого я не знал, как истолковать.

– Она меня поцеловала на прощание, – промолвила она.

Я не совсем понял, что выражает эта ни с чем не связанная фраза, что София ею хочет сказать.

Я спросил, что делается с Магдой – не очень ли она волнуется?

– Мама? Да нет, с ней все в порядке. У нее ведь отсутствует чувство времени. Она читает новую пьесу Вавасура Джоунза под названием «Женщина располагает». Смешная пьеса об убийстве, там женщина – синяя борода, по-моему, плагиат с пьесы «Мышьяк и старые кружева».^[13] Но там есть хорошая женская роль – женщина с маниакальным желанием овдоветь.

Я больше не задавал вопросов, мы оба молча делали вид, что читаем.

Часы показывали половину седьмого, когда открылась дверь и вошел Тавернер. На лице его можно было прочесть все, что он собирается сказать.

София встала.

– Ну что? – спросила она.

– Мне очень жаль, но у меня для вас плохие вести. Я объявил машину в розыск. Патруль сообщил, что «Форд» с похожим номером свернул с шоссе у Флакспур Хит и проехал через лес.

– По дороге к Флакспурскому карьере?

– Да, мисс Леонидис. – После паузы он продолжал: – Машина обнаружена в карьере. Обе пассажирки погибли. Может, вам будет легче узнать, что смерть была мгновенной.

– Жозефина! – В дверях стояла Магда. Голос ее перешел в вопль. – Жозефина, крошка моя!

София подошла к матери и обняла ее. Я бросился к двери, крикнув на ходу:

– Я сейчас!

Я вспомнил, как Эдит де Хевиленд села за письменный стол и написала два письма, а потом, взяв их с собой, спустилась в холл.

Но писем в руках у нее не было, когда она садилась в машину.

Я кинулся в холл прямо к длинному дубовому комоду. Письма я нашел сразу – они были за медным кипятильником.

То, что лежало сверху, было адресовано старшему инспектору Тавернеру.

Тавернер вошел вслед за мной. Я отдал ему письмо, и он тут же вскрыл его. Поскольку я стоял рядом, я прочел это короткое послание:

«Я надеюсь, что письмо будет прочитано после моей смерти. Я не хочу входить в детали, но я целиком принимаю на себя ответственность за смерть моего шурина Аристиды Леонидиса и Джанет Роу (няни). Я таким образом официально заявляю, что Бренда Леонидис и Лоуренс Браун не повинны в убийстве Аристиды Леонидиса. Справка, которую вы можете навести у доктора Майкла Шавасса, 783, Харли-стрит, подтвердит вам то, что жизнь мою можно было бы продлить всего на несколько месяцев. Я предпочитаю поступить именно так и спасти двух невинных людей от обвинения в убийстве, коего они не совершали. Я пишу это в здравом уме и в твердой памяти.

Эдит де Хевиленд».

Когда я кончил читать письмо, я вдруг осознал, что София тоже его прочитала – не знаю, с согласия Тавернера или без.

– Тетя Эдит... – прошептала София.

Я вспомнил безжалостный каблук Эдит де Хевиленд, вдавивший в землю вьюнок. Вспомнил и рано закравшееся подозрение, казавшееся фантастическим. Но почему она...

София угадала мои мысли, прежде чем я успел их высказать.

– Но почему Жозефина? Почему она взяла с собой Жозефину? – сказала она.

– Почему она вообще это сделала? Чем это объяснить?...

Я еще не закончил фразы, как уже знал ответ. Мне ясно представилась целиком вся картина. Я понял, что все еще держу в руке второе письмо. Взглянув на него, я увидел свое имя.

Оно было тверже и тяжелее, чем первое. Я знал, что в нем содержится, до того как вскрыл. Я разорвал конверт, и из него выпала черная записная книжечка Жозефины. Я поднял ее с пола – она раскрылась на первой странице.

Откуда-то издали до меня донесся голос Софии, ясный и сдержанный:

– Мы все неправильно понимали... Это не Эдит.

– Не Эдит, – сказал я.

София подошла ко мне совсем близко... и прошептала:

– Это была Жозефина, да?

Мы вместе прочитали первую строчку в черной записной книжечке, выведенную еще не сформировавшимся детским почерком: «Сегодня я убила дедушку».

Можно только удивляться, почему я был так слеп. Истина буквально рвалась наружу, и, если вдуматься, одна лишь Жозефина отвечала всем отцовским характеристикам. Ее тщеславие, постоянное важничанье, непомерная любовь к разговорам, бесконечные заявления о том, какая она умная и какая полиция глупая.

Я никогда не принимал ее всерьез, потому что она была еще ребенком. Но дети ведь не раз совершали убийства, а в данном случае убийство было вполне в пределах ее возможностей. Дед сам указал ей точный способ – он фактически дал ей в руки готовый план. Единственное, что от нее требовалось, – не оставлять отпечатков пальцев, а этой науке легче легкого выучиться даже при самом поверхностном знакомстве с детективной литературой. Все остальное – просто мешанина, почерпнутая из шаблонных романов. Тут и записная книжечка, изыскания сыщика, тут и ее якобы подозрения, многозначительные намеки на то, что она не хочет говорить, пока до конца не уверена...

И наконец покушение на самое себя. Почти невероятная операция, принимая во внимание то, что Жозефина могла легко погибнуть. Но она чисто по-детски этого не учитывала. Она была героиней, а героинь не убивают. Здесь, однако, появились улики – комочки земли на сиденье старого стула в прачечной. Жозефине и только Жозефине могло понадобиться влезть на стул и пристроить на двери мраморный брусок. Он, очевидно, не один раз пролетал мимо (судя по вмятинам на полу), и она снова терпеливо взбиралась на стул и снова укладывала кусок мрамора на дверь, пользуясь шарфом, чтобы не оставлять отпечатков. А потом, когда брусок упал, она едва избежала смерти.

Это была великолепная постановка – блестящее воплощение ее замысла: ей грозит опасность, она «что-то знает», на нее совершено покушение.

Теперь мне было ясно, что она нарочно привлекла мое внимание к чердаку и бакам, когда она там была. Сама же она и устроила артистический беспорядок в своей комнате перед тем, как отправиться в прачечную.

Однако после возвращения из больницы, когда она узнала, что арестованы Бренда и Лоуренс, у нее появилась неудовлетворенность. Расследование было закончено, и она, Жозефина, оказалась вне огней рампы. Тогда она и выкрала дигиталис из комнаты Эдит и опустила таблетки в свой собственный стакан с какао, оставив его нетронутым на столе в холле.

Знала ли она, что няня его выпьет? Вполне возможно. Судя по ее словам в то утро, она не одобряла критического отношения к себе няни. А няня, умудренная долголетним опытом общения с детьми, не могла ли она что-то заподозрить?... Мне кажется, няня знала, всегда знала, что Жозефина не совсем нормальная. Раннее умственное развитие сочеталось в ней с отсталостью нравственного чувства. Не исключено также, что в ее генах столкнулись разные наследственные факторы – то, что София назвала «семейной жестокостью».

Она унаследовала властную безжалостность бабушки с материнской стороны и безжалостный эгоизм Магды, которая видела всегда все только со своей колокольни. Будучи чувствительной, как Филип, Жозефина страдала от клейма некрасивого, «приблудного» ребенка. Несомненно и то, что ей передалась изначальная искривленная сущность старого Леонидиса. Плоть от плоти своего деда, она напоминала его и умом и хитростью, но с той лишь разницей, что любовь его изливалась наружу, на его семью, а у нее лишь на самое себя.

Я решил, что старый Леонидис понял то, чего не понимал ни один член семьи – а именно, что Жозефина может быть источником опасности для других и в первую очередь для самой себя. Он не пускал ее в школу, потому что опасался, что она может наделать бед. Дома он мог

укрыть и уберечь ее, и теперь мне стала понятна его настойчивая просьба к Софии последить за Жозефиной.

И не было ли продиктовано страхом за девочку неожиданное решение Магды отправить ее за границу? Это мог быть и неосознанный страх, скорее неясный материнский инстинкт.

А как Эдит де Хевиленд? Она, очевидно, что-то заподозрила... ее охватил страх, и в конце концов она поняла всю правду.

Я взглянул на письмо, которое все еще держал в руке.

«Дорогой Чарльз, это конфиденциально – для Вас... и для Софии, если Вы сочтете нужным дать ей это письмо. Необходимо, чтобы кто-нибудь знал правду. Я вкладываю в письмо то, что я нашла в пустой собачьей будке у черного входа. Это подтвердило мои подозрения. Действие, которое я собираюсь предпринять, можно судить двояко – не знаю, правильно я поступаю или нет. Моя жизнь в любом случае близится к концу, и я не хочу, чтобы ребенок пострадал, по моему мнению, она пострадает, если ей придется держать земной ответ за то, что она совершила.

В помете всегда есть «бракованный» щенок.

Если я не права, Бог простит меня – я делаю это из любви. Да благословит Господь вас обоих.

Эдит де Хевиленд».

Я колебался только одну минуту, а затем вручил письмо Софии. Вместе мы раскрыли Жозефинину черную книжечку.

«Сегодня я убила дедушку...»

Мы перевернули страницу. Это было очень любопытное сочинение, особенно, как я себе представляю, интересное для психолога. С поразительной откровенностью оно описывало ярость, которую вызывали любые препоны, чинимые эгоцентрическим желанием. Мотив преступления был изложен так по-детски и был настолько несоразмерен, что мог вызвать только жалость.

«Дедушка не позволяет мне брать уроки танцев, и поэтому я решила его убить. Тогда мы поедem жить в Лондон, а мама не будет против танцев...»

Я привожу только несколько пассажей, но все они очень важны для понимания.

«Я не хочу ехать в Швейцарию и не поеду. Если мама заставит меня, я ее тоже убью – только мне негде достать яд. Может, я сама его сделаю. Из тисовых ягод. Говорят, они тоже ядовитые.

Юстас меня сегодня очень разозлил. Он говорит: я девчонка, и пользы от меня никакой, и моя сыщицкая работа дурацкая. Небось он никогда не думал бы, что я дура, если бы знал, что я совершила убийство.

Мне нравится Чарльз, но он какой-то глупый. Я еще не решила, на кого я свалю вину за преступление. Может, на Бренду и Лоуренса... Бренда противная, говорит, что у меня не все дома, а Лоуренс мне нравится – он рассказал мне о Шарлотте Корде: она убила кого-то там в ванне. Но сделала она это не очень-то умело...»

Последний абзац был весьма недвусмысленным:

«Я ненавижу няню... ненавижу... ненавижу. Она говорит, что я еще маленькая.

Говорит, что я рисуюсь. Это она подговаривает маму послать меня за границу... Я хочу ее тоже убить – я думаю, на это сгодится лекарство тети Эдит. И если будет еще одно убийство, полиция вернется и снова станет очень интересно.

Няня умерла. Я рада. Я еще не решила, куда я спрячу пузырек с маленькими таблетками. Может быть, в комнате у тети Клеменси или у Юстаса.

Когда я буду умирать в старости, я пошлю ее шефу полиции, и тогда все увидят, какая я великая преступница».

Я закрыл книжечку. У Софии по щекам лились слезы.

– Чарльз, Чарльз, это ужасно. Она маленький монстр... но при этом... жаль ее до ужаса.

Я испытывал те же чувства.

Мне была чем-то симпатична Жозефина... И я все еще не утратил симпатии к ней... Не любишь ведь ты кого-то меньше из-за того, что у него туберкулез или другая смертельная болезнь? Жозефина была, как сказала София, маленьким чудовищем, но чудовищем трогательным. Она родилась с дефектом – выкрученный ребенок из скрюченного домишка.

– А если бы... она не погибла, что бы с ней случилось? – спросила София.

– Очевидно, ее бы послали в исправительное заведение или в специальную школу. Потом освободили бы или, на худой конец, признали невменяемой.

София содрогнулась:

– Лучше уж так, как есть. Но вот тетя Эдит... Мне невыносимо думать, что она взяла на себя вину.

– Она сама выбрала этот путь. Не думаю, что это получит огласку. Мне представляется, что против Бренды и Лоуренса, когда начнется суд, не будет выдвинуто никаких обвинений, и их освободят. А ты, София, – я переменял тон и взял обе ее руки в свои, – ты выйдешь за меня замуж. Я получил назначение в Персию – мне только что стало известно об этом. Мы поедем туда вместе, и ты забудешь о скрюченном домишке. Твоя мать будет ставить пьесы, отец сможет покупать больше книг, а Юстас скоро поступит в университет. О них больше не надо беспокоиться. Подумай обо мне.

София посмотрела мне прямо в глаза:

– Чарльз, ты не боишься на мне жениться?

– Чего же мне бояться? В бедной маленькой Жозефине сосредоточилось все самое худшее, что есть в вашей семье, а тебе, София, – в этом меня не переубедить – досталось все самое честное и мужественное. Твой дед был о тебе высокого мнения, а он, судя по всему, редко ошибался. Выше голову, друг мой, у нас впереди будущее.

– Я постараюсь, Чарльз. Я выйду за тебя замуж и сделаю тебя счастливым. – Она поглядела на записную книжечку. – Бедная Жозефина, – сказала она.

– Да, бедная Жозефина, – повторил я.

– И какова же правда? – спросил отец.

Я не привык обманывать старика.

– Это не Эдит де Хевиленд, – сказал я. – Это Жозефина.

Отец понимающе кивнул:

– Я и сам уже какое-то время думал об этом. Несчастное дитя...

Перевод К. Чуковского.

Даго– презрительное прозвище итальянца, испанца, португальца и пр.

Имеется в виду Цезарь Борджиа, сын папы Александра VI, знаменитый своим коварством и жестокостью убийца.

Кофетуа – легендарный африканский царь, прославляемый в балладе за то, что женился по любви на нищенке.

Сокращенная цитата из Ветхого Завета, 4-я Кн. Царств, гл. 9; 35: «...И не нашли от нее ничего, кроме черепа, и ног, и кистей рук».

Пьеса английского писателя, известного театрального деятеля и актера Х.Г. Баркера (1877–1946).

Английский живописец XVIII века, писавший лирические портреты и пейзажи.

Поэма Сэмюэля Тэйлора Кольриджа, английского поэта, критика и философа (1772–1834).

Знаменитый английский поэт XIV века.

Одна из четырех юридических корпораций, готовящих адвокатов.

Улица в Лондоне, где находятся приемные частных врачей.

Крупный фирменный магазин женской одежды, внутри которого имеется кафе.

Пьеса американского драматурга Кессельринга, впервые поставлена в Нью-Йорке в 1941 г.